

**ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АБУАЛИ ИБНИ СИНО**

На правах рукописи

Нажмиддинова Дилафруз Махмудовна

**ЭМОТИВНЫЙ ДЕЙКСИС В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ
ЯЗЫКАХ: СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Диссертация

на соискание учёной степени кандидата

филологических наук по специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (таджикский язык); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

**Научный руководитель-
доктор филологических наук,
Джамshedов Парвонахон**

Душанбе – 2023

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение.....	3-22
Г Л А В А – I	
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	23
1.1. Эмоции и культурно-обусловленное распрямечивание в языке.....	23-37
1.2. Основные положения теории дейксиса.....	38-48
1.3. Эмотивный дейксис в таджикском и английском языках.....	48-89
Выводы по первой главе.....	89-90
Г Л А В А – II	
ТИПОЛОГИЯ ДЕЙКСИСА В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	91
2.1. Семантико-синтаксический аспект функционирования лексических единиц	91-98
2.2. Значимые репрезентанты эмотивно-дейктического поля в таджикском и английском языках.....	98-130
2.3. Дейктические языковые единицы в структуре фразеологических сочетаний таджикского и английского языков.....	130-152
Выводы по второй главе.....	152
Заключение.....	153-162
Список литературы.....	163-184
Словари.....	184-185
Источники.....	186-189

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность диссертационного исследования. Современный этап развития языкознания характеризуется обращением к изучению коммуникативно-прагматических аспектов языковых явлений. Успешное взаимодействие участников общения обеспечивает дейксис (от древнегреч. *deiktikos* ‘указание’) – универсальная категория языковой системы, осуществляющая указание на компоненты ситуации речи [Артемова 2019: 34]. Сегодня дейксис исследуется в системно-структурном, психолингвистическом, сопоставительно-типологическом и лингвопрагматическом направлениях. В центре внимания системно - структурного подхода находится анализ типов дейктических знаков лексической системы языка [Березко 1988; Бондаренко 1998; Бурлакова 1988; Волков 1984; Ерзинкян 1979, 1988, 2012; Мамедова 1992, Стернин 1973; Уфимцева 1974; Чалабян 1991]. Психолингвистическая школа большое внимание уделяет изучению процессов восприятия дейктических элементов языка, активно исследует закономерности их усвоения и разрабатывает методики обучения использованию этих элементов в речи [Доброва 2005; Королев 2011; Brewer & Harris 1974; Tanz 1980].

Представители сравнительно - типологического направления фокусируют внимание на сопоставительном изучении дейктических систем близкородственных (русский и чешский [Hauenschild 1982], английский и немецкий [Rauh 1983], филиппинские языки [McFarland 2012]) и неблизкородственных языков (аварский и английский [Абашилова 2002; Азиева 2007; Амирова 2006], английский и польский [Kryk 1987], русский и эрзянский [Натуральнова 2012], английский и узбекский [Рахимов 1990], английский и армянский [Чалабян 1991], испанский и английский [Flaherty & Richardson 2003], английский и хауса [Hill 1982]). Составление корпусов дейктических средств разноструктурных языков и их последующее

сравнение способствуют постепенному формированию типологии дейктических систем [Крылов 1984; Wiesemann 1986] и комплексному изучению в связи с культурами разных типов. В результате выдвигаются гипотезы о влиянии природной среды обитания, уровня развития письменности и культуры определенного этноса на структуру дейктической системы языка [Perkins 1992]. Согласно этой теории бесписьменные языки малочисленных народностей имеют более сложные дейктические системы [Denny 1982]) по сравнению с этносами с устоявшимися традициями письма и высокоразвитой культурой [Keenan 1976, p. 92]. Сегодня в лингвистических исследованиях, характеризующихся интеграцией других научных дисциплин – культурологии, социологии, нейрофизиологии, происходит смещение фокуса лингвистического анализа этой категории в область прагматики для ответа на вопрос зачем, с какой целью [Апресян 1986, 1987; Арутюнова 1981, 1985; Булыгина 1981; Дейк 1978, 1988, 1989, 2013; Падучева 1990, 1992, 1996; Степанов 1981; Brown 1972, 1987; Leech 1983; Levinson 1983], поскольку прагматический фактор не только определяет всю речевую деятельность от узкопрактических целей повседневной жизни до крупномасштабных социальных акций [Колшанский 1990, с. 100], но и формирует в сознании носителей языка определенную концептуальную систему как совокупность представлений.

Необходимость интенсификации дейктических исследований с привлечением материала разноструктурных языков и уточнения теоретического статуса дейксиса, унификации его понятийного аппарата в рамках комплексного изучения этой категории как семантико-прагматической универсалии, оптимизации вербального взаимодействия представителей таджикской и английской лингвокультур в условиях международной интеграции и глобализации обуславливают актуальность данного исследования.

В данном исследовании язык рассматривается как семиотическое пространство, отмечается корреляция языкового и культурного пространства. Симбиоз двух пространств образует единую семиосферу, специфичную для каждого языка.

Основное место в исследовании отведено термину «дейксис», который выводится на новую область исследований эмотивной сферы человека. Лингвистическое исследование дейксиса показывает, что знаковая система языка анализируется с позиции категории времени, пространства и места.

Для современной лингвистики, трактующей язык как сложнейший общественный феномен, характерен особый интерес именно к социальной его проблематике. В связи с этим теория дейксиса, продолжает привлекать внимание исследователей, начало которой было положено ещё античными авторами. Это внимание, несомненно, стимулируется множеством до сих пор, не разрешённых в рамках данной теории проблем и спорных вопросов. Термин «дейксис» в одноименной теории обозначает использование языковых выражений и других знаков, которые могут быть проинтерпретированы лишь при помощи обращения к физическим координатам коммуникативного акта – его участникам, месту и времени. Соответствующие вербальные средства при этом именуются дейктическими элементами, или дейктиками [Дрига 2008:136]. Несмотря на многообразие подходов к исследованию дейксиса, очевидно, что он представляет собой явление функциональное, поскольку в основе выделения категории дейксиса лежит функциональный признак – указание (в противопоставлении называнию) [Бюлер 1993:311]. Так, предполагается, что в отличие от назывных слов, выделяющих объект по некоторому минимуму его собственных, инвариантных признаков, присущих ему независимо от речевой ситуации, дейктики осуществляют выделение референтов по признакам, которыми они обладают относительно других предметов,

присутствующих в речевой ситуации [Арутюнова 2019: 179–193]. Уже в работах логиков, уделявших проблемам дейксиса немалое внимание, понимание данного феномена было в значительной степени расширено. Так, в теории «эгоцентрических слов» Б. Рассела [Рассел 1957:41-45] под термином «дейксис» имеются в виду «те слова, значение которых изменяется с переменной говорящего и его положения во времени и пространстве». Четырьмя основными словами такого рода являются «я, это, здесь, сейчас». Дальнейшее философское осмысление категории дейксиса позволило трактовать данную категорию как выражение отношения самого говорящего и мыслящего субъекта к тому, о чем он говорит и мыслит, т.е. как своеобразное «субъективно-объективное значение» [Дрига 2008:132], или как проявление «категории субъективности в языке» в самом широком смысле [Бенвенист 2009: 292–300]. Именно дейктичность как способность слов отсылать адресата к акту речи была положена в основу теории актуализации Ш. Балли [Балли 2003: 415], который неоднократно подчеркивал, что субъективность человеческой мысли и мировосприятия проявляется в том, что человек в принципе не способен воспринимать мир иначе, как преломив его через призму собственного «я». Актуализация рассматривается автором как использование языковых средств в речи, где они получают отождествление с реальными представлениями говорящего.

Анализ существующих трактовок дейксиса позволяет сделать вывод, во-первых, о тенденции выхода за рамки узкого понимания данной категории и соотнесения её исключительно с местоименными словами, а во-вторых, обо всём большем интересе к философской составляющей исследуемого феномена, что достаточно наглядно продемонстрировано в работах, выполненных в рамках коммуникативно-прагматического и функционально-семантического направлений в лингвистике [Арутюнова 2019; Щедровицкий 1995: 450].

Анализ коммуникативных высказываний со всей очевидностью демонстрирует не столько необходимость включения в него специфических характеристик лиц, участвующих в коммуникации, времени и места их взаимодействия, сколько принципиальную значимость понимания интерпретационной основы коммуникации как таковой. Вполне очевиден тот факт, что для того, чтобы некоторое высказывание приобрело смысл, необходимо, чтобы оно было сказано кем-то о чём-то. При этом всё, что может быть сказано человеком, неизбежно субъективно, как субъективно феноменологичное в своей основе отношение человека к миру: всё сказанное окрашено опытом говорящего и, так или иначе, является опредмечиванием этого опыта. Учитывая, что в коммуникацию всегда вовлечены как минимум два субъекта, для того, чтобы некоторое высказывание приобрело смысл, необходимо также, чтобы оно было кем-то понято. Акт распредмечивания смыслов реципиентом столь же субъективен, сколь субъективен акт их опредмечивания продуцентом высказывания, поскольку понимание невозможно без органичного включения различных граней той «динамической совокупности» огромного опыта, накопленного коммуникантом благодаря действию и в действительности реальной, и в действительности коммуникативной, и в действительности невербального мышления [Богин 1989: 84].

В сфере дейктических маркеров лежит функция указания на определённые параметры языковой ситуации. Назначение и функционирование дейктических знаков предполагают специфический характер их содержательной стороны по сравнению с номинативными знаками. Каждый раз, обозначая, референт, дейктики сохраняют свое внутреннее содержание [Кибрик 1990: 107]. Дейктический знак обретает способность непосредственно указывать на конкретный референт, только будучи употребленным в речи: письменной или устной. В отличие от

семантики назывных слов, семантика дейктических маркеров неотделима от ситуации коммуникации и её участников: адресанта и адресата.

Следует отметить, что связь дейктиков с субъектом основывается на принципе антропоцентризма. Языковые процессы с позиций антропоцентрического подхода были успешно изучены выдающимся французским лингвистом Эмилем Бенвенистом. Разработанная им теория субъективности в языке основана на способности адресанта указывать на самого себя как на Я в своей собственной речи. По мнению Бенвениста, лингвистический антропоцентризм значительным образом проявляется при языковой указательности через дейктики, осуществляющие идентификацию субъектов и объектов, через их отношение к речевой ситуации [Бенвенист 2009: 286]. То есть успешная идентификация референтов дейктических слов необходима для того, чтобы знать, с какой целью используется и осуществляется указание.

Категориальным признаком языковых единиц, с помощью которых высказывание связано с субъектом высказывания и дискурсивными координатами, выступает функция указания. Изучение дейксиса и анафоры как явлений, способствующих идентификации адресата и адресанта в тексте, выявляет систему координат дискурсивного процесса в целом, и прежде всего его участников. На этом основании дейктические и анафорические единицы рассматриваются как элементы единого функционально-семантического поля указательности.

Вопрос о потенциальной возможности эмотивов указывать на вербализованные эмоции в высказывании обуславливает необходимость обращения к понятию «дейксис» и возможную экстраполяцию на них общей теории дейксиса. Необходимо напомнить, что эмотивы составляют довольно значительную группу лексических единиц, служащих называнию, описанию и выражению эмоций.

Эмотивный дейксис представляет собой указание в рамках высказывания на ориентированные на личность говорящего вербализованные эмоции. Изучение эмотивного дейксиса осуществляется посредством анализа эмотивного указательного поля, состоящего из эмотивных лексических единиц, именуемых в данной работе эмотивами-демонстративами, эмотивами-знаками, эмотивными указателями, эмотивами-дейктиками или эмотивными эгоцентрическими спецификаторами.

Репрезентантами эмотивов-символов являются аффективы: междометия, эмоционально-оценочные прилагательные; единицы из разряда ненормативной лексики. Они обладают аффективно-интерпретирующими, или модально-оценочными значениями.

Поскольку в данной работе исследуются способы и средства, указывающие на выражение эмоций в речи, то «приращение» общей типологии языковых значений к знаковой системе эмотивов рассматривается с несколько иных позиций по сравнению с ранее представленными работами.

В частности, междометия согласно традиционному пониманию дейксиса вряд ли могут квалифицироваться как эмотивы-символы и дифференцироваться с точки зрения характера лексического значения на интерпретирующие и номинативные, так как и к тем и к другим значениям, в первую очередь, относят внутреннюю форму знаменательных частей речи. Тем не менее, денотат семантики междометий эмотивен и оценочен, что позволяет им именоваться аффективно-интерпретирующими единицами в русле изучения эмотивного лексико-семантического указательного поля. Кроме того, суть их содержания базируется на относительной смежности между составляющими компонентами знака, означающим и означаемым. В целом, в аффективах, примером которых и являются междометия, указание на эмоциональность зафиксировано в языке.

Интересные замечания относительно данного положения были сделаны составителями Толкового Словаря таджикского языка (под редакцией С. Назарзода, А. Сангинова, С. Каримова, М.Х. Султон). Так, в частности, о междометиях: **Оҳ, Ўҳ, Эҳ, Эҳа** находим следующее: «^اОҳ¹ калимае, ки дар пайомади дарду гам ва пушаймонӣ аз сина мебарояд. 2. нидо; вой, воҳ; оҳ, вой, оҳи оташбор, оҳи сӯзон; оҳи сард, оҳи ҳасратомез; оҳу воҳ кардан зорӣ кардан, изҳори дарду ҳасрат кардан; оҳ кашидан аз шиддати дарду ҳасрат нафаси чуқур баровардан» [Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ 2008, 2: 45-46]; **Ўҳ** ^وнидо калимае, ки тарс, ҳайрат, афсӯс, мондагӣ, гамзадагӣ ва г.-ро ифода мекунад: эҳ, оҳ, вой; уф. [Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ 2008, 2: 377]; **Эҳ** ^هкалимаи нидо, ки ҳайрат, таачҷуб, таассуф, шавқ, шодӣ ва монанди инҳоро ифода мекунад. **Эҳа** ^{هه}калимаи нидо, ки ҳайрат, таассуф ва аз чизе норозӣ буданро ифода мекунад [Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ 2008, 2: 672].

Об эмоциональных междометиях и специфике их употребления говорится также в Грамматике таджикского языка: “Ба гурӯҳи нидоҳои эмотсионалӣ пеш аз ҳама нидоҳои якҷиҷогию духиҷоғии **э, о, а, е, эҳ, оҳ, уҳ, ўҳ, у, ай; ҳе, уф, во, туф, воҳ, ваҳ, вой, баҳ, аҳа, оҳо, оббо (ўббо), эҳе, бай-бай, хуше, ана, мана, ҳӣ-ҳӣ, ура** ва ғайра дохил мешаванд.” Маънои ин нидоҳо бештар ба воситаи интонатсия муайян мегардад. Ба замми ин нидоҳои мазкур асоси ифодаи муносибатҳои гуногун шуда метавонанд. Масалан, нидои **э** маъноҳои **хурсандӣ, шодӣ, вачд, таачҷуб, ҳайрат маломат, сарзаниш, таъна, андӯҳ, афсӯс, ҳасрат, хашиш, газаб, қаҳр** ва монанди инҳоро ифода карда метавонанд. Вобаста ба мазмуни нутқ, вазъият, ҳолати рӯҳӣ ва таасуроти гӯянда барои ифодаи маънои гуногун оҳанги нидо низ тағйир меёбад: дар як маврид баланди пастшаванда, дар мавриди дигар пасти баландшаванда, ё ин ки мавзуи ва ё кашишнок ва ғайра шуда метавонад» [Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик 1985, Ҷ 1: 331] –

Группу эмоциональных междометий образуют односоставные и двусоставные, такие как: *э, о, а, е, эх, ох, ух, ўх, у, ай; ҳе, уф, во, туф, воҳ, ваҳ, вой, баҳ, аҳа, оҳо, оббо (ўббо), эҳе, бай-бай, хуше, ана, мана, ҳӣ-ҳӣ, ура*. Значения данных междометий определяется интонацией. Например, междометие *э* может выражать *радость, печаль, грусть, удивление, обиду* и т.д. В зависимости от контекста, ситуации, психического состояния и восприятия говорящего для выражения различных значений меняется и интонация; в одном случае – может повышаться, в другом – понижаться.

Показатель удельного веса эмотивного компонента во внутреннем содержании слова и характер дистрибуции дейктических эмотивных единиц в эмотивном высказывании служат действенными параметрами степени дейктичности эмотивных указателей. При этом содержание двусторонней сущности знака - отношение между *signans* и *signatum* - является основополагающим в семиотической системе эмотивности.

В последнее время все большую актуальность приобретает исследование лексики эмоций, что связано, с одной стороны, с потребностью изучения и описания эмоционального дискурса, который играет все возрастающую роль в структуре современной коммуникации, а с другой стороны, - с потребностями семантического описания и лексикографического отражения эмоциональной лексики в связи с важностью непротиворечивого дифференцированного описания смыслового содержания лексических единиц в рамках образуемых ими семантических разрядов.

Необходимость интенсификации дейктических исследований с привлечением материала разноструктурных языков и уточнения теоретического статуса дейксиса, унификации его понятийного аппарата в рамках комплексного изучения этой категории как семантико-прагматической универсалии, оптимизации вербального взаимодействия представителей таджикской и английской лингвокультур в условиях

международной интеграции и глобализации обуславливают актуальность данного исследования.

Актуальность также обусловлена тем, что результаты четко отражают универсальное и специфическое в концептуализации положительной и отрицательной эмоций языковыми средствами таджикского и английского языков, которые до настоящего времени в сравнительном аспекте не рассматривались.

Степень изученности темы исследования. Лингвистика XXI века ознаменована повышенным интересом к вопросам семиотического и культурологического описания языка. При этом возникает целый ряд вопросов, не решённых языковедами и представителями гуманитарного и естественнонаучного знания. Современные лингвосомиотические изыскания направлены на поиск «оригинальных» способов решения поставленных задач в рамках структурной лингвистики. Прежде всего это касается установления конвенционального и неконвенционального методологического аппарата, направленного на верификацию определённого типа лингвосомиотического знания, в том числе структуризации семиотических систем или моделей эмоциональной деятельности человека.

Значительный вклад в развитии отечественного языкознания внесли такие видные ученые, как: М. Шакури, Х. Отахорова, Д. Саймиддинов, М. Муллоахмадов, Р. Ходизаде, Д. Карамшоев, Б. Тилавов, Ф. Зикриёев, А. Мирзоев, М. Файзов, Д. Обидов, С. Мирзоев, А. Набиев, Р. Ахмадов, В. Самадов, Ш. Солехов, Б. Алиев, М. Мухаммадиев.

В таджикском языкознании немало исследований, посвященных человеческой эмоции. В частности, работа С.А. Файзиевой посвящена комплексному исследованию лексико-семантических и структурно—грамматических особенностей глаголов эмоционального ощущения таджикского языка и их аналогов в русском языке. Значительный интерес в

работе автора представляет утверждение, что грамматическая и семантическая интеграция элементов структуры глаголов эмоционального ощущения Тя и Ря весьма сложна, так как эти классы глаголов и в грамматическом, и в семантическом планах тесно связаны с языковыми знаками широкого спектра значений (с существительными (опечален событием), местоимениями (меня охватила тоска)) и другими своеобразными звеньями словесных моделей, создающих с глагольными словообразовательными формантами определенные микрополя, означающие «отражение в сознании психологически обусловленных сигналов о внутреннем состоянии организма». При этом между языковыми знаками и их значениями, выполняющими в реализации конкретного класса глаголов эмоционального ощущения Тя и Ря различную, многоаспектную знаковую функцию (логическую, семантическую и синтаксическую), происходит взаимосвязь [Файзиева 2009: 10].

Семантическому анализу глаголов и глагольных сочетаний эмоционального отношения и состояния в русском и таджикском языках посвящено исследование З.К. Халиковой. Автор подчеркивает особенность структурно-семантической организации лексико-семантического поля глаголов эмоционального состояния и отношения в таджикском и русском языках, представленной в виде слоев смысла, а также их подуровней, которые имеют иерархическую структуру, включающую центр (ядро) и периферию, семантическая классификация глаголов состояния и отношения в зависимости от соотношения семантического ядра и периферии в иерархической организации глаголов состояния [Халикова 2010: 15].

Интересными представляются также диссертационные исследования Ш.Б. Рахимовой «Эмотивные глаголы как компонент функционально-семантического поля эмотивности в русском и таджикском языках», З.А.

Чоршанбиевой «Лексико-семантическое поле «отрицательные эмоции» в английском и таджикском языках: когнитивно-прагматический аспект».

В своем исследовании Ш.Б. Рахимова акцентирует внимание на специфику эмотивных глаголов русского и таджикского языков и проводит анализ семантических полей эмотивных глаголов в русском и таджикском языках [Рахимова 2010: 17].

Диссертационная работа З.А. Чоршанбиевой посвящена способам концептуализации отрицательной эмоции в таджикской и английской языковых картинах мира в рамках когнитивной лингвистики. По справедливому замечанию автора, для создания эмоциональной картины мира, необходимы эмоциональные концепты, имеющие важное значение и ценность. В диссертационной работе также исследуется специфика межкультурных различий, которая находит свое отражение в сознании и в языке. В любой лингвистической культуре, справедливо отмечает автор, обнаруживается связь культуры, эмоциональной картины мира и языка. Эмоции, будучи важным компонентом духовной культуры, несмотря на свою универсальность, в разных языках имеют специфическую особенность реализации, которая обусловлена характерной для говорящего субъективностью интерпретации окружающей действительности, что имеет безусловный интерес для лингвистической науки [Чоршанбиева 2020: 13].

В настоящее время в лингвистической науке достигнуты определенные результаты в исследовании эмоциональной сферы. Они проявляются прежде всего в интерпретации явлений категоризации и концептуализации мира человеком, в освещении сложнейших проблем семантики языковых единиц (А.А. Потебни, Е. Куриловича, О. Есперсена, С.Д. Кацнельсона, А.А. Зализняка, П.В. Чеснокова, Г. Корбетт, О.Н. Ляшевской, С.В. Конявско, Х. Маджидов, Р. Гаффоров, Т. Зехни, А.Р. Рахимов, Б.С. Садирова, М.Ф. Камолова, Ф.М. Хайдарова).

Однако в отечественном и английском языкознании недостаточно исследована типология дейксиса, которое экстраполируется на новую область исследований эмотивной сферы человека и кладется в основу эмотивного дейксиса. До сих пор не существует специальных теоретических исследований, посвященных проблемам эмотивного дейксиса в таджикском и английском языках.

Целью диссертационного исследования является установление и структурирование эмотивного поля как потенциально-инвариантного поля в системе разноструктурных языков.

Исходя из цели исследования, были поставлены следующие **задачи**:

1. Обобщение достижений в области лингвосемиотики, эмотивной лексики и лингвокультурологии;
2. Анализ различных подходов к исследованию языка как семантической системы;
3. Выбор методов исследования, отражающие специфику материала, предмета исследования;
4. Исследование экспериментального массива, который включает языковой материал на таджикском и английском языках;
5. Установление степени внутриязыковых и межъязыковых соответствий на материале таджикского и английского языков;
6. Выявление языковых средств репрезентации эмоций в таджикском и английском языках;
7. Описание универсальных и специфических свойств в эмотивной лексике таджикского и английского языков.

Объект исследования – языковые модели, концептуализирующие положительные и отрицательные эмоции.

Предмет исследования – эмотивный дейксис в системе таджикского и английского языков.

Научная новизна диссертационного исследования. Впервые на материале таджикского и английского языков выявлена специфика мотивационно-номинативного потенциала моделей при номинации эмоций в таджикском и английском языках. В диссертации выделены и систематизированы характеристики эмотивного дейксиса. Впервые установлена взаимосвязь между вербальными и невербальными художественными текстами таджикского и английского языков с учетом дейктических характеристик.

Методы диссертационного исследования. Базисным методом исследования в диссертационной работе в перспективе стали лингвистический анализ объекта изучения в его синхронном аспекте через призму описательного метода. При обработке фактологического материала использован интерпретативный анализ эмотивного дейксиса, а также принципы компонентного анализа и статистического подсчета. Как основной в работе используется описательный метод, наряду с которым применялись методы эмпирического (наблюдения) и теоретического исследования (анализа, синтеза, сравнения), а также контекстного и дефиниционного обобщения, филологической интерпретации классификационного характера. Также были использованы сопоставительный метод, лексико-семантический анализ, анализ словарных дефиниций.

Теоретической базой исследования являются труды отечественных ученых Б. Ниёзмухамедова, Н.А. Маъсуми, Ш. Рустамова, Р. Гаффарова, М. Шукурова, М.Н. Касымовой, Д. Таджиева, В.А. Капранова, Ш.Ниязи, Э.С. Улугзаде, А. Мирзоева, С.В. Хушеновой, Б. Сиеева, Ф. Зикрияева, И.Б. Мошеева, П. Джамшедова, С.Д. Холматовой, А. Сатторова, Ш.Р. Исрофилова, О.Х. Косимова, А. Кучарова, А. Мамадназарова, А.С. Махмадаминова, О.О. Махмаджонова, М. Муллоахмедова, С. Назарзода, А. А. Нозимова, П.Г. Нурова, В.Д. Охониезова, С.Р. Рахматуллозода, Ш.А. Рахмонова, А.А.

Хакимова, О.Х. Ходжамуродова, Х.Д. Шамбезода, М.Б. Нагзибековой, М.Т. Джаббаров, А. Хасанова, Р.А. Самадовой, А.М. Мирзоева, и многих других в области таджикского языкознания.

В качестве методологической основы исследования также были рассмотрены труды отечественных и зарубежных лингвистов в следующих направлениях:

- *дейксис и референция* (С. Назарзода, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко, К. Бюлер, А.А. Кибрик, Дж. Лайонз, А.А. Новожилова, Е.В. Падучева, Н.А. Сребрянская);

- *психолингвистика* (Ш.К. Фазилова, Л.Т. Рузиева, А.А. Каюмов, М.М. Бахтин, В.П. Белянин, Н.И. Жинкин, Р.М. Фрумкина, К.Ф. Седова, Е.В. Шелестюк, А.А. Леонтьева, В.В. Красных, О.Ю. Мельник);

- *гендерная лингвистика* (С.Д. Камолова, С.Н. Туйчиева, Р.М. Бободжанова, В.Р. Исмоилова, Ф.А. Ахметова, Е.П. Ильин, С.В. Голикова, К.А. Богданов, Л.В. Сокольская, И.А. Жеребкина, Е.С. Гриценко);

- *эмотиология* (С.А. Файзиева, Ш.Б. Рахимова, З.К. Халикова, Ю. Глазков, Е.А. Басин, Б.И. Додонов, Ю.С. Будрайтис, В.В. Маслов, М. Белоус, С. Кривцова);

- *лингвокультурология* (Ш.З. Худойдодова, З.А. Чоршанбиева, М. Назирова, К.Э. Разлогов, В.М. Дианова, С.Г. Шишкина, Т.П. Ритерман, В.В. Касьянов, Н.В. Шишова, А.Л. Доброхотов, В.В. Викторов).

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней проводится исследование эмотивного дейксиса в таджикском и английском языках; выявлена его семантическая и прагматическая организация; определены универсальное и специфическое в семантической структуре таджикских и английских дейктиков-эмотивов; установлена роль дейксисов-эмотивов в коммуникативной организации таджикского и английского дискурсов.

Диссертационная работа вносит определенный вклад в развитие взглядов на типологию дейксиса в таджикском и английском языках.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в возможности использования материалов в теоретическом курсе общего языкознания, при подготовке лекций по лексикологии, коммуникативной лингвистике, в спецкурсах по контрастивной лингвистике, лингвокультурологии.

Материал исследования. Основным источником при написании диссертации послужила картотека в объеме свыше 200 000 слов.

Диссертационное исследование базировалось на следующие лексикографические источники: (Фарҳанги забони тоҷикӣ (1969), Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик (тартибсозанда М. Фозилов 1963), Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ (зери таҳрири Д. Саймиддинов, С. Каримов, С.Д. Холматова (2006); Cambridge Dictionary (1995), Macmillan Dictionary (1999), Oxford Learner's Dictionaries (2005), Longman Dictionary of Contemporary English (2012), Collins Online Dictionary (2006). Материал для исследования был собран по принципу сплошной выборки из художественных произведений авторов таджикско-персидской литературы X–XX вв., а также классические и современные художественные произведения таджикских и английских писателей.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Эмотивный дейксис рассматривается как неконвенциональная категория указания, конструирующая в виде эмотивного указательного поля;
2. Исходя из характера дейктических значений, производится структуризация эмотивного поля в таджикском и английском языках;
3. Разные виды отношений в семантике эмотивного поля, коррелирующего эмотивной семантикой, образуют сущность эмотивно-указательного смысла языкового знака;

4. Эмотивные знаки характеризуются высокой степенью подвижности, а также ситуативностью своих значений в сфере эмотивного дейктического поля;

5. Эмотивные концепты выступают важным компонентом языковой картины мира таджикского и английского языков.

Научная специальность, которой соответствует диссертация. Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (таджикский язык) и 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика а именно следующим пунктам: пункт 1. - Теоретическая лингвистика; Язык и мышление, их взаимодействие; Когнитивный подход в современной лингвистике; пункт 6 - Необходимость обращения к изучению целостного речевого акта при построении моделей класса «мысль – сообщение». Существующие подходы к описанию многозначности: фиксация мельчайших семантических различий между словоупотреблениями в виде отдельных значений лексем; формулировка инвариантного значения и правил его контекстуальной модификации; пункт 7 - Корпусная лингвистика.

Оценка достоверности результатов, проведённых исследований, выводов и рекомендации, сформулированных в диссертации, заключается в обоснованности исходных теоретико-методологических позиций исследования, комплексным рассмотрением предмета и объема исследований, объемом исследуемых данных и материалов, применением научных данных, соответствующих цели и задачам исследования, корректностью обработки данных.

Личный вклад автора состоит в том, что данная диссертационная работа представляет собой самостоятельное исследование, выполненное на современном и актуальном материале таджикского и английского языков и

открывает новое направление лингвистических исследований. Соискатель самостоятельно определил цель и задачи исследований, использовал соответствующий поставленной задаче набор методов анализа практического материала, лично осуществил полный комплекс необходимого анализа по всем разделам работы, обработку полученных данных, проанализировал и обобщил результаты исследований, сформулировал выводы, составил конкретные рекомендации.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования прошли апробацию в форме докладов и сообщений на заседаниях кафедры иностранных языков Медицинского университета имени Абуали ибни Сина и на ежегодной международной научно-теоретической конференции, посвященной "Году развития туризма и народных ремёсел" «Шёлковый путь и Евразийские межкультурные отношения - Silk road and Eurasian transcultural relations» Душанбе Бухоро (2012-2018 гг.), на ежегодных научных сессиях кафедры иностранных языков Медицинского университета имени Абуали ибни Сина (2012 - 2022 гг.), на XII Международной научно-практической конференции «Current issues, achievements and Prospects of science and Education» в 2021 г. в Афинах (Греция), на XIV международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов, посвящённой «Годам развития села, туризма и народных ремесел» Душанбе (2019-2021), на XV Международной научно-практической конференции «Modern approaches to the Introduction of science into Practice» в Сан-Франциско (2021) (США), на первой Международной научно-практической конференции «Science, Education, Innovation: Topical Issues and Modern aspects» Таллинн (2020) (Эстония). Основные положения работы нашли отражение в 6 публикациях автора в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ.

Объем и структура работы. Структура исследования определялась его целью и поставленными в нем задачами. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, словарей и источников текстов.

Во Введении обосновывается актуальность темы исследования, формируется его цель и задачи, указывается объект и предмет работы, описываются методы и материал исследования, формулируются основные положения теоретической базы, раскрываются научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы, излагаются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации полученных результатов исследования и публикациях по теме работы.

В первой главе диссертации **«Теоретические предпосылки исследования эмоции в языковой картине мира»** излагаются теоретические основы работы. Рассматриваются основные лингвокультурологические направления, занимающиеся проблемами изучения эмоциональной сферы человека. Источником решения данной проблемы может выступить интегративное описание, так как только благодаря исследованию различными науками определенных аспектов эмоции как «основной» проблемы можно получить конкретную картину данного объекта.

Вторая глава **“Типология дейксиса в таджикском и английском языках: семантико-прагматический аспект”** представляет анализ типологии дейксиса в таджикском и английском языках. Проводится исследование функционирования лексических единиц в речевом потоке. Сочетаемость как лексическая, так и синтаксическая, целиком лежит в плане выражения, но не в плане содержания. Сочетаемость есть лишь проявление значения, но не само значение. Это положение, казалось бы, самоочевидно. Однако современные лексикологи подчас, увлекаясь, объявляют сочетаемость составной частью, элементом значения, стирая тем самым границу между

формой и значением, а в общефилософском аспекте – между материей и сознанием [Апресян 1995: 138]. В данной главе также проводится интегративный анализ гендерологии в таджикском и английском языках, а также раскрытию роли гендера в языковом конструировании. На основе анализа теоретической литературы, связанной с нарушениями норм в художественном тексте, которые пронизаны чувствами-эмоциями, было установлено следующее: чтобы построить инвариантное эмотивное дейктическое поле с учетом нарушений как синтагматического, так и парадигматического характера необходимо учесть такие критерии (на материале таджикского и английского языков), как: а) дифференциация эмотивных дейктических номинаций; б) частота употребления эмотивных дейктиков; в) подвижность эмотивной единицы; г) систематизация вариантных типов эмотивного дейктического поля.

Каждая глава диссертации завершается краткими выводами по проделанной работе. В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования и намечаются дальнейшие вопросы, требующие изучения.

Г Л А В А – I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

1.1. Эмоции и культурно-обусловленное распрямечивание в языке

Согласно точке зрения известного американского психолога Э. Изард, выявление сущности понятия «эмоция» представляется довольно сложным и лаконичным определением «невозможно раскрыть полностью суть данного понятия» [Изард 2000: 30]. Несмотря на сложность определения данного термина, автор дает краткое истолкование данного понятия, отмечая при этом, что его нельзя считать полным. «Эмоции подобно чувствам мотивируют, организуют и направляют человеческое мировосприятие, мышление и действие» [Изард 2000: 30]. Общеизвестно, что роль эмоций в жизни человека велика, так как «человеческая культура отличается от животных инстинктов, поскольку она начала формироваться как эмоциональная» [Кисилева 2003: 165]. Сложность исследования эмоции подчеркивает также А. Вежбицкая [Вежбицкая 2001: 323].

Сложность исследования и определения эмоциональной сферы человека не может заставить ученых снять задачу изучения эмоций. Источником решения данной проблемы может выступить интегративное описание, так как только благодаря исследованию различными науками определенных аспектов эмоции как «основной» проблемы можно получить конкретную картину данного объекта.

Со времен Платона ученые пытались выявить расхождение между умопостигаемым и тем, что постигается чувствами. Это стало началом рассуждений о границах между разумом и чувством [Панов 1992:34]. Четкая линия, которая разделяла ощущения, эмоции от суждений, идей и абстракций, была проведена классической западной философией. Однако данное

разделение стало причиной конфронтации между сенсуализмом и рационализмом [Панов 1992:34].

Одной из признанных работ в философской науке, пытавшейся преодолеть «дуализм» чувства и разума, является исследование И. Канта [Кант 1986: 56]. Дальнейшее развитие науки привело к тому, что претерпевает изменения прежняя гносеологическая проблематика.

Здесь особо следует отметить заслугу отечественных ученых-лингвистов, внесших вклад в исследовании лексической системы таджикского языка: Б. Ниёзмухамедова, Н.А. Маъсуми, Ш. Рустамова, Р. Гаффарова, М. Шукурова, М. Шакури, Х. Отахоновой, Д. Саймиддинова, М. Муллоахмадова, Р. Ходизаде, Д. Карамшоева, Б. Тилавова, Ф. Зикриёева, А. Мирзоева, М. Файзова, Д. Обидова, С. Мирзоева, А. Набиева, Р. Ахмадова, В. Самадова, Ш. Солехова, Б. Алиева, М. Мухаммадиева, М. Н. Касымовой, Д. Таджиева, В. А. Капранова, Ш. Ниязи, Э. С. Улугзаде, С. В. Хушеновой, Сиеева Б, Ф. Зикрияева, С. Назарзаде, И.Б. Мошеева.

В 40-50 годы XX века появились первые разработки ФЕ в таджикском языкознании. В эти годы бурно развивались и интенсивно росли исследования фразеологии в русском языке, что и стало причиной исследования таджикской фразеологии. Тогда ещё не было специальных работ по изучению таджикских ФЕ, а появились лишь отдельные заметки и статьи о проблемах словосочетаний.

В трудах лингвистов-таджиковедов – С.В. Хушеновой, Х.О. Маджидова, Н.М. Масуми, М. Юсуповой, Б.А. Тахохова рассмотрены некоторые вопросы по таджикской фразеологии.

В 60-х годах прошлого столетия издаётся фразеологический словарь М.Ф. Фазылова в двух томах, что стало заметным явлением в области исследования фразеологии таджикского языка. Этот двухтомник включил в себя более 8 тысяч ФЕ различных структур. В данном словаре можно также найти

отдельные замечания автора относительно некоторых теоретических проблем таджикской фразеологии и лексикографии.

А. Баракаева, Э. Бабаев, М.Н. Азимова, Ф.А. Ахмедова и другие посвятили свои работы вопросам англо-таджикских ФЕ. ФЕ также являлись предметом исследования в трудах И. Ибрагимовой, Б. Тахохова.

Большой вклад в исследовании современной лексической системе таджикского языка было внесено такими лингвистами как: С. Назарзода, А. Сангинов, С. Каримов, М.Х. Султон. Значительный интерес представляет, составленный данными учеными Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (2008). Спецификой данного Словаря, как отмечают составители является следующее: «Ғайр аз вожаву таркибҳои забони меъёр дар фарҳанг як теъдод воҳидҳои луғавӣ аз забони зиндаи халқ, ки аз лиҳози сохт зебову шинам, аз ҷиҳати ифодаи маъно бенуқсонанд ва аксар дар осори шоирону нависандагон истифода шудаанд, ҷойгоҳи худро ёфтаанд» [Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ 2008: 9].

В последние годы в отечественном языкознании появилось немало работ, посвященных исследованию лексической системе таджикского языка. Так, в частности, лексике высокого стиля посвящено диссертационное исследование М.М. Хайдарова. Как отмечает автор: «Большую роль в лексической системе таджикского языка играют именно слова высокого стиля, продуктивно используемые авторами пера (писателями, поэтами). По справедливому замечанию автора, роль слов высокого стиля их функционирование в художественных произведениях весьма существенна, так как данные пласт лексики тесно связан с общественно-исторической и культурной жизнью народа» [Хайдаров 2015: 23].

Значительный интерес также представляют диссертационные исследования, посвященные различным аспектам лексической системы таджикского и других языков. В частности, работы: Д.Ч. Худойбердиевой

«Этнолингвистический и структурный анализ лексики женской одежды и моды в разносистемных языках (на материале русского, таджикского и английского языков)» (2020), Ш.Б. Каримова «Структурно-семантический анализ авиационных терминов в таджикском и английском языках» (2014), А.А. Каюмова «Словообразовательный анализ лексики со значением нравственного отношения в разноструктурных языках» (2021), М.М. Ансоровой «Лингвоцветовая картина мира в разноструктурных языках: семантико-стилистический аспект» (2022).

В таджикском языкознании немало исследований, посвященных человеческой эмоции. В частности, работа С.А. Файзиевой посвящена комплексному исследованию лексико-семантических и структурно—грамматическим особенностям глаголов эмоционального ощущения таджикского языка и их аналогов в русском языке. Значительный интерес в работе автора представляет утверждение, что грамматическая и семантическая интеграция элементов структуры глаголов эмоционального ощущения Тя и Ря весьма сложна, так как эти классы глаголов и в грамматическом, и в семантическом планах тесно связаны с языковыми знаками широкого спектра значений (с существительными (опечален событием), местоимениями (меня охватила тоска) и другими своеобразными звеньями словесных моделей, создающих с глагольными словообразовательными формантами определенные микрополя, означающие «отражение в сознании психологически обусловленных сигналов о внутреннем состоянии организма». При этом между языковыми знаками и их значениями, выполняющими в реализации конкретного класса глаголов эмоционального ощущения Тя и Ря различную, многоаспектную знаковую функцию (логическую, семантическую и синтаксическую), происходит взаимосвязь [Файзиева 2009: 10].

Семантическому анализу глаголов и глагольных сочетаний эмоционального отношения и состояния в русском и таджикском языках

посвящено исследование З.К. Халиковой. Автор подчеркивает особенность структурно-семантической организации лексико-семантического поля глаголов эмоционального состояния и отношения в таджикском и русском языках, представленной в виде слоев смысла, а также их подуровней, которые имеют иерархическую структуру, включающую центр (ядро) и периферию, семантическая классификация глаголов состояния и отношения в зависимости от соотношения семантического ядра и периферии в иерархической организации глаголов состояния [Халикова 2010: 15].

Интересными представляются также диссертационные исследования Ш.Б. Рахимовой «Эмотивные глаголы как компонент функционально-семантического поля эмотивности в русском и таджикском языках», З.А. Чоршанбиевой «Лексико-семантическое поле «отрицательные эмоции» в английском и таджикском языках: когнитивно-прагматический аспект».

В своем исследовании Ш.Б. Рахимова акцентирует внимание на специфику эмотивных глаголов русского и таджикского языков и проводит анализ семантических полей эмотивных глаголов в русском и таджикском языках [Рахимова 2010: 17].

Еще в XVIII и XIX вв. ученые пытались раскрыть суть эмоций, их выражение. Известный английский ученый Ч. Дарвин разделил эмоции на следующие два типа – возбуждающие и угнетающие [Дарвин 2001: 74].

Сферой интересов ученых было исследование эмоций с позиции принадлежности личности к тому или иному полу. В частности, Ч. Дарвин отмечал, что «одной из самых сильных эмоций является материнская любовь» [Дарвин 2001: 74].

Развитие гендерологии привело к тому, что объектом исследования стали «половые различия в эмоциональности». Согласно точке зрения психолога Эрика Берна, мужчины отличаются от женщин тем, что они – амбициозны,

рациональны, независимы и неэмоциональны, а женщины – нежны, чувственны и эмоциональны [Берн 2021: 83].

Одной из самой актуальной точкой зрения XXI века является позиция Л.В. Выготского: «Тот, кто оторвал мышление от аффекта, навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления» [Выготский 1986: 16]. Основной мотив сознания – это эмоции, что необходимо учесть при исследовании его природы. Следует разграничить дефиниции «эмоции» и «чувства». Эмоция является компонентом психологической структуры чувств, а чувства – это сложная форма отражения, которая свойственна человеку, включающая как эмоциональное, так и понятийное отражение.

В.Н. Телия рассматривает чувства, как эмоции, которые осознаются и рассматриваются как одобрительная или неодобрительная реакция на обозначаемый объект [Телия 2001: 129]. К одобрительной реакции автор относит: уважение, почтение, а – порицания, пренебрежения, уничижительные отношения рассматриваются как неодобрительная реакция. Следовательно, объектом лингвистического исследования выступают разные типы эмоций, под которыми автор понимает «чувства – отношения» [Телия 2001: 130].

Исходя из вышеизложенного положения, можно отметить, что когниция и эмоция тесно взаимосвязаны. Как отмечал В.Н. Шаховский: «Если эмоции мотивируют когниции, то когниции облачаются эмоциями» [Шаховский 2001: 384]. О единстве эмоционального и мыслительного говорит признание в науке эмоционального интеллекта, который был предложен Д. Гоулманом [Goleman 1997: 34]. Согласно точке зрения Д. Гоулмана, человек управляет не только своими эмоциональными импульсами, но также регулирует свои эмоциональные отношения, способен мотивировать не только свои эмоции, но также сочувствовать. Однако противоположной точки зрения придерживается И.А. Мельчук. Рассматривая эмоциональный интеллект как современный

взгляд на данную проблему, автор отмечает сложность взаимосвязи рационального и эмоционального мышлений [Мельчук 1995: 234].

В.Н. Шаховский рассматривает эмоции как ядро языковой личности, подобно тому, как рефлексия выступает ядром сознания [Шаховский 2001: 48]. Исходя из этого, можно заключить, что дефиниции «языковая личность» и «эмоциональный интеллект» взаимосвязаны. Следовательно, языковую личность следует рассматривать как эмоциональную языковую личность [Шаховский 2001: 48].

В современном языкознании можно выделить следующие две модели языковой личности: этносемантическая личность и элитная языковая личность (Ю.Н. Караулов, О.Б. Сиротин). Следовательно, языковая личность может проявиться в разных ипостасях [Шаховский 2001: 58].

В современной лингвистике, исходя из данных языка, образ человека, реконструируясь, соответствует таким ипостасям языковой личности, как – я – физическое; я – интеллектуальное; я – эмоциональное [Апресян 1995: 201]. Таким образом, эмоции получают статус эмотивности, находя свое отражение в языке. Исходя из этого, необходимо отметить, что объектом нашего диссертационного исследования является опосредственный способ репрезентации эмоции, то есть язык слов.

Далее более подробно рассмотрим термины «эмоция» и «эмотивность».

Вслед за В.И. Шаховским, под термином «эмоция» мы понимаем «эмоциональное отношение», различные реакции, категоризацию эмоций, эмоциональное сознание [Шаховский 2001: 67]. Дефиниция «эмотивность» включает эмотивную семантику, валентность, сему, коннотацию, деривацию, прагматику, а также может означать – эмотивный компонент лексической единицы, текст, функционально-стилистический компонент слова, коннотативы и лексико-семантическое поле эмоциональности [Шаховский 2001: 70].

Язык, как эмотивная единица, является ключом исследования человеческой эмоции. «Депозитарием» эмотива выступает художественное произведение. Так как, именно в тексте описывается как вербальное, так и авербальное поведение языковой личности. Именно в текстах репрезентируются различные способы и средства эмоции.

Познание функциональной стороны языка требует исследование человека с позиции исторических, социальных и национальных особенностей. Исследование структуры эмоций, а также природа эмоциональной жизни позволяет выявить народные представления об эмоциях [Oatlez 1992: 44]. Народные эмоции, кристаллизуясь в языке эмоций, находят отражение в лексической системе того или иного языка. В частности, в лексической системе таджикского языка широко употребляются такие лексические единицы, как: *гам, андуҳ, пушаймонӣ*. Или, как отмечает А. Вежбицкая, англоговорящие употребляют в своей речи лексические единицы *grief – горе, печаль, скорбь, remorse – угрызения совести, раскаяния, shame – разг. досада, неприятность* с учетом внутренних чувств, которые отличаются друг от друга [Вежбицкая 2001: 78]. Проиллюстрируем вышеизложенное положение примерами из художественной литературы.

Асад изҳори надомат намуда ва гуфт: Саҳве азим аз ман дар вучуд омада (А. Шукуҳӣ. Асад ва Самад, 45). – *Асад выразил сожаление и сказал: “Я совершил огромную ошибку”* (Подстрочный перевод).

Анқариб ба дарде лодаву мубтало хоҳед шуд, ки он вақт пушаймониву надомат суд надорад (Фарҳанги забони тоҷикӣ 1965, 1.: 823). – *Вы будете страдать от боли, и не будет времени на сожаления* (Подстрочный перевод).

Кӣ шунидӣ, ки дар ин базм даме хуш биншаст,

Ки дар охири сӯҳбат ба надомат бархост (Фарҳанги забони тоҷикӣ 1965, 1.823). – *Ты слышал, что он хорошо провел время на этой вечеринке?* (Подстрочный перевод).

*И к концу беседы ушел с **досадой** тайною обманутых надежд.*

*Наргисаш арбадачӯю лабаш **афсӯскунон**,*

Ними шаб дӯш ба болини ман омад, бинишаст (Фарҳанги забони тоҷикӣ 1965, 1: 102). –

Взгляд враждебен, губы в линию, брови нахмурены.

В полночь пришла ко мне (Подстрочный перевод).

Аналогичное было выявлено и в английском языке:

*It was a terrible **shame** that Lord Rahl's greed for conquest and rule made this all necessary, that such a peaceful valley should be given over to men at war (Goodkind, Terry. The pillars of creation, 90) – Невыносимо было думать, что жажда власти со стороны лорда Рала привела к столкновению, и эта мирная долина должна быть отдана в жертву войне (Перевод Н. Романецкого 2001: 203).*

*He told her all he had meant to do, to hide her **shame**, if he had lived, and prayed her, if he died, not to curse his memory, or think the consequences of their sin would be visited on her or their young child; for all the guilt was his (Dickens, Charles. Oliver Twist, 89) – Он поведал ей обо всем, что намеревался сделать, чтобы скрыть ее позор, если будет жив, и умолял ее, если он умрет, не проклинать его памяти и не думать о том, что последствия их греха падут на нее или на их младенца, ибо вся вина лежит на нем (Перевод Е. Ланна 2015).*

*How good Harry Warrington did not know at the time, perhaps, or until subsequent experience showed him contrasts, or caused him to feel **remorse** (Thackeray, William Makepeace. The Virginians, 45) – Какое великое, Гарри Уорингтон в то время, пожалуй, еще не знал и понял только в дальнейшем, когда его последующий опыт дал ему обильную пищу для сравнений и раскаяния (Перевод И. Гурова 1979).*

Kate is weeping inside as she walks back down the street, pursued by regret and remorse, and perhaps even a trace of guilt that is not her own (Wilson, Paul Francis. Hosts, 89) – В глубине души Кейт, идя по улице, плакала. Ее снедали сожаление, раскаяние и, может, даже чувство вины, за которую она не несла ответственности (Подстрочный перевод).

And as she voided her bowels, Tereza was overcome by a feeling of infinite grief and loneliness. (Kundera, Milan. The Unbearable Lightness of Being, 67) – Тереза опрастывает свои внутренности, объятая ощущением бесконечной печали и одиночества (Перевод Н. Шульгина 1992).

The Boy stood in the doorway and took her reluctantly in: hair fair as silver, wide vacuous brow, trim little buttocks shaped by the high seat, alone with her glass and her grief. (Greene, Henry Graham. Brighton Rock, 89) – Стоя в дверях, Мальши неохотно оглядел девушку: волосы светлые, как серебро, высокий чистый лоб, аккуратный маленький зад, обрисовывающийся на высоком табурете; одинокая со своим стаканом и своим горем (перевод М. Митрофанова 1986).

Т.В. Ларина, анализируя эмоциональную лексику в английской языковой картине мира, отмечает преобладание отрицательной эмоции [Ларина 2005:160]. Так, в частности, такие лексические единицы как *emotional* – **возбужденный, взволнованный, эмоциональный**; *effusive* – **необузданный, несдержанный**; *excitable* – **легко возбудимый**, если в английском языке имеют главным образом отрицательное значение, то в таджикском языке – как отрицательную, так и положительную коннотацию.

Приведем примеры:

Як нимарухаш зарду дигар нимарухаш сурх,

Инро ҳаяҷони даму онро хафақон аст.

Аз он нафх ҳаяҷон падид меояд ва муртафеъ мешавад об (Фарҳанги забони тоҷикӣ 1965, 2: 740). – Не могла укрыться даже краска, стыдливо

вспыхнувшая на щеках ее, от этого вида в душе витала радость и надежда (Подстрочный перевод).

Rūi tu dar zeri niqob ast, az on

Кокули мушкини ту ошуфтаҳол.

*Ба дасти зулфи **раммосаи** магар афтода мактубам,*

Ки мурғи номабар аз кӯи ӯ ошуфтаҳол ояд (Фарҳанги забони тоҷикӣ 1965, 2: 945) –

Твое лицо под вуалью, твой черный локон запутался.

Мое письмо вероятно попало не в те руки?

Словно безымянная птица, покинувшая свое гнездо (Подстрочный перевод).

*Cranly pressed Stephen's arm, saying: — Go easy, my dear man. You're an **excitable** bloody man, do you know* (Joyce, James. A Portrait of the Artist as a Young Man, 78) –

Полегче, голубчик. До чего же ты, черт возьми, возбудимый, — сказал Крэнли, прижимая локтем руку Стивена (Перевод М.П. Богословской-Бобровой 1976) .

*Phenytoin inhibits the tonic phase of the grand mal seizure by stabilizing **excitable** tissue in the brain stem* (Anthony, Patricia. Pharmacology secrets, 67) – *Дифенин ингибирует тоническую фазу большого судорожного припадка, стабилизируя состояние возбудимой ткани ствола головного мозга* (Подстрочный перевод).

*Experiencing for the first time the effect about which Jack Rhinehart had been so vulgarly **effusive**, Solanka felt as if he were escorting one of the Met's more important possessions down an awestruck Fifth Avenue.* (Rushdie, Salman. Fury, 90) – *Впервые испытав эффект, о котором столь вульгарно отзывался Джек Райнхарт, Соланка почувствовал себя так, словно сопровождал одну из*

важных экспонатов музея Метрополитен по охваченной благоговейным страхом Пятой авеню (Подстрочный перевод).

*It was something he much wanted to see, because ambushing was brutal work, quick and **emotional**.* (King, Stephen. *Wolves of the Calla*, 67) – Ему очень хотелось это увидеть, потому что удар из засады - грубая работа, и волнение ни в коем случае не должно мешать быстроте и точности (Перевод В. Вебера 2004).

Здесь нельзя не согласиться с В.Н. Шаховским, который отмечал: «на основе проведенных психологических, социологических и лингвистических исследований можно заключить, что люди являются как языковыми, так и эмоциональными животными» [Шаховский 2001: 78].

На наш взгляд, значительный интерес представляет кросскультурное изучение эмоционального поведения представителей разных лингвокультур. Исследование эмоциональных лексических единиц в таджикской и английской языковых картинах мира показал, что в таджикском языке преобладают лексемы отрицательной коннотации по сравнению с английским языком.

*Олам гӯе ях баста буд. – Чӣ чамъ шудед? Пахтая **очатон** мечинад?! Э дар **қаври** ... . Ҳозирон бригадирро диданду рамида, қадаме ба ақиб ниҳоданд.*

Чаими бригадир ба Салим бархӯрда завго бардошт.

- *Ин **падарлаънат** чанд пахтая ба хок яксон кардай-ку?! Кани хез, **падарлаънат!** Вале акаи Салим намечунбид – сангро мемонд. – Абдулло! Ку бедораиш кун. (Шералӣ Мӯсо. Қиссаи баҳорӣ, 143).*

- *Словно все кругом замерло. – почему собрались?! Кто будет собирать хлопок, ваша мать?. Чтоб в гробу... . Собравишися, увидев бригадира, стали расходиться. Увидев Салима, бригадир проворчал. – Этот, сукин сын, столько хлопка испортил. – А ну-ка, поднимайся. Но Салим, был неподвижен. – Абдулло, разбуди его (Подстрочный перевод).*

- Ёфт вақти мурданаши лаънатӣ! – бо ғазаб гуфт бригадир ба сари ҳозирон дӯғ зад:

- Чӣ шах шуден?! Чӣ мурдая надидӣ?! Аз паи кор шавед! Плани давлат пур нею яке мемурад, дигарон тамошобин. Э дар қаври... (Шералӣ Мӯсо. Қиссаи баҳорӣ, 144)

- Нашел, когда умирать, проклятый! – крикнул в адрес присутствующих бригадир. – Что, собрались, труп не видели?! План не выполнен – один умирает, другие – зрители (Подстрочный перевод).

Ҳиҷ бовар надорам. На, ҳиҷ! Бар он ки ишқ – **саранҷом марг бошад?! Пас, Худо васро барои чӣ офарида, барои кӣ?! Агар барои ошиқи шабзиндадор на, барои **дилдодаи ҷигархор** на?! Барои кӣ?! На, на ... инсон ба умед, шайтон ноумед! Бо ин умед чанд дафтаре, ки бо оҳи дилу **хуни ҷигар** навишта будам, пеши худ гирифтам. Бар он тасмим, ки аз ин чанд дафтар танҳо дафтаре бисозам. Бо таҳрире мукамал. Хуб ва баргузида. Бидуни таърихи рӯз ва сол (Юсуфҷон Аҳмадзода, Ишқи духтари кулаҳпӯш, 217). – Нет, не могу поверить! Что итог любви – это смерть. Тогда, зачем Бог создал любовь?! Если не для возлюбленного и возлюбленной, то – для кого? Нет, нет, человек живет надеждой. И с этой надеждой мной написаны несколько строк, чтобы ты знал историю дней и месяцев (Подстрочный перевод).**

Приведем примеры на материале английского языка:

'Those black bastards miss the best things of life!' Chiao Tai said with a grin (Gulik, Robert van. Murder in Canton, 89) — Ну, тогда эти черные **ублюдки** лишены одного из самых славных занятий на свете! — фыркнул Чао Тай (Перевод Е. Волковыского 2020).

Because the bastards had waited until he was out of each country before executing their victims (Sheldon, Sidney. The Doomsday Conspiracy, 78) –Да

потому, что эти **ублюдки** ждали, пока он уедет из страны, а уж потом казнили свои жертвы (Перевод А. Романова 1993).

“You're an asshole and a moron,” Garp told him, “and if you don't drive me to the airport with your mouth shut, I'll tell a cop you tried to paw me all over.” – (Irving, John. *The world According to Garp*, 89) — Ты задница и **ублюдок**, ясно? — сообщил ему Гарп. — И если ты до самого аэропорта не будешь молчать, то я первому же полицейскому сообщу, что ты меня всю излапал и хотел изнасиловать, ясно? (Подстрочный перевод).

“You lucky bastard,” he said to Eliot, still trying to break the broom, “you’ve had yours!” He showered Eliot with obscenities (Vonnegut, Kurt. *God Bless You, Mr. Rosewater, or Pearls Before Swine*, 90) – А ты, **ублюдок**, мать твою — крикнул он вдруг Элиоту, — ты-то свое получил! — и стал осыпать его ругательствами, все еще пытаясь сломать метлу (Перевод Р. Райт-Ковалёвой 1965).

*The Artauds, those **bastards** who sprang up out of the rocky soil with the persistence of brambles, were now in their turn blowing a blast that reeked of teeming life* (Zola, Emile. *Abbe Mouret's Transgression*, 89) – Все селение Арто – эта горстка **ублюдков**, проросших на скалах с упорством вереска и терний, теперь, в свою очередь, поднимало ветер, точно кишевший живыми существами (Перевод В. Пяста 2019).

***Bastard** found out he had colon cancer and had to go off for treatment.* (Liss, David. *The Ethical Assassin*, 90) – Или, например, у **Ублюдка** обнаружили рак толстой кишки, и ему пришлось отправиться на лечение (Подстрочный перевод).

I thought to say that I wasn't the one who'd killed Bastard and Karen in the first place, but I knew how the words would sound coming out of my mouth, absurd and petty all at once. (Liss, David. *The Ethical Assassin*, 89) – Я хотел возразить, что, для начала, это не я кокнул **Ублюдка** и Карен, но я представил себе, как

произношу эти слова, и тут, же понял, что прозвучат они смешно и нелепо
(Подстрочный перевод).

Межъязыковой подход исследования эмотивов, показал, что разные доминирующие эмоции представителей различных лингвокультур определяют языковое наполнение эмотивной функции. Однако, из этого не следует, что общие эмоциональные чувствования репрезентируются в разных языках с абсолютной точностью. Следовательно, язык наполняет “предметным содержанием” эмоции; огрубляет и упрощает их. Эмотив выполняет роль метонимии, воссоздающей эмоции. Несмотря на все это, весь пласт эмоционально-окрашенной лексики определенного языка передает национальную картину эмоций со своими специфическими оттенками и колоритом, что свидетельствует о необходимости более исчерпывающего исследования понятия “эмотивность” в системе разноструктурных языков.

1.2. Основные положения теории дейксиса

Термин **дейксис** впервые был введен австрийским ученым К. Бюлером. Данному явлению также посвящены работы известных лингвистов: Ю.Д. Апресян, И.А. Стернин, Н.Д. Арутюнова, Р. Чураев, М. Исоев, Х.К. Каримов, М. Мирзоев, С. Назарзода, Е. Sagal, К. Ehlich. Исходя из того, что дейктическая функция свойственна всем языковым единицам, включая эмотивные единицы, дейксис является объектом исследования многих направлений в языкознании, в частности, в лексике, грамматике и в различных речевых дискурсах. Согласно точке зрения Л.М. Васильева, «любое языковое значение в первую очередь указывает на границе обозначаемого, очерчивает их посредством выделения тех или иных свойств» и лишь, потом показывает внутреннюю структуру референта, связывает ее с нашими концепциями об отражаемом в сознании объекте реальной действительности [Васильев 2006:

168]. Следовательно, **указательность** – это универсальная специфика любой языковой системы. Исходя из этого, нельзя решить многие проблемы без привлечения знака, который выполняет функцию указания [Сребрянская 2005: 10]. Согласно точке зрения У. Филлмора, дейксис – наименование, которое получают те аспекты языка, репрезентация которых связана с различными ситуациями высказывания, а именно: время высказывания, местоположения участников высказывания, личность говорящего [Филлмор 2001: 17].

Дж. Лайонез при определении дейксиса также делает акцент на такие аспекты языка, как местонахождение, отождествление лиц, объектов, действий, исходя из речевых ситуаций с учетом пространственно-временного дискурса [Лайонез 1986:234]. Следовательно, традиционные типы дейксиса это: дейксис лица, времени и места. Дейксис лица называет адресата в речевой ситуации. Дейксисы места и времени связаны с кодированием пространственно-временных отношений. При этом следует заметить, что во многих языках наблюдается расхождение между близостью и дальностью [Новое в зарубежной лингвистике 1995: 65]. Исходя из вышеизложенного в таджикском и английском языках дейксис включает такие части речи как 1) местоимения (личные и указательные); 2) наречия (указательные); 3) категория времени; 4) в английском языке лексические единицы: *come / go – приходит – уходит; bring / take приносить – забрать* [Лайонез 1986: 23]. Таким образом, понятие дейксис употребляется в тех случаях, когда функция личных и указательных местоимений, а также грамматическая категория времени соотносятся с другими грамматическими и лексическими особенностями, определяющими речевые ситуации в пространственно-временном континууме. Следовательно, можно отметить, каким образом адресатом используется определенная ситуация для ориентации во времени и в пространстве; и какие языковые средства используются конкретным языком для указанных целей [Филлмор 1982: 60].

В лингвистической науке существуют различные точки зрения относительно классификации дейксиса, не противоречащие друг другу, исходя из того, что является предметом указания, выделяют: 1) дейксис лица / времени / лица; 2) с учетом способов реализации – выделяют прагматический и синтаксический; 3) наглядный дейксис учитывает степень «участия воображения» [Сребрянская 2005: 18]. Следует заметить, что третий принцип классификации дейксиса (наглядный) встречается в канонической речевой ситуации, который предполагает существование «наглядного образа ситуации» [Бюлер 2000:79]. Согласно точке зрения Ю.Д. Апресян, наглядный дейксис является основным [Апресян 1995: 135]. Данный тип дейксиса представляет собой воображаемую ситуацию, где наблюдается употребление иллюзорного или мыслительного дейксиса. Данный дейксис, как было указано, свойствен для неканонических речевых ситуаций [Падучева 1996 63].

Воображаемые и наглядные дейксисы Ю.Д. Апресян рассматривает как основной и второстепенный типы дейксиса. Согласно позиции Е.В. Падучевой, основной дейксис ориентирован на адресата, вторичный – на наблюдателя. Наблюдателем в канонических текстах выступает либо персонаж, либо повествователь [Падучева 1996: 270]. В своем исследовании О.Н. Веселкова основные и второстепенные виды дейксиса рассматривает как «ситуативный дейксис». Автор проводит такое сращение, исходя из общего признака, учитывая «интерпретацию значения дейктических элементов, с учетом места, времени, событий, как реальной, так и воображаемой речевой ситуации [Веселкова 2004: 30]. Исходя из условий репрезентации ситуативного дейксиса, выделяют первичный (основной) и вторичный дейксис. Анафорическое употребление указательных языковых средств «адресат и адресант» находятся в речевом потоке. Данный поток речи представляет собой «некое целое», к частям которого возможно не только проспективная, но и ретроспективная отсылка [Бюлер 2000: 120]. Данный тип

дейксиса характеризуется тем, что указание делается не на отдельно взятые объекты окружающей действительности, доступные восприятию как отправителя, так и получателя, а на отдельные фрагменты речи. Согласно точке зрения К. Бюлера, анафора, исходя из общей природы указания, восходит к одному из видов дейксиса. В индоевропейских языках используются главным образом одни и те же указательные слова, что при анафоре и при наглядном дейксисе [Бюлер 2000: 114]. Основой противопоставления анафоры и дейксиса является локализация идентифицируемого референта. При дейксисе учитывается определенный вид референции. Например, при нахождении референта во внеязыковом пространстве – в реальной или воображаемой ситуации. При этом следует заметить, что в анафоре идентификация происходит через денотативный пространственный текст [Сребрянская 2005: 67]. Следовательно, здесь речь идет о двух типах референции: текстовой и не текстовой. Таким образом, с лингвистической позиции референт может быть локализован не только в речи, но и вне речи. Однако следует заметить, что в когнитивной лингвистике проблема разграничения дейксиса и анафоры решается исходя из критерия знания референта адресатом. Критерии местоположения референта не рассматривается. Следовательно, анафорические указания – это те, которые известны адресату референта. Дейктическое указание требует введение нового референта для адресата. Метод отождествления референта при этом является самым важным. Данный способ осуществляется исходя из темпорально-пространственных параметров дейктической речевой ситуации: *ман – дар инчо – ҳозир; I'm here now – я сейчас здесь.*

Таким образом, вопрос, связанный с анафорой и дейксисом, остается открытым. Одни ученые рассматривают анафору в рамках дейксиса, другие лингвисты разделяют дейксис на первичный и вторичный, разграничивают их, исходя из различных критериев и давая им различные наименования.

В нашем диссертационном исследовании проблема включения и не включения анафоры в сферу дейксиса не является принципиальной. Для нас важен денотативный статус референта, на которого производится указание, его местоположение в речевом потоке (при анафоре), а также нахождение референта в перцептивном пространстве – реальное или воображаемое. Все это, в конечном счете, определяют систему идентификации референта.

На основе анализа научной теоретической литературы можно выделить основные признаки дейктичности в языке и в речевом потоке.

Основные признаки:

1. Эгоцентризм;
2. Субъективность;
3. Ситуативность и адресатность дейктических значений.

Таблица 1

Основные сведения о дейксисе

Термины	<p>Термин дейксис употребляется относительно тех аспектов языка, репрезентация которых связана с ситуацией высказывания: время – до и после; местоположение адресата в процессе речи и личность говорящего [Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик 1985: 331; Филлмор 1986:45].</p> <p>Дейксис – это местонахождение и идентификация лица, объекта, события, процессов, о которых говорится или упоминается в высказывании, касательно пространственно-временного дискурса, который создается и поддерживается в</p>
---------	---

	процессе речи. Участие в нем одного адресата.
Языковые единицы со значением “дейксис”	Указательные выражения Катафора Анафора Дейктики Указатели
Качественное проявление дейксиса (манифестация)	Пространственное проявление Временное личное Вариативное
Категории (семантика)	Лицо Место Время Личный дейксис – указание на участника (ов) в речевой ситуации. 1 –ое лицо представляет собой ссылку говорящего на самого себя Категория 2 –го лица – ссылка на одного и более говорящего 3 – е лицо – указание на лица и объекты, не являющимся ни говорящими, ни адресатом в речевой ситуации. Например: “Э, <i>цогам дар гӯр! Ман чӣ гуфта истодаам. Илоҳи, ба тухматон барака диҳад</i> ”; “Э, <i>Дохунда! Ҳанӯз ту содда будай. Магар ту надонистӣ, ки “об аз боло лой</i>

	<p><i>аст</i>”; “<i>Э, отунчоне, гап бисёру мову шумо хабар надорем</i>” [Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик 1985: 332].</p> <p>Дейксис места – это кодирование места относительно месторасположения участников высказывания.</p> <p>Дейксис времени – кодирование временной точки по отношению ко времени высказывания.</p> <p>Центральная категория – категория говорящего [Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик 1985:331; Серебрякова 2005:34]</p>
Свойство	<p>Указание</p> <p>Наблюдение</p> <p>“Указательность является универсальным свойством любой языковой системы”. Например: “<i>Эҳ, тирмизак, акнун ту ҳам моро фиреб додан мехоҳӣ</i>” [Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик 1985: 332]</p>
Основной компонент	Указание на наблюдателя
Значение	<p>Дейксис языковых средств имеет указание на центр координации [Стернин 1985: 78]</p>
Координатные оси	Наблюдатель

	<p>Говорящий [Кравченко 1995: 90]</p>
<p>Виды указаний</p>	<p>Жесты Указательные слова, которые относятся к чувственно-воспринимаемому конкретному объекту Анафора (вербальные средства указания в рамках дейктического поля и дискурса) [Грамматикаи забони адабии хозираи тоҷик 1985, 1: 336] В символическом поле – указания на абстрактное место, находящееся в глубинных слоях памяти [Бурлакова 1988: 23]</p>
<p>Способы выражения</p>	<p>Эксплицитный способ выражения – это формальные показатели Имплицитные способы – формально не выражены или дейксис не маркирован формально [Стернин1995: 45]</p>
<p>Структура</p>	<p>Эгоцентричный дейксис Не эгоцентричный дейксис, который совпадает не с тем, кто говорит, а с адресатом; возможны также перенос дейктического центра на другой объект, который не включает говорящего [Левинсон 1983: 67] “Именно дейктический момент</p>

	<p>пространства / времени, всегда присутствующие с нами, помогают выявить отправной объект во времени и пространстве, где сложно выявить идентичность основного объекта в речевом потоке [Филлмор 1982: 34]</p> <p>Аутодейксис – позиция говорящего</p> <p>Гетеродейксис – пространство, не включающее позицию говорящего [Бэдэрэу 1990: 84]</p>
<p>Направление</p>	<p>Относительный фактор</p> <p>Абсолютный фактор</p> <p>Универсальный фактор</p> <p>При относительной дейктической стратегии говорящий мысленно включает в описываемую ситуацию некоего наблюдателя (неназываемый наблюдатель)</p> <p>При абсолютной стратегии участвуют два предмета А и В</p> <p>Для абсолютной стратегии необходимы следующие факторы</p> <p>1. Разделение объекта В на левое и правое направления влечет его вертикальное и фронтальное членения. В подобных речевых ситуациях наблюдателя нет</p>

	<p>2. Расположение объекта В от центра земли. Вертикально нерасчлененные объекты (кирпич, шар, кубик) в такой ситуации актуально определяются</p> <p>3. Привычное перемещение объекта. Фронтально нерасчлененные предметы актуальное положение перед и за [Апресян 1995: 104]</p>
Степень дейктичности	<p>Номинации (семантика слова), смешанный способ номинации (номинативно-дейктическая семантика)</p> <p>Ориентация – субъективная (координаты речевого акта)</p> <p>Объективная (соотношение с другой точкой отчета)</p> <p>Выражения – эксплицитная и имплицитная</p> <p>Формы указания</p> <p>А) наречие</p> <p>Б) предложно-именные группы</p> <p>[Ерзинян 1988: 32]</p>
Две стороны дейксиса	<p>Социо-пространственно-временные условия акта коммуникации (материал для интерпретации)</p> <p>Грамматическая и лексическая системы языка, служащие для указания</p>

<p>Признаки</p>	<p>Эгоцентризм</p> <p>Дейктические слова</p> <p>А) субъективность</p> <p>Б) мгновенность</p> <p>В) эфемерность</p> <p>Г) ситуативность</p> <p>Дейктические единицы</p> <p>А) прагматика</p> <p>Б) обобщенность содержания</p> <p>Г) относительность содержания</p> <p>Д) детерминированность семантики</p> <p>Е) шифтерность в процессе коммуникации [Сребрянская 2005: 92]</p>
<p>Специфика указательных слов</p>	<p>Указание на объект (явление)</p> <p>Указание на точку отсчета (субъект речи, субъект восприятия)</p>
<p>Дифференциация дейксиса</p>	<p>Бинарная оппозиция</p> <p>2. Тип ориентации – субъектно-объектный дейксис</p> <p>3. Способ номинации:</p> <p>Смешанно-чистый дейксис.</p> <p>Чистый дейксис – это вся семантика слова.</p> <p>Смешанный тип номинации дейксиса выступает как компонент значения, будучи номинативным семантическим компонентом, имеет меньший удельный</p>

	<p>вес в семантике слова</p> <p>Формы указания:</p> <p>Конкретно-абстрактный дейксис</p> <p>А) абстрактное указание – наречие; конкретное указание представлено предметно-именной группой</p> <p>Способы выражения:</p> <p>Эксплицитно / имплицитный дейксис</p> <p>[Ерзинкян 1988: 96]</p>
--	---

На основе вышеизложенного можно констатировать, что дейксис – представляет собой эксплицитную и имплицитную ссылку в значении языковой единицы с указанием лица, места и времени с позиции наблюдателя.

1.3. Эмотивный дейксис в таджикском и английском языках

Одной из разновидностью эмоциональной способности (интеллект), определяющееся ментальным стилем человека и, распознающийся при помощи инструмента, в лингвистической литературе именуется дейксисом или эмоциональным дейксисом [Шаховский 2001: 37]. Следовательно, эмоциональный дейксис следует рассматривать как неконвенциональная разновидность дейксиса.

В лингвистическом энциклопедическом словаре можно найти следующую дефиницию термина дейксис: “указание языковой единицы, которое выражается как лексическими, так и грамматическими средствами” [ЛЭС 2002: 128]. Традиционно в лингвистике дейктики рассматриваются как языковые единицы, имеющие семантику “дейксиса”, а также выполняющие его функции, иначе говоря “подвижной определитель” (шифтер), который

может быть приложен к любому референту [Арутюнова 2006: 4]. Следовательно, ключевое понятие дейксиса – это указание.

Тем не менее, как показало исследование научной литературы, дейксис представляется многофункциональным явлением, находящееся в стадии активного исследования. Термин дейксис широко употребляется не только в лингвистической науке – в процессе моделирования времени, пространства и движения, но также в психологии, при моделировании психической сферы человека, включающее чувства и восприятия [Васильева 2006: 168]. Отсюда возникает необходимость расширить диапазон дейктических значений. В настоящее время в лингвистике выделяют следующие виды дейксиса:

1. Культурный [Устин 1997: 24];
2. Количественно-оценочный дейксис [Шийсал 1995: 60];
3. Субъектный дейксис [Волкова 1995: 83];
4. Абстрактный дейксис [Нейл 1993: 96];
5. Эмоциональный дейксис [Шаховский 2001: 121].

Эмоциональный дейксис – это новый положительный материал в сфере дейксиса. Способ, определяющий эмоциональную характеристику субъекта речи, определяющие, в свою очередь, специфику плана содержания и плана выражения, создаваемых речевых ситуаций [Жура 2005: 78]. Таким образом, эмоциональный дейксис следует рассматривать как соединение непосредственного и опосредственного планов выражения, а именно: язык тела, мимика, жест и язык слов. Указывая на дополнительные параметры в речевом потоке, данный дейксис выходит за рамки сложившихся представлений о дейксисе. Это своего рода “ломка традиционного представления о дейксисе”, что дает возможность выразить новую дейктическую парадигму в языке [Сребрянская 2005: 124].

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что в понятие “эмоциональный дейксис” включается наравне с языковыми средствами

выражения эмоций, также психолингвистические и физиологические компоненты [Жура 2008].

Общеизвестно, что человек может пользоваться различными видами сигналов, которые могут указывать на его эмоциональное состояние. Это могут быть **авербальные средства**: мимика, жесты, взгляд; **вербальные средства** – эмотивная лексика и фразеологические единицы. Данные способы выражения эмоции рассматриваются как эмоциональный дейксис; элементы эмотивного состояния, указывающие “здесь присутствуют эмоции” [Сребрянская 2005: 45].

С целью проведения лингвистического исследования необходимо в первую очередь разграничить понятия **эмоциональный дейксис** и **эмотивный дейксис**. Главное отличие проявляется в том, что эмотивный дейксис включает как вербальные средства выражения, так и авербальные. Так, в частности, художественный текст включает такие языковые эмотивные компоненты как: эмотивные лексические и фразеологические единицы, эмотивные конструкции; языковые эмотивные компоненты (лексическое представление эмоциональной кинесики и фонатации); неязыковые компоненты включают эмоциональную ситуацию, препозицию, эмоциональное намерение, эмоциональная позиция коммуникантов в речевом потоке и их общий эмоциональный настрой [Шаховский 2001: 249]. Следовательно, эмотивный дейксис имеет как широкую, так и узкую трактовку.

В своем диссертационном исследовании мы также дифференцируем термины **эмотивный дейксис** и **эмоциональный дейксис**.

Как было отмечено в предыдущем параграфе, традиционным способом номинации дейксиса являются смешанный и чистый тип дейксиса, имеющие непосредственное отношение к основным элементам эмотивного дейксиса, как: аффективы, эмотивы и коннотативы. При этом следует заметить, что

чистый дейктивный способ номинации охватывает всю семантику слова [Сребрянская 2005: 12]. Следовательно, в фокусе эмотивного дейксиса главным образом оказываются эмотивы-аффективы, так как эмотивность является основным макрокомпонентом данных языковых единиц.

В рамках исследования эмотивного дейксиса, на наш взгляд, важной представляется позиция Ю.Д. Апресяна, рассматривающий эмотивный дейксис – как первичный дейксис. “Эго говорящего влияет не только на способ выражения эмоций, но и на средства выражения эмоций” [Апресян 1995: 122].

Основной инструмент исследования эмотивного дейксиса – это эмотивное указательное поле, которое включает эмотивные лексические единицы, такие как – эмотивы-знаки; эмотивы-указатели; эмотивы-демонстративы.

Следующий вопрос, который необходимо прояснить в рамках данного исследования – это конвенциональность и неконвенциональность эмотивного дейксиса. Конвенциональный дейксис предполагает корреляцию с функциями местоимения, категорию времени, а также лексико-грамматическими особенностями, определяющими предложение в пространственно-временных координатах. Понятие неконвенциональность в рамках исследования эмотивного дейксиса – это соотношение с эмотивной семантикой, со значениями и обозначениями, сюда также входят усилительная и образная экспрессивность в семантике лексической единицы, определяющей речь (высказывание) в пределах **эмоциональной сферы говорящего**.

Следует также заметить, что компонентами эмотивного дейксиса выступают неконвенциональные эмотивные шифтеры. В данном случае речь идет не о простом указании компонентов в речевой ситуации, а особая дистрибуция элементов в речевой ситуации, так называемая синтаксическая организация.

Неконвенциональное понимание дейксиса требует также пояснения таких понятий как бинарная оппозиция изначальности и неизначальности эмотивно-дейктических значений. Изначально-дейктическое значение рассматривается как эмотивность в денотате семантической структуры эмотивного указателя, который соотносится с предельно выраженной экспрессивностью, направленный на речевой эффект. Неизначально эмотивное дейктическое значение – это образная увеличительная экспрессивность в семантической структуре эмотивного слова. Оно также включает созначение (эмотивы-номинативы). Эмотивный указатель, обладающий изначальным неконвенциональным значением, является основным элементом (ядром) неконвенционального эмотивного поля. Усилительный фактор при этом не обязателен со стороны конвенциональных знаков. Поясним данное положение следующим примером: местоимение *ман* – *I* – как значимый дейктик в современном понимании усиливает эмотивно-дейктическую важность эмотива-номинатива.

Приведем примеры на материале таджикского и английского языков:

Як бало кун, бачам, чони додотро даст гир, аз кучое, ки бошад, ёб, падарат ба бало мемонад, ман аз вай аҳмақ метарсам, ту намедонӣ вайро. Хонаи Карими магазинчӣ рав, гӯй, ки бибиам омаданд, модарам ҳам омаданд, дар хонаамон сулҳу салоҳ шуд (Кароматуллои Мирзо, Дар орзуи падар, 189) – *Постарайся, сынок, помоги отцу, иначе у него будут проблемы, я боюсь его, ты не знаешь его. Иди к Кариму, скажи, что бабушка и мама пришли, у нас в доме мир и покой* (Подстрочный перевод).

I mean, I know she's a tough lady—trust me, I do—it just seems that you take everything pretty seriously when it comes to her, you know? (Weisberger, Lauren. Devil Wears Prada, 45) - *То есть я знаю, у твоей начальницы тяжелый характер, – поверь, это я понимаю, но мне порой кажется, что ты воспринимаешь все слишком серьезно* (Подстрочный перевод).

*It was hurting him considerable, and bleeding; so we laid him in the wigwam and tore up one of the duke's shirts for to bandage him, but he says: "Gimme the rags; I can **do it** myself. (Twain, Mark. Huckleberry Finn, 89) – Тому было очень больно, и кровь сильно текла; мы уложили его в шалаше, разорвали рубашку герцога и хотели перевязать ему ногу, но он сказал: — Дайте-ка сюда тряпки, это я и сам сумею (Перевод С. Ильина 2011).*

*'Yes; and I will **do it** now'; and having directed him to the servants' hall, and recommended him to the care of John's wife, and the attentions of John himself, I went in search of Mr. Rochester. (Bronte. Charlotte. Jane Eyre, 90) – Да, я сделаю это сейчас же. - Отправив его в людскую столовую и попросив жену Джона и самого Джона позаботиться о нем, я пошла разыскивать мистера Рочестера (Перевод И.Г. Гуровой 2012).*

*But I can't, you know, brother- in-law, I can't renounce my own son, even if he has done all you say he has - it's not possible; I couldn't **do it**; so we must go to rack and ruin, Kate, my dear. (Dickens. Charles. The Life and Adventures of Nicholas Nickleby, 67) – Но, знаете, деверь, я не могу, не могу отречься от родного сына, даже если он сделал все то, о чем вы говорите. Это невысказано, я бы не могла на это пойти. И вот, Кэт, дорогая моя, придется нам испытать страдания и нищету (Перевод А. Кривцова 2011).*

Следовательно, ядром указательного поля эмотивного дейксиса выступают аффективы, имеющие изначально неконвенционально-дейктическое значение, в частности, междометия или эмоционально-оценочные прилагательные. А.А. Уфимцева, исходя из того факта, что междометия не являются ни знаменательными, ни служебными единицами, включают их в периферийную зону конвенционального указательного поля [Уфимцева 2002: 97].

Однако как показал анализ фактического материала, в контексте исследования неконвенционального эмотивного дейксиса, который указывает на

выражение эмоций говорящего, центр указательного дейктического поля можно включить междометия. Так как они обладают выраженной эмотивностью и максимальной экспрессивностью, что вряд ли можно коррелировать с «пустотой» семантики, которая свойственна субститутам. Такая противоположная точка зрения на «демонстративов» эмоций объясняется тем, что понимание эмотивного дейксиса выходит за пределы сложившихся в современной лингвистике представления о дейксисе. Несмотря на то, что эмотивный дейксис – это указание, в речевой ситуации он указывает на дополнительные параметры.

Исходя из вышеизложенного можно констатировать, что суть языкового знака заключается в единстве означаемого и означающего. Следовательно, основным параметром расположения эмотивной дейктической единицы в указательном поле является характер лексического значения эмотива. То есть необходимо выявить в семантической структуре слова какая часть отводится эмотивному значению: важно установить совпадение с денотатом, со значением, установить наводится ли эмотивность на ту или иную единицу эмоциональной ситуации, определяющее качество экспрессивности, и направленную на репрезентацию речевого эффекта говорящего. Для этого необходимо установить семантический код, дешифрующий эмотивный знак. Здесь необходимо учесть и “взаимоотношения языкового значения с коннотацией” [Васильева 2006: 171].

Как показал анализ языкового материала денотат семантики междометий является эмотивным и оценочным, иногда может быть и экспрессивным. Исходя из этого, их можно рассматривать как аффективно-интерпретирующие единицы. Аффективы – междометия содержат указание на эмоциональность зафиксированное в языке. Следовательно, они являются эгоцентрическими спецификаторами, обладающими неконвенционально-дейктическим значением [Васильева 2006:180].

Например, в английском языке междометие *Ah!* может указать на наличие эмоции в высказываниях, не имея сходства с называемым объектом или предметом, которыми вызвана соответствующая эмоциональная реакция и оценка со стороны говорящего. Однако, в таджикском языке междометия *Э-ээ, О-оо и т.д* указывают не только на наличие эмоции в речевом потоке, но также связаны с объектом.

- Э-э-э ... ё метарсӣ? “Э буздилӣ нақун-е! “Аз чумчуқ тарсӣ, арзан нақор” гуфтаанд. Натарс. Ман ба ҳеҷ кас намегӯям.

Ин рафтори ӯ гоҳи пастӣ ва ҳатто, чун кирдори бачаи беақл, хандовар буд.

- Бас кунед.

- Бас намекунам!

Нозири роҳ аз қаҳру алам дарун-дарун сӯхта ноилоҷ монд. – Шумо барои ман дигар роҳ намондед. Маҷбурам, ки бригадаи таблиғоти роҳи давлат кунам. – Барои чӣ? – Шуморо ба навор мегиранд, дар телевизион намоиш медиҳанд. – А-а-а?! Чӣ гуфтӣ?! Ба нуҳистини ӯ кайк афтод (Шералӣ Мӯсо, Қиссаи Баҳорӣ, 94) — Угу... ты боишься? «Не говори глупостей! «

Не бойся. Я никому не скажу.

Такое его поведение было крайне унижительным и даже, как поступки глупого мальчика, смешным.

- Перестань. – “Нет”! У инспектора дорожного движения выбора не осталось. — Ты не оставил мне выбора. Я должен вызвать съемочную группу. “Зачем?” - Вас будут снимать и показывать по телевизору. “Ах ах?” Что ты сказал?! Ему было не по себе (Подстрочный перевод).

-О-ҳо-о! Азик-ку?! Аз ин садо ӯ як қад парид. Дар рӯ ба рӯяш ҳамкори собиқаи Собирро дид. Вай кайф дошт. Либосҳои утинодида, гардолуду дугдор. Бекас ва нодор ки буд, напояд, аз кор рондандаи. Бо арақ дӯст шуд. Чун маст мешуд, даст боло карда дод мезад: “Худо дораму арақ!” (Шералӣ

Мӯсо, Қиссаи Баҳорӣ, 94) – *Ох ох ох! Азик-ку?! Он подпрыгнул от этого звука. Перед собой он увидел своего бывшего коллегу Сабира. Он был на веселе. Его одежда грязная и пыльная. Одинокий и бедный, он был уволен. Спился. Когда он напивался, то кричал: «У меня есть Бог и водка»* (Подстрочный перевод).

- Э гап задан гир, - даст афшонд ӯ. – ба ман чӣ. Даҳони худат дард мекунад.

- Бе “нимта”! чим намешинам.

Собир мувофиқи одаташ хеле лаққид.

- Ба ту чӣ шуд? – пурсид ӯ. – Ту хафа менамой? Азамат ҷавоб надод (Шералӣ Мӯсо, Қиссаи Баҳорӣ, 94). – Э, говори, мне-то что? Сам устанешь от своей болтовни. – Без «куска», никак! Как обычно, Собир болтал без умолку. – Что с тобой? – Выглядишь грустным. Азамат не ответил (Подстрочный перевод).

What Lake View would think, what his pastor would think, what Hand and all his moral associates would think—ah, these were the terrible, the incontrovertible consequences of his lapse from virtue (Dreiser. Theodore. The Titan, 89) – *Что подумают заправилы «Лейк Сити Нейшнл»? Что подумает пастор? Что подумает Хэнд, и все его «высоконравственные» сподвижники? Да, вот оно — страшное, неотвратимое возмездие тому, кто свернул с пути истинного* (Перевод Т. Кудрявцевой 2021).

"What... ah, what is your business?" the guard managed in his ugly Ethsharitic (Watt-Evans. Lawrence. With a Single Spell, 90) – *Что у вас за дело? — с трудом выговорил стражник* (Подстрочный перевод).

His mother pretended to be jealous; ah, Natalie, you should have seen the charming grace with which the dear child offered them to her (Balzac. Honore de. The Lily of the Valley, 89) – *Графиня сделала вид, что рассердилась на меня за измену. Легко себе представить, с какой милой улыбкой мальчуган подарил матери букет!* (Подстрочный перевод).

“Ah, you think,” she continued, with the insistence of a woman who can say, I was right after all, “Ah, you think” it is enough to be in love, and to go into the country and lead a dreamy, pastoral life. (Dumas Fils. Alexandre . Camille, 34) – Вы видите, — продолжала она с настойчивостью женщины, которая может сказать: «Я была права!» — Вы думали, что нужно только любить друг друга и вести в деревне идиллическую жизнь? (Подстрочный перевод).

Daylight held dangers, always had, always would; but nights, ah, nights, he had sailed over islands of cloud and seas of summer sky. (Bradbury. Ray. Uncle Einar, 56) – День придет, опасность приведет - так уж заведено. Зато ночью! Ночью как он парил над островами облаков и морями летнего воздуха! (Подстрочный перевод).

Несмотря на это, словарная дефиниция междометий, в частности, таджикского “*Худо, Худо-ё*” и английского “*Bless me*”, убеждают нас рассматривать данные аффективные единицы, как эмотивы-символы.

So I went to the jail, now this is the point of the story, and I stood outside his cell and I said as though I were going to confession, - “Bless me, father, for you have sinned.” – Итак, я пришел в тюрьму, – вот тут-то и начинается самое интересное, – и стою у его камеры и говорю, будто перед исповедью: «Благословите меня, отец мой, ибо вы согрешили» (Британский корпус английского языка 2010).

But when she saw his dear old face come in, her heart was so touched that she ran into his arms, and laid her head down on his breast and sobbed out, 'Bless me, Tom! (Wells, Herbert George. Ann Veronica, 89) – Но как только она увидела его славное лицо, сердце у нее не выдержало, она бросилась к нему в объятия, приникла головой к его груди и зарыдала: – Благослови меня, Том! (Подстрочный перевод).

God bless me! - a traitor, do you say, and ready to sell his country, and to a rascally Frenchman too?" (Wells, Herbert George. Ann Veronica, 90) – Так вы

говорите, он изменник и готов был продать свое отечество треклятым французам? (Подстрочный перевод).

*There was my sister's son, Tom, jest cut his arm with a scythe, tumbled on it in the 'ayfield, and, **bless me!** He was three months tied up sir. You'd hardly believe it.* (Cooper. James Fenimore. The Pathfinder, or, the Inland Sea, 67) – *Вот, к примеру сказать, мой племянник Том порезал себе руку косой, – косил, знаете, споткнулся и порезал, – так, поверите ли, три месяца ходил с перевязанной рукой* (Подстрочный перевод).

*And a time will come, Veronica, mark my words, a time will come when you will **bless me** for my firmness to-night* (Wells. Herbert George. Ann Veronica) – *Придет время, Вероника, помани мое слово, придет время, когда ты будешь благословлять меня за мою сегодняшнюю твердость* (Подстрочный перевод).

*“God **bless me!**” said I, gasping and winking after my first plunge into this fiery fluid* (Stevenson, Robert Louis. The wrecker, 90) – *Господу! — воскликнул я, закашлявшись после глотка этой огненной жидкости* (Подстрочный перевод).

***Blessed if I** don't think his heart must ha' been born five- and-twenty year after his body, at least!* (Dickens. Charles. The Pickwick Papers, 89) – *Будь я проклят, если не думаю, что его сердце родилось по крайней мере на двадцать пять лет позже, чем его тело!* (Перевод М. Шишмарева 2019).

Анализ фактического материала позволил установить следующую специфику таджикского языка. Так, в частности, в разряд междометий могут переходить слова других частей речи. “Калимаҳои зиёде аз ҳиссаҳои дигари нутқ ба нидо гузаштаанд ва ё ба вазифаи нидо истифода мешаванд. Тобиши маъноӣ ҳаяҷону ҳиссиётеро ифода кардани нидоҳое, ки аз дигар ҳиссаҳои нутқ ба вучуд омадаанд, ба сохту мазмуни ҷумла ва интонатсия вобаста мебошад. Маъноӣ нидоҳое, ки *заму гусса, ҳузну ҳасрат, мусибату фалокат, дарду алам, эътирозу норозигӣ* ва монанди инҳоро ифода мекунанд, низ нисбатан

устовор аст. Нидоҳои *вой, э, вой, эй вой, вое, вой-вой, вох-вох, оббо, уббо* ба хамин гурӯҳ дохил мешаванд: *Вой, мани сиёҳбахт акнун чӣ кор мекунам? Э вой, мани бефаҳм! Қозам дар гӯр, ман чӣ кор кардам-а!*» [Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик 1985, Ҷ 1: 333-335]

Чтобы избежать «информационный хаос», противоречащий семиотике, необходимо учесть подвижность знаков, как необходимое при структуризации неконвенционального эмотивно-указательного поля. Исходя из сказанного, рассмотрим употребление в эмотивных высказываниях таких дискурсивных маркеров как *Well* и *Um*. При этом следует указать на наличие пометы *interjection* в словарных дефинициях данных единиц [ED 2010]. Так же следует заметить, что употребление данных с междометиями в рамках высказывания и их повторяемость интенсифицирует эмоциональную окрашенность их семантики.

Приведем примеры:

Whether it will be the right Karsh, of course, or the right Karsh's table—well, well, in any case we should all find it an instructive experience, especially Karsh (Beagle. Peter. The Innkeeper's Song, 89) – *Правда, неизвестно, будет ли это именно тот Карш и именно тот стол, но в любом случае это будет полезный и поучительный опыт для всех нас, а для Карша в особенности* (Подстрочный перевод).

I must humour him though,' cried old Arthur; 'he must have his way - a wilful man, as the Scotch say - well, well, they're a wise people, the Scotch. (Dickens. Charles. The Life and Adventures of Nicholas Nickleby, 34) – *Но я должен ему потакать! — воскликнул старый Артур. — Он должен поступать по-своему — своевольный человек, как говорят шотландцы* (Подстрочный перевод).

“Well, well!” Mrs. Mountain cried eagerly; “it was right a gentleman should make himself merry in good company, and pass the bottle along with his friends” (Thackeray. William Makepeace. The Virginians, 89) – *Так что же здесь такого!*

- поспешно объяснила миссис Маунтин. - Джентльмену в хорошей компании и положено веселиться, угощаться самому и угощать друзей (Подстрочный перевод).

'Well, well. If it isn't my partner in crime,' he said. (Tartt, Donna. *The Secret History*, 67) – Кого я вижу! — воскликнул он. — Соучастник преступления собственной персоной (Подстрочный перевод).

'Well, well!' said Mr Pecksniff, mildly, *'I feel that I might consider this becoming in a daughter of my own, and why should I object to it in one so beautiful!* (Dickens. Charles. *Martin Chuzzlewit*, 56) – Так, так! – сказал мистер Пексниф коротко. – Пожалуй, я бы счел такие слова весьма уместными со стороны своей родной дочери, так с какой стати мне возражать, когда я слышу их от такой красавицы! (Перевод Н.Л. Дарузеса 2021).

"Well, well, well, well," said Rrrnlf, turning back to Jim. *"Now what was it you wanted from me, wee Mage?"* (Dickson. Gordon. *Dragon at War*, 89) – Ну-ну. — Нууу, нууу, снова повернулся к Джиму: — И чего же ты хочешь от меня, крошка маг? (Подстрочный перевод).

The peacemaker did not seem to be in the least annoyed, but continued in unabated enjoyment. "Well, well," he said, *"let us get back to the point* (Chesterton. G.K. *The Ball and the Cross*, 23) – Не обижаясь на них, миротворец оживленно продолжал: – Итак, вернемся к сути дела (Подстрочный перевод).

'Well, well,' said the Badger, patting him on the shoulder, *'it was your first experience of them, you see* (Grahame. Kenneth. *The Wind in the Willows*, 90) – Ну, ничего, ничего, — сказал Барсук, похлопывая его по плечу, — это было твое первое знакомство с ними (Подстрочный перевод).

"Um, yeah, I mean yes, that does sound wonderful," I said, briefly wondering why Sharon was trying to talk me into something that a million other people would die for (Weisberger. Lauren. *Devil Wears Prada*, 89) – Хм... да, конечно, это звучит потрясающе, — сказала я, спрашивая себя, почему Шэрон так

расхваливает передо мной то, ради чего другие готовы на все (Подстрочный перевод).

Um, Cranly answered, holding out what remained of the half chewed fig and jerking it towards the squat student's mouth in sign that he should eat (Joyce. James. A Portrait of the Artist as a Young Man, 34) – Угу! — ответил Крэнли и протянул наполовину изжеванную фигу к самому рту коренастого студента, как бы предлагая ему доесть (Подстрочный перевод).

“Um,” said Quoyle. *“There’s a Golden Age home in Killick-Claw. There might be a chance-”* (Proulx. Annie. The Shipping News, 45) – Э, знаете, в Якорной Лане есть дом престарелых «Золотой Век», так что можно будет... (Подстрочный перевод).

“Um, Miranda, I’m so sorry, but it was actually Briget’s office that RSVP’d you to the event today, and they never—” (Weisberger. Lauren. Devil Wears Prada, 23) – Э... мне очень жаль, Миранда, но это... парижское отделение пригласило вас на сегодняшнее мероприятие, и они не... (Подстрочный перевод).

‘Um, Mrs Cake? I’m finding it a little confusing. Could you . . . switch off . . . your precognition ... ?’ – (Pratchett. Terry. Reaper Man, 67) – Госпожа Кейк, видите ли, меня это несколько сбивает с толку... Не могли бы вы... выключить... свое предвидение?... (Подстрочный перевод).

Scarlett said *“Um,”* her heart beginning to beat faster as the thought recurred (Mitchell. Margaret. Gone with the wind, 45) – Угу, — пробормотала Скарлетт, и сердце у нее снова болезненно заколотилось (Перевод Т. Озерской 1984).

Данные текстовые маркеры мы рассматриваем как эмотивы-символы. Данные эмотивы—указатели, как и междометия *My God – O, Господи* и *Damn – Проклятие, черт*, обладают признаками индексальных знаков, которое обусловлено спецификой синтагматики данных единиц в речевой ситуации.

'Damn you,' said the woman. 'What I should do is strangle you' (Grossman. Vasily. Life and Fate, 45) – «Ох, ты, окаянный, – сказала женщина, – задушить бы тебя» (Подстрочный перевод).

Why, if I see one pursuing party last night-coming up in order, Damn 'em, with their tramp, tramp-I see a hundred (Dickens. Charles. Great Expectations, 67) – Да я за ночь не раз, а сто раз видел, что за мной гонятся солдаты – топ, топ сапожищами, черт бы их побрал! (Перевод М. Лорие 2014).

"Damn." Chin said the word softly, then closed his eyes and made himself think (Weber. David, White, Steve. In Death Ground, 34) – Черт возьми! — негромко выругался Чин, закрыл глаза и стал напряженно думать (Подстрочный перевод).

"Damn it," she sputtered as she dragged the communicator out, checked the display (Robb. J.D. Creation In Death, 90) – Черт бы ее побрал, – повторила Ева, вытаскивая рацию из кармана (Подстрочный перевод).

"Damn, man, we told you—give that nasty habit a rest" (Banks. L.A. The Awakening, 78) – Чтоб тебе пусто было! Сколько раз тебе говорить, чтобы ты бросил эту гадкую привычку! (Подстрочный перевод).

He turned on the magician. "Damn you, Carolinus!" he snarled (Dickson. Gordon. Dragon at War, 45) – Он повернулся к магу: — Черт тебя побери, Каролинус! (Перевод С. Буренина 1999).

Далее рассмотрим эмоционально-оценочные прилагательные в системе таджикского и английского языков.

Прежде чем перейти к анализу эмоционально-оценочных прилагательных, рассмотрим понятия оценочный концепт и категорию в лингвистической науке. Модусная категория (оценочная категоризация) в языке тесно связана с проблемой аксиологии или так называемой оценочной категорией, которая имеет сложную структуру. Сложность заключается в комплексном участии разных типов принципов и факторов в процессе их

развития. Так, например, большинство современных исследований языковых категорий опираются не на индивидуальное знание, а коллективное, что переносится на исследование универсальных процессов, как категоризации, так и концептуализации. Индивидуальный способ концептуализации и категоризации, а также их взаимообусловленность со знанием того или иного социума, как один из способов их экспликации остаются при этом недостаточно изученными. Данный познавательный процесс в языкознании называется оценочной категоризацией [Болдырев 2014: 178]. Более подробно рассмотрим его специфические особенности. В первую очередь обратимся к одному из основных постулатов современной когнитологии, согласно которому мир – не хаотичен, а структурирован исходя из сходств и расхождений, которые составляют предметы и события окружающей действительности. Благодаря этому наше сознание способно классифицировать познания об окружающей действительности подобно системе категорий, а именно: категория предметов и событий, а также категория слов и категории которые их репрезентируют. Общеизвестно, что естественная категоризация предметов и явлений окружающей действительности, основываясь на общности и расхождений их вещественных и функциональных особенностей, находят свое непосредственное отражение в семантической структуре лексических единиц.

Между тем, человек не только пассивно созерцает окружающие его предметы и явления. Постоянно взаимодействуя с ними, вовлекает их в разные физические и умственные процессы. Представляет участников описываемых в языке явлений, так или иначе, влияя на них. Отсюда разные объекты с многочисленными характеристиками, также отличаются своим воздействием на человека. Все это приводит к созданию индивидуальной, субъективной оценки каждого предмета и явления окружающей действительности, исходя из

подобной зависимости оценки, человек классифицирует предметы и явления (события) в определенный класс (категорию).

Именно в подобных случаях говорят об оценочной категоризации, имеющий индивидуальный характер и основывающийся на соответствии объектов и их характеристик на человеке. Оценочная категоризация связана также со сходством и подобием объектов при помощи метафорического и метонимического отождествления. Данное положение позволяет рассматривать оценочную категоризацию мыслительную корреляцию объекта или явления, имеющих определенную оценочную категорию.

В рамках данного исследования важным следует признать проблему формирования оценочной категории, ее структуру и содержание.

Своеобразие оценочных категорий свидетельствует о существовании особого формата языкового знания, которое возникает в языковом пространстве и не может существовать вне данного пространства. Следовательно, внутриязыковая природа категории оценки выступает ее отличительной особенностью. Следствием внутриязыковой природы категории оценки выступает связь с конкретным человеком или определенной лингвокультурной общностью, то есть ее антропоцентричность. Здесь нельзя не согласиться с Н.Н. Болдыревым, который отмечал, что в окружающей нас действительности нет хороших или плохих вещей, только в человеческом сознании они выделяются как хорошие или плохие, с позиции человека и посредством языка [Болдырев 2014: 179]. Все это свидетельствует о существовании в человеческом сознании оценочных концептов и категорий, которые обеспечивают оценочную репрезентацию приобретенных знаний о предметах и явлениях окружающей действительности.

Согласно позиции Е.С. Кубряковой, оценочная концептуализация и категоризация – это познавательная активность особого рода, где проявляется

человеческая способность «в различных ипостасях и проявлениях видеть и осознавать окружающий мир» [Кубрякова 2004:17].

Познавательные процессы оценочного характера направлены на выявление конкретных дополнительных свойств в уже познанном объекте, то есть они представляют собой вторичную концептуализацию и вторичную категоризацию в системе мнений, оценок и стереотипов. Данная интерпретация осуществляется человеком (его личная оценка) и конкретным сообществом (коллективная оценка). Данное положение требует ответ на вопрос, связанный с принципами организации категорий оценки: отличаются ли они по своей структуре от категории естественных объектов и других модусных категорий, обладают ли они той же прототипической структурой, которой характеризуются естественные категории, и если да, то какова сущность оценочных категорий и какие компоненты составляют периферию оценочных категорий.

Важно заметить, что система коллективных и индивидуальных ценностей человека определяют природу и структуру оценочных категорий в большей степени. Исходя из этого, выделяют два типа категоризации – категоризация в системе языка и в системе речи. Категоризация в системе языка отражает наши познания об окружающей действительности, зафиксированные в значениях языковых единиц, сюда также входит коллективная оценка предметов и событий. Категоризация в речи представляет собой шкалирование и оценку, которые необходимы при формировании высказываний в процессах обработки информации. Необходимость в оценочной категоризации возникает главным образом в речи. Следовательно, категории, формируемые и соотносимые нами с предметами и явлениями окружающей действительности, так же как их возможные прототипы, отличаются как своей структурой и содержанием от тех категорий, которые

создаются в нашем сознании, исходя из принципа естественной категоризации действительности.

Роль человека заключается в том, что он мысленно соотносит объекты с определенной категорией и присваивает этому объекту имя данной категории, посредством сравнения объектов с конкретным эталоном, то есть с определенным концептом. Объекты сравнения всегда связаны с человеком, социальной группой или языковым сообществом. Вхождение того или иного объекта и события в жизнь человека порождает как сравнение, так и оценку.

Далее более подробно рассмотрим специфику оценочной категоризации и ее различие от естественной категоризации. Данные два процесса отличаются способами восприятия и осмысления окружающей действительности, а именно: естественной и ценностной картиной мира, физический мир и его поэтизированная модель, сюда также входит разграничение универсального и личного, коллективного и индивидуального человеческого опыта и познания. Оценочную категоризацию, можно рассматривать как результат взаимопересечения и накладывания двух концептуальных систем, которые отражают физическую и идеальную стороны окружающей действительности. То есть оценочная категоризация является результатом переосмысления окружающей действительности с точки зрения концептов и категорий. Другими словами, называемым человека свиньей, мы не включаем его в разряд животных, а лишь приписываем ему положительные или отрицательные свойства, которые присущи животному (названной категории). Приведем примеры:

Ҳар чанд сари харро дар гашти зар гиранд, аммо дарозии гӯши вай гувоҳи ҳол аст – Сколько ни покрывать голову осла золотым тазом, все равно длинные уши свидетельствуют о нем (Калонтаров 1965: 402).

*You could get someone to dress up as a **pig** and then he could act—you know, pretend to knock me over and all the* (Golding, William. *Lord of the flies*, 56) –

Надо кого-то нарядить свиньей и пусть изображает... ну, притворяется, что бросается на меня, и всякое такое (Подстрочный перевод).

*Bethink thee, if thou dost relapse into thine infidelity, though thou are not so tender as a suckling **pig**— I would I had one to break my fast upon—thou art not too tough to be roasted!* (Scott, Walter. Yvanhoe, 45) – *Смотри у меня, если вздумаешь снова впасть в беззаконие! Хоть ты и не слишком жирен, все-таки тебя можно поджарить (Перевод Е. Бекетовой 1986).*

*Snowball was a more vivacious **pig** than Napoleon, quicker in speech and more inventive, but was not considered to have the same depth of character* (Orwell, George. Animal Farm, 67) – *Сноуболл отличался большей живостью характера, быстрой речью и изобретательностью, но относительно меньшей серьезностью (Подстрочный перевод).*

*Fuck his curse, that **pig**,’ she whispered, and wiped blood from her face with a contemptuous flick of her fingers* (King, Stephen. Thinner, 89) – *Насрать на проклятие этой свиньи, - прошептала она и вытерла рукой кровь с лица.*

*It turned into a **pig**,’ Alice quietly said, just as if it had come back in a natural way* (Carroll, Lewis. Alice's adventures in Wonderland, 34) – *Он превратился в поросенка, – честно ответила Алиса (Подстрочный перевод).*

*And Jill was thinking, “He’s the silliest, most conceited, selfish **pig** I’ve met for a long time”* (Lewis, Clive S. The Silver Chair, 78) – *А Джил думала, что никогда в жизни не встречала такого глупого, самовлюбленного и злобного поросенка (Подстрочный перевод).*

Приписывание положительных и отрицательных свойств определяет внутреннюю структуру и особенность формирования оценочных категорий, объединяющие сходные на человека элементы. В естественной категоризации первичной выступают сами объекты окружающей действительности, иногда один из объектов, выступающий в качестве опорной точки или прототипа. Данные прототипы отличаются психологической особенностью, а их

концептами определяются состав и структура той или иной категории естественных объектов. Человек с его шкалой ценностей является отправной точкой при оценочной категоризации. В подобных случаях первичными выступают такие оценочные концепты как *хуб – бад – хороший – плохой; to like –to hate – нравится не нравится*, задающие состав и структуру оценочных категорий:

Хуби кам аз бади фузун беҳ – Малое, да хорошее, лучше изобильного, да плохого (Калонтаров 1965: 403).

6. Субъектный дейксис [Волкова 1995: 83];

7. Абстрактный дейксис [Нейл 1993: 96];

8. Субъектный дейксис [Волкова 1995: 83];

9. Абстрактный дейксис [Нейл 1993: 96];

I looked both ways, then turned back onto the Tamiami Trail. I still couldn't believe I was driving, but I was starting to like it. (King, Stephen. Duma Key, 34) – *Я посмотрел по сторонам и вырулил на Тамайами-Трайл, всё ещё не веря, что сижу за рулём. Однако само действие мне уже начало нравиться* (Подстрочный перевод).

I thought I would have to fight not to like them, but the Nagual said that it didn't matter, that I should like them if I wanted to (Castaneda, Carlos. The second ring of power, 90) – *Я думала, что я буду бороться с собой, чтобы не любить их, но Нагваль сказал, что суть не в этом, что если я хочу, то я могу любить их.*

A race instinct led these unfortunates to hate a white woman, and they had no commiseration for her in their hearts (Verne, Jules. Dick Sand, or A Captain at Fifteen, 23) – *Они ненавидели белых и, хотя знали, что миссис Уэлдон пленница, нисколько не сочувствовали ей* (Подстрочный перевод).

And I sit there at the machine for two months wondering how the hell it could be my Harry, that used to hate a mess so much (Updike, John. Rabbit, Run, 89) – *А*

я уже два месяца сижу за своей машиной и думаю, почему мой Гарри так поступает, ведь он всегда ненавидел беспорядок и неразбериху (Подстрочный перевод).

Marry, ill to like him that ne'er it likes. (Shakespeare, William. *Alls Well that ends Well*, 67) – По правде - плохо дело: ей придется любить того, кто ее не любит (Подстрочный перевод).

And there was now no reason why he should conceal the truth, why he should continue to shield that dastardly half-brother of his, whom he had come to hate as fiercely as he had erstwhile loved him (Sabatini, Rafael. *The Sea-Hawk*, 45) – У него уже не было причины выгораживать негодяя брата: теперь он так же сильно ненавидел его, как прежде любил (Подстрочный перевод).

Как видно из приведенных примеров, оценочная категоризация, будучи интерпретирующей, антропоцентрической, направлена на систему ценностей, как общих, так и частных оценок, мнений, служащих базой формирования аксиологических категорий и соответствующих классификаций объектов в системе разноструктурных языков. Так, например, имена прилагательные **чавон** ва *nir* – *young and old* – *молодой* и *старый*, в семантической структуре которых основным компонентом является «возраст», сочетаясь с другими лексическими единицами, семантика которых имеет указание на определенное качество, могут получить ярко выраженный оценочный характер. Сравним: *духтари чавон* – *молодая девушка*; *зайрати чавонӣ* – *молодой задор*; *кувваҳои чавонӣ* – *молодые силы*; *young man* – *молодой человек*; *young fellow* – *молодой бездельник*; *youngest people* – *молодая пара*; *young firm* – *молодая фирма*; *young Bluescoat* – *молодой «синий мундир»*; *young voice* – *молодой голосок*; *young genius* – *молодой гений*; *youthful impulsiveness* – *молодая невыдержка*; *зани куҳансол* – *старая женщина*; *чехраи нир* – *старое лицо*; *хотироти куҳна* – *старые воспоминания*; *the old mediaeval hell* – *старый средневековый ад*; *old slanting cross* – *старый крест*; *old*

mahogany table – *старый стол*; *old gentleman* – *старый джентельмен*; *he old warrior* – *старый воин*. Как видно, из приведенных примеров, семантическое противостояние между данными словами при категоризации оценки не сохраняется: *зани куҳансол* – *старая женщина*; *духтари ҷавон* – *молодая девушка*; *youngest people* – *молодая пара* (констатация возраста); *young voice* – *молодой голосок*; *хотироти куҳна* – *старые воспоминания* (оценка качества).

Следует заметить, что очень часто принцип концептуальной интеграции выступает основой формирования оценочного смысла, подтверждающий факт наличия в нашем сознании отдельных оценочных категорий. Возникновение подобных особых смыслов устанавливается невозможностью их сохранения в результате перефразирования: *youngest people* – *молодая пара* – *people youngest*; *зани куҳансол* – *старая женщина* – *зани куҳансол* то есть невозможность образовать пропозициональный тип (классификация данная Дж. Лакоффом) [Лакофф 1990: 56].

Приведем примеры:

Anything more incongruous than the old warrior looked with an eye-glass I never saw (Haggard, Henry Rider. King Solomon's Mines, 56) – *Никогда я не видывал ничего более несуразного, чем этот старый воин с моноклем в глазу* (Подстрочный перевод).

You were not suspected of holding any communication with anybody on the subject which has brought us here to-night, I hope?' asked the old gentleman (Dickens, Charles. Oliver Twist, 34) *Надеюсь, вас не заподозрили в том, что вы вступили с кем-нибудь в переговоры по тому делу, которое привело нас сюда сегодня? — спросил старый джентельмен* (Подстрочный перевод).

Оценочные категории тесно связаны с двумя другими категориями, которые репрезентируют различные типы занятий и объекты интерпретации. Первый тип – это собственно **оценочная категория** и второй тип – **категория**

оценочных слов. Собственно оценочная категория содержит информацию о неязыковых объектах окружающей действительности, категория оценочных слов – это знания о единицах языка, которые выполняют конкретную оценочную функцию.

Если оценочные категории формируются на основе интерпретации объектов окружающей действительности, категория оценочных слов формируется на основе семантических и функциональных интерпретаций лексических единиц. Основное различие двух типов категории зависит от структуры, содержания и принципов, по которым они образуются.

Основой данного расхождения являются различные процессы категоризации, отличающиеся своей направленностью, объектами, целями, а также по составу самих категорий. Неязыковые объекты выступают объектом исследования оценочной категоризации. Данные неязыковые объекты объединяются исходя из разных критериев, вследствие чего одновременно могут стать членами разных противоположенных категорий.

Например, сравним:

Hint that the old knight and my young mistress were like to take you on the form, but I could not mend the matter (Scott, Walter. Woodstock, 90) – Хотел было я предупредить вашу милость, что **старый баронет и молодая хозяйка** застанут вас в моей норе, да вот не вышло (Перевод Е. Петрова 1964).

It is sometimes conspicuous in homosexual relations between an older and a younger man (Horney, Karen . Our Inner Conflicts: A Constructive Theory of Neurosis, 67) – Иногда она наблюдается в гомосексуальных отношениях между **старым и молодым партнерами** (Подстрочный перевод)

The ladies, old and young, laughed quite cheerfully at the lively jokes (Thackeray, William Makepeace. The Virginians, 56) – **Дамы - и старые и молодые** - весело смеялись этим рискованным шуткам (Подстрочный перевод).

*I must confess, gentlemen, in bringing up the subject of first love, I reckoned upon you, I won't say **old, but no longer young**, bachelors* (Thackeray, William Makepeace. *The Virginians*, 78) – Я, господа, признаюсь, поднимая вопрос о первой любви, надеялся на вас, не скажу **старых, но и не молодых** холостяков (Подстрочный перевод).

Именно в подобных случаях можно говорить об оценочной категоризации как о познавательном процессе [Болдырев 2014: 184].

Категория оценочных слов, которым свойственна языковая направленность, напротив, не отличаются от категорий лексических единиц, так как оценка заложена в семантике данных лексических единиц. Оценочное слово, как и любая лексическая единица, связана с конкретным толкованием об окружающей действительности, но не с языком, вследствие чего одна и та же лексическая единица не может быть членом различных по характеру оценки групп, а именно: положительной или отрицательной оценки. Например, лексические единицы положительной коннотации в таджикском языке: *хуб – хороший, зебо – красивый, бароҳат, баҳузур, қолиб, қозиб, – привлекательный, оқил, боақл – умный*; в английском языке: *good – хороший beautiful, handsome, good-looking, fine; pretty – красивый* или лексические единицы с отрицательной коннотацией в таджикском языке: *беақл – глупый; нофорам – неприятный; вайроншуда – испорченный* в английском языке: *foolish, silly, stupid; inane – глупый; disagreeable, unpleasant; annoying, troublesome – неприятный*:

Twas a foolish, ignorant whim of his crazy, widowed mother, who died when he was only a twelvemonth old (Melville, Herman. *Moby Dick Or The Whale*, 34) – Это был глупый, нелепый каприз его помешанной овдовевшей матери, которая умерла, когда он был годовалым младенцем (Подстрочный перевод).

Mid-fifties and strikingly handsome, the store's morally questionable owner had once been a regular for me before I'd promised Jerome I'd go back to seducing

good men (Mead, Richelle. *Succubus on Top*, 67) – Этот поразительно **красивый** мужчина за пятьдесят был моим поклонником, пока я не пообещала Джерому вернуться к соращению добропорядочных мужчин (Подстрочный перевод).

Однако в определенных контекстах лексические единицы с положительной и отрицательной коннотацией могут выполнять полярную функцию, при этом размывается граница между категориями и создаются периферийные зоны. Рассмотрим данное положение на примерах:

She could scarcely move for weariness, and this weariness was pleasant to her; everything, indeed, was pleasant to her. – Она едва переступала от усталости, и ей была **приятна** эта усталость: да и все ей было приятно.

Physical pain is a good diversion, and the harsh realities of the day were pushed aside until the phone rang at home later as I was peeling off my wet clothes (Cornwell, Patricia. *All That Remains*, 23) – **Физическая усталость** - очень **приятное** чувство - быстро сменилась ощущением суровой жизненной реальности, когда я, не успев переступить порога собственного дома и раздеться, услышала телефонный звонок (Перевод В.В. Антонова 1992).

Cries of joy were mingled with tears (Weber, David, White, Steve. *In Death Ground*, 34) – Крики **радости** чередовались со слезами (Подстрочный перевод).

The thought burned like acid, and his stubborn self-honesty's insistence that he should be burning incense sticks for any reinforcement only made the it worse (Weber, David, White, Steve. *In Death Ground*, 34) – От этих мыслей Заарнаку стало совсем плохо. Упрямый и честный внутренний голос настойчиво напоминал ему о том, что он должен со слезами **радости** приветствовать любое подкрепление, но от этого ему становилось только хуже (Подстрочный перевод).

Следовательно, оценочные слова – это средства оценочной категоризации действительности в естественном языке, так как их семантика отражает дополнительные познания, репрезентирующие вторичную реальность. Исходя из этого, они образуют модусные языковые категории [Болдырев 2014: 185].

Вышеизложенное позволяет утверждать, что оценочная категория и категория оценочных слов отличаются концептуальным основанием, другими словами, основой формирования данных категорий являются различные по своей природе концепты.

Следующая специфика двух видов категорий – это их структура. Категории оценочных слов обладают многофункциональной структурой. Основным фокусом категории оценочных слов являются ядерные компоненты, будучи прототипическими средствами, репрезентируют определенные функции. Функцию других фокусов выполняют компоненты, которые выражают положительную или отрицательную оценку. Например, категория лексических единиц, которая связана с оценкой погодных условий, исходным языковым средством репрезентации выступают имена прилагательные: *хуб* – *good* – *хорошая* и *бад* – *bad* – *плохая*, а крайним полюсом оценки выступают имена прилагательные: *хушнамо* – *чудесная*, *бад* – *мерзкая*; *foul weather* – *мерзкая погода*, *nice springtime* – *чудесная погода*:

Well... the Duke's sung a long song to say that he must be going, and the Count has sung a song saying how nice it is in the springtime, and a dead body's fallen out of the ceiling (Pratchett, Terry. *Maskerade*, 45) – *Разное... Герцог вот спел длинную песню про то, что ему пора идти, потом граф спел песню о чудесной весенней погоде. А еще с потолка свалился покойник* (Подстрочный перевод).

The sun shines with wonderful clarity, granting a view of the Great Desert which may interest you (Donaldson, Stephen R. *The One Tree*, 89) – *Сегодня чудесная погода, и на Великую Пустыню открывается*

восхитительный вид. Думаю, вас заинтересует это предложение (Подстрочный перевод).

“Backing wind, foul weather,” Billy Pretty said to himself, steering sideways down a hill (Proulx, Annie The Shipping News, 90) – *Переменчивый ветер, мерзкая погода, — бормотал Билли Притти, боком съезжая с холма* (Подстрочный перевод).

Категория оценочных слов и лексическая категория характеризуются инвариантно-вариантным принципом объединения, в таких случаях наименование категории (например, отрицательная характеристика человека) выступает основным условием категориальной соотнесенности и повторяется как констант в семантической структуре каждого компонента категории или варианта [Болдырев 2014: 195].

Категория оценочных слов в своей структуре имеют ядерные и периферийные языковые средства выражения оценки, связанные с определенной тематической группой, что свидетельствует об определенной тематической закрытости данной категории. Ядро категории оценочных слов образует лексические единицы в своем первичном значении, а периферию – слова в своих вторичных значениях, а также разные грамматические способы (аффиксация, словосложение, синтаксические конструкции). При этом следует заметить, что ядерные языковые средства образуют свои оценочные категории:

Surely the wise men and women who run the firm must know all about how to make profits? (Slywotzky, Adrian. The Art of Profitability, 90) – *Наверное, умные люди, руководящие компанией, в совершенстве знают, как получать прибыль* (Подстрочный перевод).

In old England the greatest lords think it great glory to be slapped by a queen, and made garter-knights of; but, be your boast, Stubb, that ye were kicked by old Ahab, and made a wise man of. (Melville, Herman. Moby Dick Or The Whale, 90)

– В старой Англии величайшие лорды почитают для себя большой честью, если королева ударит их и произведет в рыцари ордена Подвязки; а ты, Стабб, можешь гордиться тем, что тебя ударил старый Ахав и произвел тебя в **умные люди** (Подстрочный перевод).

*They thus received surprisingly large sums, and among all **clever people** it was believed that they were too coyly shrewd to be sincere* (Lewis, Sinclair. Arrowsmith, 34) – Это им приносило неожиданно большой доход, и **умные люди** считали их слишком хитрыми, чтобы верить в их искренность.

There are good people; there are a few others who are just a little farther away from the good, but coming close (Osho, Bhagvan Shree Rajneesh. The Messiah, Volume 2) – Есть **добрые люди**; есть некоторые другие, которые просто чуть дальше от добра, но приближаются (Подстрочный перевод).

Однако периферийные языковые средства такие категории не образуют: *supposedly smart people* – **словно умные люди**; *as if harmful substances* – **как будто опасные вещества**, что свидетельствует об их вторичном статусе.

Далее рассмотрим сложную структуру **оценочных категорий**, которая обусловлено разными факторами в процессе их образования. Основу структуры оценочных категорий образуют главным образом концепты, определяющие не только их структуру, но и содержание. Например: **хуб** – *good*; **бад** – *bad*; **боақл, зирак, хушфаҳм** – *clever*; **нозук, боназокат** – *elaborate*. Особенность оценочных категорий состоит в их семантической неопределенности, которая обусловлена зависимостью от других концептов, подвергающиеся оценке.

Оценочные категории не имеют свою собственную информацию об окружающей действительности, они получают то или иное содержание, соотнесясь с другими концептами, например: *better road* – **хорошая дорога**:

*I wanted more daylight, but I also wanted **a better road**, and I was sick of that goddamned yellow clay, and I had to do something about those clouds, and I had to*

keep in mind where we were headed (Zelazny, Roger. *The Guns of Avalon*, 23) – Я хотел больше дневного света, но я также хотел, чтобы дорога была получше, и меня тошнило от этой проклятой желтой глины, и я должен был что-то сделать с этими облаками, и я должен был помнить, куда мы направляемся (Подстрочный перевод).

Better carts, perhaps, and better roads for the carts to run on, better plows and a better understanding of how to use the land, better ways of building houses so that peasants need no longer live in noisome huts, better ships to ply the seas (Simak, Clifford D. *The Fellowship of the Talisman*, 78) – Лучшие повозки, лучшие дороги, лучшие плуги и лучшее понимание, как использовать землю, лучшие способы постройки домов, чтобы крестьяне не жили больше в скверных хижинах, лучшие корабли (Подстрочный перевод).

I requisitioned my uncle's best car forthwith (Wells, Herbert George. *Tono-Bungay*, 12) – Я тотчас завладел самым лучшим дядюшкиным автомобилем (Подстрочный перевод).

Следовательно, оценочные категории объединяются зависимостью от других концептов и только в определенной дистрибуции они получают определенную значимость, что и является проявлением их модусного характера. Однако данное положение не применяется относительно одушевленных объектов. Если прототипическое представление о человеке – это его внешние и анатомические характеристики, то понятие «хороший» и «плохой» человек – это в первую очередь его внутренние и душевные качества, которое может быть идеализировано / не идеализировано в той или иной лингвокультуре: *Busybody* – кумушка; *go-getter* – энергичный; *mover and a shaker* – важная персона:

If it's that other one, Miss Busybody, and she asks what you're doing with an orange card, you tell her to turn it over (King, Stephen. *Hearts in Atlantis*, 78) – А

если будет дежурить другая, мисс Придира, и спросит, почему у тебя оранжевая карточка, скажи ей, чтобы посмотрела на обороте.

*He was also a **down-to-earth**, dynamic character and a close crony of Mel's* (Hailey, Arthur. Airport, 78) – Человек это был деловой, динамичный, буквально незаменимый при любых авариях и к тому же большой приятель Мела.

*A bad motorscooter and a mean **go-getter*** (King, Stephen. Hearts in Atlantis, 34) – Крутой на мотороллере и ловкач из ловкачей.

*I grin confidently at Mr Brandon, feeling like a **mover and a shaker**.* (Kinsella, Sophie. The Secret Dreamworld of a Shopaholic, 67) – Я довольно улыбаюсь миссис Брендон, чувствуя себя очень важной персоной (Подстрочный перевод).

*A foreman-representative of the dust contractors, purchasers of the Mounds, had worn Mr Wegg down to **skin and bone*** (Dickens, Charles. Our Mutual Friend, 23) – Подрядчик, присланный скупщиками мусора, довел мистера Вегга до того, что от него остались кожа да кости (Перевод Н.А. Волжина 2000).

*It was as if a tree were growing inside my body, laying down roots, spreading its branches, pushing down on my organs, my muscles, **bones, and skin**, forcing its way outward* (Murakami, Haruki. South of the border, West of the Sun, 45) – Все глубже пускает корни, раскидывает вширь ветви, прессируя внутренности, мышцы, кости и пытаясь прорваться сквозь кожу (Подстрочный перевод).

*All the blood and lymph had been drained out of him by an enormous debauch of work, leaving only a frail structure of nerves, **bones, and skin*** (Orwell, George. Nineteen Eighty-Four, 23) – Трудовая оргия выпила из него кровь и лимфу, оставила только хрупкое сооружение из нервов, костей и кожи (Подстрочный перевод).

*They had the same straight flaxen hair, the same small-**boned face and pale skin**, the same direct gaze with a challenge in it; but there the identity stopped* (Tey, Josephine. Brat Farrar, 93) – У них были прямые льняные

волосы, тонкие черты лица и бледная кожа, обе имели обыкновение с вызовом смотреть собеседнику в глаза. Но на этом сходство заканчивалось.

*“Don't you **look a fine sight**,” she said* (De Lint, Charles. *The Riddle of the Wren*, 45) – Ты выглядишь просто великолепно, – сказала она (Подстрочный перевод).

*G8's all fine and well, but the executive should be **looking a damn sight** closer to home* (Rankin, Ian. *The Naming of the Dead*, 45) – «Большая восьмерка» — это прекрасно, но исполнительная власть должна серьезно задуматься о том, что творится дома (Подстрочный перевод).

Однако при описании абстрактных или природных явлений возникает ряд сложностей. Данные сложности связаны с инвариантами и прототипами. Сложно говорить о концептуализации таких категорий как «культура», «погода», «урок», «поведение». Но, тем не менее, выявить инвариантную сущность, например, хорошего или плохого поведения можно или определить центральную характеристику прототипа «хорошей» или «плохой» погоды.

*The heteroelectrical photocell fabricated in this manner has an efficiency of about 70% in sunny weather and no less than 40% in **overcast weather**, and a photovoltage no less than 1.5 V.* – Изготовленный таким образом гетерогенный фотоэлемент имеет КПД (коэффициент полезного действия) около 70 % в солнечную погоду и не менее 40 % в пасмурную погоду и фото ЭДС (электродвижущая сила) не менее 1,5 В.

Thus, the efficiency of the heteroelectrical photocell may reach 80% and more in sunny weather, and no less than 50 % in overcast weather when a silicon semiconductor is used. – Таким образом, эффективность гетероэлектрического фотоэлемента может достигать 80% и более в солнечную погоду и не менее 50% в пасмурную погоду при использовании кремниевого полупроводника (Британский национальный корпус 2008).

Twass a terrible windy day, and we had processions in carts of the Pope and the Devil, and the butchers rang their cleavers. You know this is the Fifth of November, Popery and gunpowder (Swift, Jonathan. *Journal to Stella*, 45) – *Нынче была ужасно **ветренная погода**; тем не менее, как положено в этот день, по улицам провозили повозки с папой и дьяволом, и мясники выстроившись в ряд, шествовали с большими ножами: ведь сегодня, как вам известно, пятое ноября, папизм и порох* (Джонатан Свифт. *Собрание сочинений*: 2000. Т.1. 123).

He took to keeping his cloak thrown back, even when it was windy, so the half-moon blade was never hidden (Jordan, Robert. *The Eye of the World*, 67) – *Он накидывал плащ на плечи и даже в **ветреную погоду** не запахивал полы, чтобы полумесяц лезвия все время был на виду.*

My eyes may run a little bit now and then, and then only on really windy days, but I'll wager they're better than yours, see! (Gulik, Robert van. *The Lacquer Screen*, 34) – *Глаза у меня малость слезятся, особенно в **ветреную погоду**, но готов спорить, что видят они получше твоих, понял?* (Подстрочный перевод).

Однако по данному принципу характеризовать «культуру», на наш взгляд, не представляется возможным.

Оценочные категории являются модусными категориями, в основе которых лежат модусные концепты.

Своеобразие модусных категорий заключается в объединении определенных языковых средств, исходя из общности интерпретирующей функции.

Интерпретация – это неотъемлемое свойство человеческого сознания и познавательных процессов. Онтологическая триада – мир – человек – язык непосредственно связана именно с человеком: как он воспринимает мир, язык и оценивает их. Следовательно, модусные категории, с учетом языковой репрезентации, имеют логико-языковую природу. Здесь необходимо отметить,

что речь идет именно о тех категориях, которые представляют собой продукт концептуализирующей функции человеческого сознания, так как концептуальная основа свойственна многим категориям. Своеобразие проявляется в том, что модусный концепт – формируется вербально.

Модусные концепты связаны с семиотическими процессами, лежащими в основе их образования. Как было отмечено выше, в окружающей нас действительности нет хороших или плохих предметов. Они все формируются человеком посредством языка. Каждый естественный язык дает возможность человеку манипулировать вербальными образами, не только управлять концептами, но и создавать новые концепты, которые обусловлены данной языковой системой и познавательной деятельностью человека.

Следовательно, мы приходим к выводу, что человеческая роль в познании окружающей действительности находит свое отражение в языке также в виде оценочных категорий. Оценочные категории, передавая вторичные знания как результат определенного способа интерпретации человеком первичных знаний о мире, закрепляют механизмы такой интерпретации в языковой системе определенного социума.

Резюмируя, можно сказать, что оценочные прилагательные представляют собой категорию оценочных слов.

Эмоционально-оценочные прилагательные в своей семантической структуре имеют, как и междометия компонент экспрессивности. Обратимся к словарным дефинициям, которые посвящены эмоционально-оценочным прилагательным. Например, в Толковом словаре таджикского языка лексические единицы *бузург*, *азим*, *зӯр* – *великий*; *манфур*, *нафратангез* – *отвратительный* имеют следующие значения:

Азим – *бисъёр бузург, хеле калон:*

Буд ҳар байте яке дурри ятим,

Дар маонӣ ҳар яке шаҳре азим.

Бар сӯи Самарқанд рӯди азимест, ки онро рӯди Мосиф хонанд (ФЗТ. 1: 45).

Оҳи касон хурд набояд шумурд.

Оташи сӯзон чи бузургу чи хурд. (ФЗТ 1: 210).

Производные лексические единицы от слова *бузург* - *великий* также обладают экспрессивностью.

Башорат туро, ки туро дӯш писаре бузургвор омад.

Имрӯз Султон Маҳмуд подшоҳ аст, бузургманиш ва бошавқат.

Чӣ гуна море бад-ин бузургӣ дар тӯбрае бад-ин хурдӣ гунҷад? (ФЗТ. 1: 210).

Как следует из словарного толкования, семантика данных прилагательных включает компонент «эмотивность». Данный компонент свойствен означаемому. При этом следует заметить, что означающее данных языковых единиц отличается от означаемого, который подразумевается эмоцией говорящего.

Или в английском языке прилагательные *great* – *великий* и *awful* – *ужасный* также обладают относительной смежностью означаемого и означающего.

Приведем примеры из художественной литературы.

And then I began thinking about her, my poor darling, and how she came in that awful day, her face quite greyish, and said, "Mother, I've the most sickening pain," and then it was too late when they operated (Priestley. J.B. Time and the Conways, 90) – *И я стала думать про нее, мою бедняжечку, как она пришла в тот ужасный день, бледная-бледная, прямо серая, и говорит — Мама, у меня какие-то очень противные боли, — а когда сделали операцию, было уже поздно.*

Before me was the glittering desolation of the sea, the awful solitude upon which I had already suffered so much, behind me the island, hushed under the dawn,

its Beast People silent and unseen (Wells. Herbert George. *The Island of Doctor Moreau*, 78) – *Передо мной расстилался сверкающий простор океана, где я страдал от ужасного одиночества, позади в лучах рассвета лежал молчаливый остров, населенный зверо-людьми, теперь безмолвными и невидимыми* (Подстрочный перевод).

*I don't seem to be able to pass any exams, but I can make **awful** caricatures of the masters. Ho! Ho!*' (Kipling. Joseph Rudyard. *The Light That Failed*, 45) – *Сдать экзамены я, кажется, не способен, но я умею рисовать отличные карикатуры на учителей, вот что!*. (Перевод А.А. Энквиста 2004).

*An **awful** weariness touched him, and he thought: I will go home: I won't creep by to her tonight: her last words had been 'don't come back'. Couldn't one, for once, take somebody at their word?* (Greene. Henry Graham. *The Heart of the Matter*, 89) – *На миг им овладела страшная усталость, он подумал: вернусь домой, не пойду к ней сегодня; ее последние слова были: «Больше не возвращайся» – неужели нельзя хоть раз поймать человека на слове?* (Перевод П.В. Палиевского 1987).

*Grievous anguish seemed to fill the nave, splashed with the blood that flowed from the limbs of the huge Christ; while, along the walls, the fourteen scenes of the Passion displayed their **awful** story in red and yellow daubs, reeking with horror* (Zola, Emile. *Abbe Mouret's Transgression*, 78) – *Горестная агония царствовала в церкви: с рук и ног Христа на большом распятии сочилась кровь. По стенам четырнадцать изображений страстей господних выставляли напоказ жестокую драму, намалеванную желтым и красным и ужасавшую зрителя* (Перевод В. Пяста 1987).

*They were farmers of the neighbourhood, I suppose - big, burly fellows in **great**-coats and top-boots, mightily flushed with liquor when they arrived, and, before they left, inimitably drunk* (Stevenson. Robert Louis. *St. Ives*, 89) – *То были, вероятно, фермеры, живущие по соседству, — рослые, здоровенные малые в*

плащах и высоких сапогах; когда они приехали, лица у них уже горели от выпитого — вина, а уезжали они пьяные в стельку (Подстрочный перевод).

*Sometimes the clouds break apart in **great**, slow rafts, letting through beams of innocent yellow sunlight that are bitterly nostalgic for the summer that has gone by* (King. Stephen. Salem's Lot, 89) – Иногда большие клочья облаков неторопливо расходятся и пропускают в промоины снопы невинно-желтого солнечного света, полные жгучей тоски по ушедшему лету (Подстрочный перевод).

Следует заметить, что эмоционально-оценочным прилагательным также свойственно интенсификация указания на эмоциональность, исходя из синтагматики в рамках высказывания. Это важно, главным образом, для тех эмотивов-символов, которые лишены в своем толковании «используется для усиления». Синтагматический ряд, который усиливает эмотивность прилагательного, реализуется при помощи повтора или соприсутствия нескольких адъективных эмотивных единиц, а также при наличии в контексте прилагательного усиливающего эмотивность – *хеле, бисёр, аз ҳад – absolutely*.

Анализ фактического материала позволил выявить в таджикском и английском языках лексические единицы со сниженной тональностью, которых мы рассматриваем как эмотивы-символы. Сниженная тональность объясняется тем, что отрицательный заряд у данных лексических единиц сосредоточен в денотате: *shut up* – разг. – *заткнись*, *stuff* – *чепуха, ерунда*.

*“Just **shut up** and kill them,” Entreri muttered under his breath or so he thought* (Salvatore. Robert. Promise of the Witch King, 78) – Заткнись и делай свое дело! - с досадой буркнул Энтрери чуть слышно, как ему показалось (Подстрочный перевод).

*The judge had learned all he wanted, he could tell the Student to **shut up** and sign his confession. But he decided to let him finish* (Gulik. Robert van. The Lacquer Screen, 34) – Судья узнал все, что хотел, он мог приказать студенту

заткнуться и подписать свое признание. Но он решил дать ему закончить (подстрочный перевод).

Достаточно одной бранной лексемы в предложении, чтобы установить эмоциональное состояние адресанта и его отношение к адресату.

Мурзак гуфт: Ку, ку, ку!

Гурба гуфт: Канӣ...ту?

Гурба даҳон боз кард,

Мурзак парвоз кард!

- Уф-ф! Ин шоирҳо як шеърҳои мебофанд, ки буза бозиву хара ханда, - гӯён ҳафтаномаҳо ба ҷояш гузошт. Ба соаташ нигарист. “Аҷиб ... Вақти хӯроки нисфирӯзи кайҳо гузашта”. Беқарор гашт. Чаши пӯшиду ба хаёл рафт. Даркушою тақдирчунбон – қозағҳо сабз дар хаёлаш давр заданд. Гирд гаштанд, гирд гаштанд ва ба дилаш шӯъла афканданд. Ба ҷисму ҷонаш гармӣ давид. Болу пар бароварду ба осмони орзу парвоз кард. Аммо садое болу парашро шикаст (Шералӣ МӯсоРози зиндагӣ, 101). –

Птица сказала: Ку, ку, ку!

Кот сказал: Ты ...где?

Кот открыл рот.

Птичка улетела!

- Уф-ф! Эти поэты такие смешные стихи сочиняют, сказал он, поставив еженедельную газету на свое место. Он посмотрел на свои часы. Замечательно... Давно пора обедать. Он вдруг стал беспокойным. Закрыв глаза и стал мечтать. В его мечтах зеленые бумажки кружились в его доме. Они кружили, кружили и его сердце билось сильнее. Тепло пробежало по его телу и душе. Он расправил крылья и “улетел в небо мечты”. Но голос “опустил его на землю” (Подстрочный перевод).

Таким образом, эмотивы-символы (междометия, эмотивные прилагательные, ненормативная лексика), не имея никакого отношения к

номинации, лишь выражают отношения говорящих к предмету или лицу посредством аффективно-интерпретирующей семантики [Исхакова 2011: 34]. Специфика данных эмотивных дейктиков – дейктическая семантика с позиции неконвенционального понимания категории указания.

Следующими репрезентантами эмотивного дейксиса являются такие эмотивы-индексы, как: 1) коннотативы, которые предусматривают понимание или “осмысление” эмотивности слова при помощи формальных показателей – экспрессивные, формообразующие и словообразовательные; 2) коннотативы, обладающие сильной экспрессивностью семантики. Данные коннотативы лишены как метафорического значения, так и других признаков эмотивности. Однако им свойственна прочная синтаксическая связь и абстрактное значение, исходя из традиционного понимания дейксиса (усилительные наречия, которые выступают чаще всего с прилагательными). Этим эмотивам свойственно (изначально) недейктическое значение; 3) ассоциативно-эмотивная лексика, где местоимение *ман* – *I* является общепризнанным дейктическим словом [Васильев 2006: 170]; 4) синтактико-стилистические способы репрезентации эмоции – инверсия, повторы. Таким образом, эмотивы-индексы – это эмотивные языковые единицы, которым изначально свойственно недейктическое значение в неконвенциональном понимании.

Следует заметить, что в типологии дейксиса очень важен принцип бинарной оппозиции – то есть эксплицитность и имплицитность. Эксплицитность и имплицитность в рамках дейксиса связаны с формальными показателями эмотивности в речи. Наиболее употребительными, как эмотивные индексы, в таджикском и английском языках выступают экспрессивные формообразующие и словообразовательные аффиксы в адъективной лексике. Исследование языкового материала подтверждает данное функционирование морфологических средств таджикского и английского языков. Например, суффикс сравнительной и превосходной

степеней – *mar; marin*; в английском языке – *er; est*. В английском языке также были выявлены уничижительный аффикс – *ish un: unkind* – *злой, жестокий, foolish* – *глупый*.

Данные аффиксы являются неразделенной частью в структуре эмотивного языкового знака. В лингвистике их именуют полуиндексами [Словарь лингвистических терминов 2002: 234]. Например, в лексической единице английского языка *handsomest* – аффикс – *est* усиливает степень качества в адъективной единице *handsome*.

Отрицательные аффиксы в английском языке *un* и *dis* (*unkind, disgraceful*) указывают на эмоциональность говорящего только в эмоционально-окрашенной речи. Это детерминировано двойственным характером аффиксов с отрицательной коннотацией. Выполняя в языке функцию иконического знака, в речевой ситуации они получают дейктическое значение индексального знака, с отрицательной коннотацией. В подобных случаях имеют место ситуативность, эфемерность дейктических значений эмотивов – знаков.

Do not call me unkind; I am but here to answer Mr. Everard's summons (Scott. Walter. Woodstock, 89) – *Не называйте меня жестоким: я явился на вызов мистера Эверарда* (Перевод Е. Петровой 1964).

В английском языке были выявлены такие усилители – интенсификаторы, как: *extremely* – *чрезвычайно, terribly* – *ужасно, very* – *очень*.

В таджикском языке эмотивность речевой ситуации усиливают такие слова, как *Чӣ – что ? Чӣ хел – каким образом ?* Данные усилители имеют устойчивое синтаксическое положение – в начале высказывания. Данная позиция позволяет обратить внимание адресата на сопутствующие с данными усилителями лексические единицы, не указывающие на что-либо, а обозначающие действительность.

- *Чӣ, аз дигарон пая аст?*

- *Паҳ!*

- *Ду соат дер кардад...*

- *Чӣ-ӯ-ӯ? Ин дӯкон дӯкони хусусӣ аст. Фаҳмидӣ?* (Шералӣ Мӯсо. Қиссаи баҳорӣ, 105). – Что? Есть какое-то основание?

- *Вот именно. Опоздал на два часа. Что, что, что? Это частный магазин, понял?* (Подстрочный перевод).

Нами также были выявлены синтактико-стилистические способы репрезентации эмоций, которые в лингвистической литературе рассматриваются как эмотивные знаки в широком понимании. Эмотивность синтактико-стилистических моделей в речевой ситуации репрезентируется посредством повтора языковых единиц, инверсии, обособления. Данные знаки являются типично неконвенционально-дейктическими эмотивами.

Следовательно, синтактико-стилистические средства эмотивности основаны на дистрибуции языковых единиц предложения (в речевом потоке). Суть означаемого в данных конструкциях устанавливается посредством указания на специфическое размещение элементов в речевом потоке.

- *Ҳм-м... Э, ҳа-а... Оҳ, афсӯс, ки наметавонам. Сад афсӯс. Ҳазор афсӯс! Наранҷед-да! Дар номади қор атола дандон шиканад, гуфтаанд* (Шералӣ Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 107). – *Хм... Э, да... Ой, извините, я не могу. Какая жалость. Тысяча сожалений! Не расстраивайтесь! Как говорится, когда не везет, похлебка зуб ломает* (Подстрочный перевод).

«*So, so—he's safe enough—and where are my comrades?*» asked Halliday (Scott. Walter. Old Mortality, 34) – *Значит, этот не в счет; а где остальные ребята? — продолжал Хеллидей* (Перевод А. Герасимова 1964).

She didn't want to go home because then Jack would be so, so, so very close. (De la Cruz. Melissa. The Van Alen Legacy, 78) – *Шайлер не хотела возвращаться домой из-за того, что там будет Джек — так близко, совсем рядом* (Подстрочный перевод).

Как видно, из приведенных предложений, эмотивы-индексы, подобные синтактико-стилистическим средствам репрезентации предполагают фактическую смежность компонентов. Схематически это можно представить следующим образом **S1 + S2** (смежность означающего и означаемого). Указательность в типично неконвенциональном эмотиве-дейктике или дейктиках основывается на синтаксических связях компонентов в речевой ситуации. При этом также следует заметить, что указание, репрезентируемое эмотивом-дейксисом, может также быть обусловлен дейктическим значением конвенционального эгоцентрического спецификатора.

Выводы по главе 1

Полученные результаты в данной главе позволяют утверждать следующее:

1. Основным инструментом для исследования дейксиса в таджикском и английском языках является указательное поле, которое представляет собой совокупность знаков-символов и их взаимосвязь в двусторонней структуре знака. В своем исследовании упорядоченную связь в двусторонней структуре знака мы рассматриваем как кодифицирующую комбинацию, которая способна дешифровать информацию семантико-прагматического характера в семантической структуре дейктических единиц.

2. Общими категориями дейксиса в таджикском и английском языках являются семантический код, включающий структуру и значение; характер семантики дейктиков (наличие дейктического / недейктического значения); типология языковых знаков и их подвижность. Следовательно, указание является универсальной категорией той или иной языковой системы.

Г Л А В А – П

ТИПОЛОГИЯ ДЕЙКСИСА В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

2.1. Семантико-синтаксический аспект функционирования лексических единиц

Стремясь сделать более точными наши представления о языковых объектах, в том числе и об их внутренней стороне, языковеды прибегают к попыткам описать значения языковых элементов через их функционирование – и прежде всего через их сочетаемость с другими элементами того же уровня. Так, можно считать уже опробованную методику исследования лексической семантики через лексическую дистрибуцию; при этом постулируется, что общность синтагматических характеристик слов есть отражение их парадигматической общности, то есть принадлежности к некоторому единому семантическому классу (полю, микросистеме).

Методы исследования значения слова через его синтаксическую сочетаемость получили широкое распространение, так как это плодотворный путь формализации наших интуитивных представлений о семантике [Норман 1986: 119].

Как известно, сочетаемость, как лексическая, так и синтаксическая, целиком лежит в плане выражения, но не в плане содержания. Сочетаемость есть лишь проявление значения, но не само значение. Это положение, казалось бы, самоочевидно. Однако современные лексикологи подчас, увлекаясь, объявляют сочетаемость составной частью, элементом значения, стирая тем самым границу между формой и значением, а в общефилософском аспекте – между материей и сознанием [Апресян 1995: 138].

Несомненно, когда мы говорим о “синтаксически обусловленном”, или “конструктивно организованном” значении, то имеем дело с метаязыковой

условностью, с термином, при всей его удобности затушевывающем для лексиколога “примат значения” [Норман 1986: 120]. Несомненно, если мы признаем, что значение слова, реализованное в речевом контексте, входит в семантическую характеристику слова и вне этого контекста – в парадигматической системе языка, то это значит, что само по себе синтаксическое окружение бессильно придать слову новое, “произвольное” значение; оно лишь сопутствует и способствует выбору одного семантического варианта из нескольких. Воспользуемся аналогией из другой области человеческой психики. По совокупности поступков человека можно судить, скажем, о его характере. Однако характер – это, разумеется, не поступки и даже не их совокупность, но нечто лежащее в ином измерении и присущее человеку до и вне поступков. Точно так же значение внутреннее, по определению, присуще слову (морфеме, предложению), а потому существует у них имплицитно и автономно, реализуясь эксплицитно на синтагматической оси, в комбинаторике.

В историческом развитии слова новое значение пробивает себе дорогу через речевое употребление: под влиянием внеязыковых факторов семантические оттенки лексемы неравномерно реализуются в речи и наиболее употребительные из них склонны со временем вытеснить остальные. Это, разумеется, не проходит бесследно и для сочетаемости слова. Однако, на наш взгляд, ошибочно было бы считать в таком случае, что семантический сдвиг произошел под влиянием изменений в сочетаемости слова [Проблемы лексикологии 1987: 180]. Между значением и обозначаемым существует непосредственная связь как в синхроническом, так и в диахроническом плане.

Если исследование лексической дистрибуции ведется на материале самых различных лексико-грамматических классов, то для исследователя синтаксической сочетаемости наиболее удобным “полигоном” является глагол [Апресян 1995: 123]. Так как именно глагол образует вершину типовой фразы.

Его синтаксические партнеры наиболее многочисленны (подлежащее, обстоятельство, дополнение), а сочетаемость – наиболее разнообразна.

Специфика синтаксического поведения глаголов служит основой для разбиения их на семантические классы. В таком виде эта теория применима к фактам любого языка и часто разрабатывается на фоне смежных проблем – в частности, общесемиотических или структурно-синтаксических [Гуцу-Ромало 1986: 190].

Первый случай подразумевает преимущественно дедуктивный подход к изучаемым объектам: некоторые общие, логически выводимые семантические противопоставления проецируются на синтаксический материал данного языка; любой конкретный глагол приписывается к одному из сравнительно немногочисленных, но весьма объемных семантико-синтаксических классов [Мартынов 1988: 34].

Во втором случае методика работы по своему характеру является главным образом индуктивной. Собирая сведения о синтаксическом окружении глаголов по словарям или извлекая их непосредственно из языковых источников (например, из достаточных по своему объему художественных текстов), исследователь обобщает полученные данные и сводит их к определенным типам сочетаемости. Попутно решаются проблемы обязательных и факультативных элементов синтаксического окружения, лексико-семантических вариантов глагола. Выделенные типы синтаксической сочетаемости подлежат семантической интерпретации: в идеале каждому синтаксико-дистрибутивному типу должно соответствовать некоторое инвариантное лексическое значение. Внутреннее строение полученного лексико-семантического класса исследуется уже на чисто семантическом уровне [Норман 1986: 121].

На русском материале наиболее детальный опыт семантико-синтаксической классификации предпринят Ю.Д. Апресяном, в частности, в его книге [Апресян 1995: 156].

В отечественном языкознании значительный интерес представляют следующие работы: в частности, работа С.А. Файзиевой, где проводится исследование семантических классов глаголов эмоционального ощущения в таджикском и русском языках [Файзиева 2009: 15]. Работа З.К. Халиковой посвящен семантическому анализу глагольных сочетаний эмоционального отношения и состояния в русском и таджикском языках [Халикова 2010: 16]. Эмотивным глаголам также посвящены работы Р.Ш. Болтаевой, М.А. Гарибовой, М.Ф. Сатторовой и т.д.

Как справедливо отмечает Ю.Д. Апресян, применение экспериментальных моделей сильно усложняет лингвистическое описание – хотя бы потому, что требует гарантий семантической эквивалентности некоторого множества фраз; а такой “контроль над значением” трудноосуществим в рамках формально-языковых признаков. Другими словами, отмечает автор, это приводит к порочному кругу, пытаясь установить семантическую эквивалентность некоторых языковых объектов при помощи экспериментального аппарата, надежность которое требует предварительного знания семантики данных объектов [Апресян 1995: 189].

Как известно, в лингвистике существует два пути исследования семантики слов – синхронический и диахронический, которые методологически противопоставлены друг другу. Есть, однако, область исследования лексического значения, расположенная как бы на пересечении этих двух осей; это своего рода модель диахронического процесса, выделяемая на синхронном срезе. Имеется в виду окказионально-речевая сочетаемость слов. Следует заметить, что отклонения от языковых норм, в том числе от норм синтаксических, составляют практическую проблему,

относящуюся к сфере культуры речи. Однако и в подобных случаях мы сталкиваемся со своеобразным и ярким проявлением системности лексических значений и синтаксических форм.

Некоторые из таких синтаксических окказионализмов со временем узакониваются литературной нормой – естественно, главным образом те, которые отражают “изменения в смысловой структуре слова”; другие инновации, не отражающие содержательных различий, а лишь пополняющие собой ряды формальных дублетов, чаще всего так и остаются в разряде речевых неправильностей. Приведем примеры на материале английского языка.

*As an imperfect actor on the stage
Who with his fear is put beside his part
Or some fierce thing replete **with too much rage**
Whose strength's abundance weakens his own heart* (В. Шекспир Соннет 23, 2022).

*Как тот актер, который, оробев
Теряет нить давно знакомой роли
Как тот безумец, что, впадая в гнев
В избытке сил теряет силу воли* (перевод С.Я. Маршака. 2022).

*So I, for fear of trust, forget to say
The perfect ceremony of love's rite
And in mine own love's strength seem to decay
O'ercharg'd with burthen of mine own love's might* (В. Шекспир Соннет 23, 2022).

*Так я молчу, не зная, что сказать
Не оттого, что сердце охладело
Нет, на мои уста кладет печать
Моя любовь, которой нет предела* (перевод С.Я. Маршака. 2022).

*O! let my books be then the eloquence
And dumb presagers of my speaking breast
Who **plead for love**, and look for **recompense**
More than that tongue that more hath more express'd* (В. Шекспир Соннет 23,
2022).

*Так пусть же книга говорит с тобой
Пускай она, безмолвный мой ходатай
Идет к тебе с признаньем и мольбой
И справедливой требует расплаты* (перевод С.Я. Маршака 2022).

Как известно, произведения и сонеты В. Шекспира, написанные на раннем новоанглийском, подтолкнули английский язык к развитию. Благодаря В. Шекспиру английский язык выглядит именно так. В. Шекспиром было введено множество новых слов и конструкций. Именно им были упрощены синтаксические конструкции, например, из приведенных выше Сонет: ***The perfect ceremony of love's rite – идеальная церемония любовного обряда; love's strength seem to decay – сила любви; plead for love – мольба о любви.***

В. Шекспир сократил пропасть между разговорным и письменным английским.

Во всех приведенных примерах наблюдается нарушение синтаксической сочетаемости, которое происходит под влиянием парадигматических ассоциаций. Исследование речевых отклонений в синтаксической сочетаемости, таким образом, может быть полезно для выявления «продуктивности» и цельности лексико-семантического класса.

В качестве самостоятельного объекта семантико-синтаксических исследований могут выступать примеры синтагматического выравнивания по аналогии. Эти конструкции тоже располагаются за пределами кодифицированной языковой нормы, среди специфически-речевых явлений. Если два глагола с разной синтаксической валентностью, объединенные в

предложении сочинительной связью, имеют общий объект, то один из глаголов неизбежно вступает в непривычное для себя сочетания. Данное явление было выявлено на материале таджикского языка. Приведем примеры:

*Зи пайкони тир **оташе барфурӯхт**,*

*Бар ӯ хору хошоку хезум **бисӯхт*** (Фирдавси 2007: 2: 68).

Сложил Рустам костер, сойдя с коня,

Умело пламя высек из кремня.

Яке найситон бистари хоб сохт,

Дари бимро чои эмин шинохт (Фирдавси 2007: 2: 68).

А сам в густой тростник вздремнуть пошел,

Ворота страха верным местом счел.

Ба най-бар яке пилтан хуфта дид,

Бари ӯ яке аспи ошуфта дид. (Фирдавси 2007: 2: 69).

Увидел – воин спит широкоплечий,

Увидел – конь пасется недалеко (Перевод В. Державина 1980).

Как видно из примеров, семантика самих глаголов в подобных случаях никаких изменений не претерпевает, их синтаксическая соотнесенность возникает “на один раз” в данном контексте. Однако сам этот параллелизм, необходимый для стяжения двух подчиненных форм в одну, предполагает в качестве предварительного условия определенную семантическую близость сочиненных глаголов. Таким образом, и описанные конструкции могут быть использованы в практике анализа лексических значений слов.

В заключении отметим: лексическую семантику принято противопоставлять семантике грамматической; система лексических и система грамматических значений существуют автономно и соответственно могут исследоваться независимо друг от друга. Однако в слове эти разнотипные значения перекрещиваются, фокусируются и между ними образуется устойчивая связь. Исходя из этого, мы можем описывать значение слова на

основании того, какие грамматические формы принимает это слово в речевом контексте. Но в каком бы аспекте мы ни изучали лексическую семантику на основе семантической дистрибуции – в плане языка или в плане речи, в синтагматике или в парадигматике – во всех случаях применение этой методики требует системного подхода к данным языка.

2.2. Значимые репрезентанты эмотивно-дейктического поля в таджикском и английском языках

Важно заметить, что понятие “коммуникативно-лингвистическая” норма тесно связано с вопросами исследования художественной речи. Коммуникативно-лингвистическая норма – это четкая системность семантического пространства текста [Молчанова 2007: 176]. Любой сдвиг системности может привести к нарушению текстовой нормы. Тексты, которые пронизаны эмоциями, подвержены такого рода отклонениям как на лексико-семантическом, так и синтаксическом уровнях. Однако это не единственное влияние эмоций на вербальное оформление высказываний. Изменяется так же и “постулат манеры” [Молчанова 2007: 165]. В данном исследовании мы учитываем исключительно лексико-семантические и синтаксические нарушения, а постулат манеры не рассматриваем, так как данное отклонение представляет собой технический прием конкретного писателя.

На основе анализа теоретической литературы, связанной с нарушениями норм в художественном тексте, которые пронизаны чувствами-эмоциями, было установлено следующее: чтобы построить инвариантное эмотивно-дейктическое поле с учетом нарушений как синтагматического, так и парадигматического характера необходимо учесть такие критерии (на материале таджикского и английского языков), как: а) дифференциация

эмотивных дейктических номинаций; б) частота употребления эмотивных дейктиков; в) подвижность эмотивной единицы; г) систематизация вариантных типов эмотивного дейктического поля.

Важно заметить, что в эмотивном тексте самым сложным процессом является трактовка коннотативного смысла. Именно интерпретация позволяет выявить вербализацию эмоционального состояния и указывает на “говорящий субъект”. Здесь уместно процитировать французского лингвиста Ролана Барта: “Термин коннотативный смысл является приблизительным, не точным: как мы будем называть то или иное означаемое зависит от критического угла зрения, так как сама сема представляет собой отправную точку, стезю смысла” [Барт 1986: 10].

Исходя из того, что эмоции являются внутриспсихическим феноменом [Табурова 1999: 178], при эмпирическом анализе встречаются ряд трудностей, которые связаны со спецификой проблемы. В первую очередь это неполные факторы, например: возраст, ситуация общения, культура общения и т.д. Затруднения связаны также с определением критерия эмотивного текста, так как любой художественный текст может быть эмотивным. С учетом специфики гендерных эмотивных индексов в своем исследовании, вслед за Г.Г. Молчановой, мы использовали следующие этапы лингвистического исследования [Молчанова 2007: 45].

Первый этап анализа включает художественные тексты писателей-женщин и писателей-мужчин. Объектом исследования выступают тексты, которые представляют собой речь или высказывания женщин-писателей или женские персонажи, также мужчин-писателей, мужские персонажи. Нами исследованы главным образом отрывки, где эмотивная составляющая является доминирующей при характеристике речевого поведения человека. Акцент при этом делается на следующие критерии:

1) **Присутствие в тексте аффективов** – на материале таджикского языка:

Чунин гуфт, к-эй Рахши нохушер,

Ки гуфт, ки бо шер кун корзор (Фирдавси 2007: 2: 69)

И молвил он коню: «О Рахш мой милый»,

Ты справился со львом своею силой?

Чунин гуфт, к-эй довари додгар,

Хама ранчу сахтӣ ту орӣ ба сар (Фирдавси 2007: 2:70).

Сказал: “О справедливый судия,

От жажды, видно, здесь погибну я (Перевод В. Державина 1980).

На материале английского языка:

Boh!

Madam Mope!” cried the voice of John Reed; then he paused: he found the room apparently empty. ***“Where the dickens is she!”*** he continued (Bronte, Jane Eyre, 67)

– Эй, ты, нюня! - раздался голос Джона Рида; затем он замолчал: комната казалась пустой. Куда к чертям она запропастилась? - продолжал он.

Alas! yes: no jail was ever more secure (Bronte, Jane Eyre, 67) – Увы! Я была узницей, не хуже, чем в тюрьме (Перевод В. Станевича 1990).

Yes, thank Heaven! there is about a freeborn Briton a cringing baseness, and lickspittle awe of rank, which does not exist under any tyranny in Europe, and is only to be found here and in America (Austen, Jane. Sense and Sensibility, 56)– Да, видит бог, ни одна деспотия Европы не знает такого духа угодничества, такого раболепного благоговения перед аристократией, какое присуще свободным сынам Британии. Только здесь да еще в Америке можно встретить что-либо подобное.

‘Well, thank Heaven!’ said he, after a pause of some duration (Austen, Jane. Sense and Sensibility, 70) – Ну и слава богу! - сказал он после некоторой паузы.

Thank Heaven! I cannot be forced into genius and eloquence (Austen, Jane. Sense and Sensibility, 59) – *Благодарение небу, насильственно одарить меня талантами и красноречием не по силам никому!*

Thank Heaven! I'm not worried about Rosalie: everybody knows what has happened; but it makes no difference. She can marry any one she chooses in the neighbourhood (Austen, Jane. Sense and Sensibility, 90) – *Нет, я, слава богу, за Розали не тревожусь. Что с ней приключилось – дело известное. От этого она ни хромой, ни горбатой не станет и выйдет замуж за кого захочет из своих земляков* (Перевод И.Г. Гуровой 1980).

3. **Эмоциональная кинесика, фонация и просодия** (лексическое описание):

*I don't very well know what I did with my hands, but he **called me Rat!*** – *Rat! And bellowed out aloud.*

Я не вполне сознавала, что делают мои руки, но он крикнул: - Крыса! Крыса! - и громко завопил.

Dear! dear! - What a fury to fly at Master John!

– *Did ever anybody see **such a picture of passion!*** (Bronte, Jane Eyre, 45)

“For shame! for shame!” cried the lady's-maid.

What shocking conduct, Miss Eyre, to strike a young gentleman, your benefactress' s son! (Bronte, Jane Eyre, 89). - *Какой срам!*

Какой стыд! - кричала камеристка. Разве можно так недостойно вести себя, мисс Эйр? Бить молодого барина, сына вашей благодетельницы! (Перевод В. Станевича 1990).

“Besides,” said Miss Abbot,

“God will punish her: He might strike her dead in the midst of her tantrums, and th enowhere would she go? (Bronte, Jane Eyre, 123)

– Кроме того, - добавила мисс Эббот, - бог непременно накажет такую дурную девочку. Он может поразить ее смертью во время одной из ее выходов, и что тогда будет с ней? (Перевод В. Станевича 1990).

Why was I always suffering, always browbeaten, always accused, forever condemned? (Bronte, Jane Eyre, 126). - Но почему я должна вечно страдать, почему меня все презирают, не любят, клянут? (Перевод В. Станевича 1990).

4. **Текстовые графические знаки** (восклицательный знак, вопросительный знак, тире многоточие, которые указывают на эмоциональную паузу):

Чӣ гуна кишидӣ ба Мозандарон

Каманду камон, тегу гурзи гарон? (Фирдавсӣ, 2: 69).

Но, если б этот лев тебя задрал,

На ком бы я в Мазандеран скакал?

Аз он рафтани меш андеша хост,

Ба дил гуфт, обишхур ин чо кучост? (Фирдавсӣ, 2: 72)

Рустам подумал: «Как же здесь живет он?»

Здесь есть вода! На водопой идет он (Перевод В. Державина 1980).

На материале английского языка:

Why could I never please?

Why was it useless to try to win any one's favour? – Почему я не умею никому угодить и все мои попытки заслужить чью-либо благосклонность так напрасны?

“Unjust!

unjust!” said my reason, forced by the agonising stimulus into precocious though transitory power: and Resolve, equally wrought up, instigated some strange expedient to achieve escape from insupportable oppression as running away, or, if that could not be effected, never eating or drinking more, and letting myself die. – «Ведь это же несправедливо, несправедливо!» - твердил

мне мой разум с той недетской ясностью, которая рождается пережитыми испытаниями, а проснувшаяся энергия заставляла меня искать какого-нибудь способа избавиться от этого нестерпимого гнета: например, убежать из дома или, если бы это оказалось невозможным, никогда больше не пить и не есть, уморить себя голодом.

What a consternation of soul was mine that dreary afternoon! – Как была ожесточена моя душа в этот тоскливый вечер!

How all my brain was in tumult, and all my heart in insurrection! – Как были взбудоражены мои мысли, как бунтовало сердце!

*I could not answer the ceaseless inward question—
why I thus suffered; now, at the distance of—*

*I will not say how many years, I see it clearly. – Ведь я не могла ответить на вопрос, возникавший вновь и вновь в моей душе: отчего я так страдаю? Теперь, когда прошло столько лет, это перестало быть для меня загадкой.
“What for?”*

Are you hurt?

Have you seen something?” again demanded Bessie (Bronte, Jane Eyre, 10). - Отчего? Разве вы ушиблись? Или вам что-нибудь привиделось? - снова спросила Бесси (Перевод В. Станевича 1990).

Графика, как известно, - это особая система знаков, которая предназначена для хранения и репрезентации вербального сообщения. Соответственно, графическое оформление – специфический код, выполняющий функцию различных сигналов о наличии эмоций [Шаховский 2001: 67]. Как отмечает И.В. Арнольд, основная функция графических средств – передача чувств, сообщаемые писателем читателю [Арнольд 1990: 225]. В лингвистике существует определенная тенденция графического оформления эмотивного высказывания, которая направлена на выражение эмоционального

состояния персонажей с оттенком «скрытного» отношения автора ко всему происходящему [Шаховский 2001: 187].

Анализ графических оформлений таджикских и англоязычных художественных текстов (мужских и женских) позволяет констатировать следующее: эмотивным высказываниям характерны разнообразные пунктуационные оформления (тире, вопросительный и восклицательный знаки, многоточие):

Медонед, Бехнона ... охир, ҳарфе дар ситоиши шумо метавон ёфт. Коре, ки шумо кардед, ёрон на ҳар занест, ҳатто на ҳар мардест ....

Вай шитобзада пурсид:

- *Ҳамон .... нависанда?*

- *Мешиносед?*

- *Ўро ҳама мешиносанд. Аз телевизион бисёр дидаам.*

- *Дирӯз низ сӯҳбат дошт ....*

Дида будам. Романи наваширо муаррифӣ мекардад. Чизе ба хотири Бехзод расид, ки бо хандае намакин гуфт: - Чӣ хуб аст, ки дафтар ба дасти шумо расид, агар не, маро ҳам нависанда мекард ӯ... (Юсуфҷон Аҳмадзода. Ишқи духтари кулаҳпӯш, 137). – Знаете, Бехнона... ведь и в похвалу вам можно сказать слово. Что вы сделали, не каждая женщина, даже не каждый мужчина....

Он поспешно спросил:

- *Тот самый... писатель?*

- *Вы знаете?*

- *Все его знают. Я много видел по телевизору.*

- *Он вчера давал интервью...*

Я видела, он представлял свой новый роман. Что-то случилось с Бехзадом, который с горькой усмешкой сказал: - Хорошо, что тетрадь

попала к вам в руки, а то бы он и меня сделал писателем...(Подстрочный перевод).

- Бо эҳтирос пурсид:

Магар маро .... медонад?

Беҳзод гунаҳкоруна сар такон дод:

- Бале.....

Ва илова намуд:

Танҳо ӯ..... .... (Юсуфҷон Аҳмадзода. Ишки духтари кулаҳпӯш, 138). – -

Спросил он страстно:

Он меня знает?

Беҳзад виновато покачал головой:

- Да...

И добавил:

Только он..... ....(Подстрочный перевод).

Немало случаев, когда эмотивные высказывания сопровождаются одновременным присутствием как вопросительных, так и восклицательных знаков (были выявлены на материале таджикского языка):

Оҳ, чӣ марде шариф аст Беҳзод !?

Ба ин андешаҳо бори дигар мутмаин шуд. Аммо дар аввал наметавонист чизеро дуруст дарк кунад. Вақте ки Беҳзод рӯйкаши рахтхоби тозаро канори кати хоб гузошт, бархесту аз хона баромад ва ӯ ниҳоят дарэфт, ки Беҳзод ба чи андешае дасту по мехӯрдааст, ба чӣ андешае?!

Аз ин эҳсоси ногаҳон дар замираи замзама кард: “Оҳ, Беҳзоди ман, ҷони азизи ман. Бале, дониستم, ки ту чаро сурх мешудай? Канда-канда ҳарф мезадаӣ, ба андешаи ҳарф мерафтаӣ, хиҷолатзада менамудай?! Дониستم. Охир ягона кати хобе, ки доштӣ, ба хидмати ман вогузоштаӣ. Пас, дар ин хонаи танг чӣ гуна хоб хоҳӣ кард?! А? Магар ба даҳлез, ки тангтар аз хона аст?! Фаршаи ба ҷои тахта аз хишти пухта аст, болои он сахт гилолудае

ҳаст?! Инак ҷое ҷуз оғӯши гарми ман дигар туро куҷост?! Куҷост?! Аммо бар ин кор, дар оғӯши ман бошӣ, ғанӯз худдорӣ мекунӣ? Ҳамин тавр на?! А?! Чӣ сипоҳ марде ҳастӣ ту, Беҳзод?! Шарафи ишқу шарофати мардиш худро ҳаргиз хор намекунӣ ту, Беҳзод! Медонӣ, дили ман беш аз ту харидортар аст бар ин оғӯши ноз, оғӯши пок ва беолоиш, оғӯши даштбони орзуҳо..... (Юсуфҷон Аҳмадзода. Ишқи духтари кулаҳпӯш, 138). – О, какой благородный человек Беҳзад!?

Она еще раз убедилась в этих мыслях. Но вначале она ничего не могла понять до конца. Когда Беҳзад вышел из дома, оставив чистую простыню рядом с кроватью, встала и начала застилать постель, она наконец поняла, о чем думал Беҳзад, какие мысли были у него?!

От этого внезапного чувства она вскрикнула в “сердце своем”: «О, мой Беҳзад, моя дорогая душа, я знаю. Да, я знаю, почему ты покраснел? Ты невнятно говорил, бессвязно говорил, ты выглядел смущенным?! Я знала. Ведь единственная кровать, которая у тебя была, была передана мне. Так, как ты собираешься спать в этой узкой комнате?! А? А коридор, который уже дома?! Пол из жженого кирпича вместо досок, и на нем очень грязные доски?! Так где же ты еще, кроме моих теплых объятий?! Где это находится?! Но для того, чтобы быть в моих объятиях, ты все еще сторонисься? Разве это не так?! Хм?! Что ты за человек, Беҳзад?! Беҳзад, ты никогда не теряешь свое мужское достоинство, свою любовь! Знаешь, мое сердце больше твоего стремится к этим нежным объятиям, чистым и невинным объятиям, объятиям “степеней грез”...(Подстрочный перевод).

Главную роль эмоциональной паузы выполняет многоточие.

Аммо худ ҳам мебинӣ, ки ғанӯз ҳастаам, аз он андӯҳҳои гузашта ғанӯз фориғ нашудаам ва ҳоло бисёр корҳои низ дар пеш аст. Бале, корҳои муҳим .... Шабе танҳо бо нимаи дунёиш .... Зане танҳо бо ин қадар орзуҳоиш.... Марде танҳо бо ишқе ҳамчу дарёиш .... (Юсуфҷон Аҳмадзода. Ишқи духтари

кулахпӯш, 139). – *Но ты же видишь, что я еще здесь, я еще не оправился от прежних печалей, и теперь у меня много дел. Да важные дела....Ночь одиночества.... Женщина наедине со своими мечтами .... Мужчина наедине со своей любовью....* (Подстрочный перевод).

Второй этап анализа посвящен внутреязыковым сходствам и расхождениям эмоциональных текстов на материале таджикского языка и выявлению эмотивно-дейктического поля.

Третий этап – установлению языковых сходств и расхождений англоязычных текстов, подразумевающий сущность содержания вариантных типов англоязычного эмотивно-дейктического поля. На данном этапе нами установлены межъязыковые универсалии и специфика таджикских и англоязычных текстов (женских и мужских) относительно эмотивно-дейктического поля.

Более подробно рассмотрим данные этапы.

Как известно, именно лексико-семантический уровень языка, служащий репрезентацией эмоций, является главным уровнем. Подвижность эмотивной лексики, которая связана с ее способностью переходить из нейтральной единицы в коннотативную, свидетельствует о том, что наиболее эмотивными являются аффективы, имеющие эмотивную семантику, которая закреплена в словаре. В частности, междометия **Оҳ** – **Аҳ** в словарях имеют значение: «используется для выражения чувства, например, для того, чтобы показать, что вы заинтересованы, удивлены, довольны или раздражены» (Таджикско-русский словарь 2006: 445; MED: 29). Аффективы таджикского языка **Худоё!** **Бале** в словаре характеризуются следующим образом: «выражение сожаления, удивления, раздражения; согласие; **Браво! Хорошо! Отлично!**» (Таджикско-русский словарь 2006). Междометия английского языка **Heavens!** **Good Heavens!** **Heavens alive!** : «an expression of surprise, anger, annoyance, or emphasis – выражение удивления, гнева, раздражения или акцента»; **Oh**

God! My God! Good God – used to emphasize how surprised, angry, shocked, etc. you are – используются, чтобы подчеркнуть, насколько вы удивлены, разгневаны, шокированы и т.д. (Cambridge Dictionary 2009).

Как видим, двусторонняя семантическая структура аффективов-междометий в системе разноструктурных языков обладает относительной смежностью между означающими и их графической фиксацией на письме.

Аффективам свойственна такая эмотивная сила, что они способны к иррадиации эмоциональности всего микротекста. Согласно точке зрения Д.Н. Шмелева, «междометия – часть аффективов, или чистые знаки эмоции, выражающие эмоцию в нерасчлененном виде» [Шмелев 1986: 78].

В.И. Шаховский рассматривает аффективы как средство эксплицитного средства репрезентации эмоций. Эксплицитный способ репрезентации того или иного значения – это наличие языковых единиц, которые предназначены самой системой языка для выражения данного значения [Шаховский 2001:68]. Данное положение позволяет рассматривать аффективы как эмотивы-символы, обладающие неконвенционально-дейктическим значением.

Здесь уместно говорить о шифтерной специфике аффектива-междометия – способность употреблять как индикативный знак, в тех контекстах, когда за междометием следует остальная часть предложения (высказывания). Именно в таких контекстах междометия вербализуют эмотивную суть высказывания, другими словами, эмоциональность говорящего:

Ох..

Худоё!...

Чӣ марде озода ва озармҷӯӣ аст, Беҳзод?! Чӣ гуна шарафнешае ва жарфандеш?! Акнун ҳарфе бисёр намезад, пурсише бисёре намекард, балки орому мутмаин, дар мақоми наҷибзодагон буд, ки баъди нӯшидани чой пиёларо бо як тааннии ба худаи хос канори дасторхон гузаит. (Юсуфҷон Аҳмадзода. Ишқи духтари кулаҳпӯш, 136). – Ох..

О боже!...

Что за человек опрятный и озорной, Бехзод?! Какой благородный и дальновидный?!. Теперь не говорил много, не задавал много вопросов, а был спокойным и уверенным, в хорошем положении, выпив чай, положил чашку на край стола (Подстрочный перевод).

В ходе анализ художественного дискурса (произведений женщин-писателей, в частности, в произведении Jane Austen «Pride and Prejudice») были выявлены следующие междометия-эмотивы:

Nonsense, how can you talk so!

Боже мой, скажите же вы иной раз!

But it is very likely that he may fall in love with one of them, and therefore you must visit him as soon as he comes. – Но ведь может вполне случиться, что он в одну из них влюбится.

But, my dear, you must indeed go and see Mr. Bingley when he comes into the neighborhood. – Но, мой друг, вам непременно следует навестить мистера Бингли, как только он появится.

Don't keep coughing so, Kitty, for Heaven's sake! – Ради бога, Китти, перестань так кашлять!

-Ah, you do not know what I suffer. – Ах, вы себе даже не представляете, как я страдаю.

“Aye, so it is,” cried her mother, and Mrs. Long does not come back till the day before; so it will be impossible for her to introduce him, for she will not know him herself.

– Ах, вот как, — воскликнула мать.

— Значит, миссис Лонг вернется только накануне бала!

Как же она нам его представит, если даже не успеет с ним до этого встретиться?

Oh! said Lydia stoutly, - Меня этим не удивишь, — храбро заявила Лидия.

For God's sake, say no more of his partners. – Ради бога, не перечисляйте больше его дам. (Jane Austen. *Pride and Prejudice*, 67).

Выбор языковых инструментов (междометий) обусловлен аксиологическим пространством норм, правил британского лингвокультурологического общества XIX – XX вв. Женская речь значительно претерпевает изменения в результате феминистского движения в XX веке. В результате значительно уменьшается употребление междометий в художественном дискурсе XX века. Так, в частности, междометие – *Oh, Lord* уже не встречается в женском дискурсе. В словарях отмечается архаичность многих эмотивов-дейктиков: *old-fashioned (also bless me!); (also well I'm blessed!)* – устаревшая форма, выражает удивление [Cambridge Dictionary 2009].

Высокой частотностью характеризуется междометие *Oh* при сравнении временных отрезков. В женском дискурсе 40-х годов двадцатого века данное междометие составляет 18%; 20% в 50-60-е годы XX века; 16% в XIX веке.

Относительно мужского англоязычного дискурса следует заметить, что наиболее частотным выступает междометие-эмотив *Oh* – 40%:

Then the crowd would disperse, everyone hugging his correspondence - or else saying, 'Oh, well, I wasn't expecting anything this time...' (Clarke. Arthur Charles. *Islands in the Sky*, 89) – *Затем толпа рассеивалась и каждый прижимал к груди свою корреспонденцию – или говорил: «Что ж, на этот раз я ничего и не ждал...»* (Подстрочный перевод).

Oh, that's all right then, "Miriam said, nodding slightly and biting her cheek to keep a straight face" (Stross. Charles. *The Family Trade*, 67) – *О, тогда все в порядке, — сказала Мириам, легонько кивая и прикусив изнутри щеку, чтобы сохранить бесстрастное лицо* (Подстрочный перевод).

Oh yeah, that memory always (King. Stephen. *Wolves of the Calla*, 89) – *Да эти воспоминания остались с ним навсегда* (Подстрочный перевод).

Oh, Starbuck! it is a mild, mild wind, and a mild looking sky. (Melville. Herman. Moby Dick Or The Whale, 67) – О Старбек! какой ласковый, ласковый ветер, и как ласково глядит сверху небо (Подстрочный перевод).

Высокой степенью употребительности характеризуются также «мужские» междометия-эмотивы **Damn, Well, H'm, Um** в англоязычных текстах XX века – 15%. Приведем примеры:

Damn, man, we told you—give that nasty habit a rest (Banks. L.A. The Awakening, 56) – Чтоб тебе пусто было! Сколько раз тебе говорить, чтобы ты бросил эту гадкую привычку!

Um, Cranly answered, holding out what remained of the half chewed fig and jerking it towards the squat student's mouth in sign that he should eat. (Joyce. James. A Portrait of the Artist as a Young Man, 67) – Угу! — ответил Крэнли и протянул наполовину изжеванную фигу к самому рту коренастого студента, как бы предлагая ему доесть.

В итоге сравнительного анализа междометий-эмотивов, имеющих неконвенционально-дейктические значения в мужском и женском дискурсах (на материале англоязычных текстов), было выявлено следующее тождество:

1. Тождество употребления ряда междометий-эмотивов: **Ah, God, Heavens, Oh**

2. Художественные произведения XX века характеризуются наибольшим употреблением «мужских» и «женских» междометий-эмотивов

Вместе с тем были выявлены расхождения в употреблении междометий-эмотивов в мужском и женском дискурсах:

1. Расхождение в употреблении ряда междометий-эмотивов: преобладание **Pah** и **Um** в мужском дискурсе по сравнению с женским дискурсом;

2. Англоязычные тексты XX века отличаются частотностью употребления «мужских» междометий-эмотивов в сравнении с «женскими». Например, в мужском дискурсе – 13%, в женском – 3%.

Все это свидетельствует о том, что семантика междометий отличается смысловой и структурной самостоятельностью. Следовательно, междометия-эмотивы можно включать в центральную часть эмотивного дейктического поля.

Анализ языкового материала позволил выделить следующую группу аффективов – прилагательные-эмотивы, которые также указывают на эмоциональную природу высказываний. Согласно критерию эксплицитности любая языковая единица, обладающая эмотивной семантикой, зафиксированной в словаре, остается эмотивной даже вне контекста. С учетом данного критерия, оценочные прилагательные английского языка *awful*, *dreadful*, *great* мы включили в разряд аффективов. Следующий критерий позволяющий рассматривать языковые единицы как эмотивные аффективы – словарная помета «экспрессивность». Согласно точке зрения В.И. Шаховского, «как эмотивная, так и экспрессивная функция языковых единиц репрезентируются одновременно в эмотивных текстах» [Шаховский 2008: 78]. Данную позицию поддерживает Р.М. Якушина: «эмотивная и оценочная категории, будучи независимыми, постоянно тяготеют друг к другу» [Якушина 2003: 35]. Исходя из вышеизложенного положения, эмоционально-оценочные прилагательные являются эмотивами-символами, так как двойственная природа их семантической структуры основывается на относительной близости (A1/A2).

К неконвенционально-дейктическим прилагательным-эмотивам мы также относим лексические единицы английского языка *terrible*, *dramatic*. Данные прилагательные являются интенсификаторами, указывающими на степень положительного или отрицательного качества понятия. Прилагательные-

эмотивы выступают как символы-индикативы, исходя из синтаксической связи адъективных единиц с другими эмотивными знаками в высказываниях.

При этом следует заметить, что прилагательные-эмотивы отличаются от междометий-эмотивов. В эмотивном высказывании междометия всегда находятся в начале и не требуют различного рода сопутствующих депозитов в тексте.

Женский англоязычный дискурс XIX-XX вв. характеризуется частотностью употребления прилагательного *great* – (informal) used to emphasize an adjective of size or quality [Cambridge Dictionary 2009: 56] – прекрасный, удивительный, замечательный:

*He led the way towards a wall we had not yet approached, and there I saw a very old printing press, such as one comes across in late-mediaeval illustrations-a heavy contraption of black metal and dark wood with a **great** screw on top* (Tartt. Donna. The Secret History, 78) – Он подвел меня к дальней стене, и я увидел старинный печатный пресс, какие можно видеть на средневековых иллюстрациях: тяжеловесное устройство из черного металла и темного дерева, с огромным винтовым зажимом наверху (Подстрочный перевод).

*Ivarr shook his head slowly. "He's got metal plates half a foot thick over every inch of his body and a **great** poisonous barb on the end of his tail, besides his claws and an excellent set of teeth* (Boyer. Elizabeth. Elves And The Otterskin, 78) – Ивар медленно покачал головой: – Все его тело покрыто металлическими пластинами с полфута толщиной, а кроме когтей и зубов у него есть еще ядовитый шип на кончике хвоста (Подстрочный перевод).

Эмотивное прилагательное отрицательной коннотации *awful* – (informal) used to emphasize something, especially that there is a large amount or too much of something – страшный, ужасный, отвратительный, внушающий отвращение – является наиболее употребительным в 30-40 –х гг. XX вв. – 4% :

*Her nostrils were flared as if she were smelling something **awful*** (Smith. Lisa Jane. Dark Reunion, 90) – *Ее ноздри раздувались, словно она почувствовала какой-то омерзительный запах* (Подстрочный перевод).

*Power flooded me, roaring through my veins like wine, flushing my fingers with heat and chasing away the **awful**, sluggish cold* (Saintcrow. Lilith. The Devil's Right Hand, 56) – *Энергия наполняла меня, взрываясь в венах как вино, согревая пальцы и прогоняя ужасный, медленно разрастающийся холод* (Подстрочный перевод).

Отрицательное прилагательное **dreadful** – used to emphasize how bad something is quality [Cambridge Dictionary 2009] – страшный, ужасный, внушающий ужас. Данное слово является более частотным в XX веке – 3%:

*He walked without conscious purpose, unaware of anything but the **dreadful** question to be answered* (Tey. Josephine. Brat Farrar, 78) – *Он шел, никуда сознательно не направляясь, ни о чем не думая, кроме стоявшей перед ним страшной дилеммы* (Подстрочный перевод).

*And then the girls, of course, saw how filthy and cut about they were-and how **dreadful** their father looked, with the blood and the bandages on his face.* (Waters. Sarah. The Night Watch, 89) – *А потом девочки увидели, какие они грязные и изрезанные, как жутко выглядит окровавленный отец с забинтованным лицом* (Подстрочный перевод).

В ходе исследования англоязычного женского дискурса было установлено, что прилагательные-эмотивы также характеризуются высокой частотностью употребления, а компоненты эмотивности и экспрессивности в семантической структуре адъективных единиц лишней раз свидетельствует о размещении прилагательных-эмотивов в центральную часть эмотивно-дейктического поля.

Далее подробно рассмотрим специфику “мужского” англоязычного дискурса. Сравнительный анализ показал, что наиболее употребительным в

мужских текстах является прилагательное положительной коннотации *wonderful* – 2%. Однако следует отметить, что данный адъектив получает статус эмотива-символа лишь в синтагматических конструкциях, включающих лексические единицы – *grand* – *великолепный, роскошный, парадный, пышный* и *simply* – *просто, прямо-таки* [БАРС 2010]. Например: *My dear, it was grand. You were simply wonderful. Gosh, what a performance* (Maugham 97,291) – *Моя дорогая, это было великолепно. Вы были просто великолепы. Боже, что за празднество.* Это обусловлено тем, что во многих синтагматических конструкциях отсутствует указание «используется в качестве усилителя». Однако во многих толковых словарях английского языка включены примеры использования лексической единицы *wonderful* в письменных текстах, сопровождающиеся восклицательным и вопросительным знаками:

“It is wonderful to do something it’s wonderful to see you!” – «*Это чудесно - делать что-то, это чудесно - видеть тебя!*» [Cambridge Dictionary 2010]. Также нами были выявлены синтагматические конструкции употребления слова *wonderful* с наречиями-интенсификаторами: *It is utterly wonderful* (Wells. Herbert George. *The Invisible Man*, 90) – *Это просто великолепно. Это просто великолепно. “It’s quite wonderful enough for my modest wants,” said Mr. Thomas Marvel.* (Wells. Herbert George. *The Invisible Man*, 45) – *Для моего скромного разума это достаточно странно, – сказал Томас Марвел* (Подстрочный перевод).

В данных предложениях наречиями-усилителями являются *utterly* – *просто* и *quite* – *вполне*.

Анализ фактического материала доказывает, что адъективы-эмотивы обладают способностью указывать на эмоциональное состояние говорящего в определенных синтагматических конструкциях.

Например: *'Yes,' murmured Abbe Mouret, 'it is a **great** scandal.* (Zola. Emile. Abbe Mouret's Transgression, 89) – Да, да, – пробормотал аббат Муре, – суищий срам

*I have come to Midland City to have myself acknowledged, before I die, as the **great** artist I believe myself to be.* (Vonnegut. Kurt. Breakfast of Champions, 89) – И я прибыл в Мидлэнд-Сити, чтобы перед смертью получить признание как великий художник, каковым я и являюсь (Подстрочный перевод).

Как видно из приведенных примеров, адъективы-эмотивы, как и междометия обладают выраженной шифтерностью, а также ситуативностью дейктической семантики.

В англоязычном мужском дискурсе нами были выявлены также прилагательные-эмотивы, имеющие сниженную тональность:

*Farspeaker can't really be as bad as all that, or Dravash wouldn't be so attached to him, so ready to make excuses for that **filthy** temper of his* (Mayle. Peter. A Good Year, 34) – Или Громкоголосому не так уж плохо, как он хочет показать, или Дравашу не стоит так уж хлопотать вокруг типа со столь скверным характером.

*Mother must know how close I've come so many times, how **filthy** I am whenever the gods look upon me* (Mayle. Peter. A Good Year, 64) – Мать же наверняка знает, как немного мне оставалось, и насколько нечиста я в их глазах.

*The stooped shape that shuffled hesitantly out into the open looked more like a pile of **filthy** rags than a man* (Mayle. Peter. A Good Year, 23) – Сутулая фигура, которая нерешительно, шаркающими шагами двигалась по открывшемуся проходу, больше напоминала грудку грязных лохмотьев, чем человека.

*He was **filthy** beyond words, scraped and shaking* (Mayle. Peter. A Good Year, 94) – Он был неопишимо грязен, исцарапан и весь трясся.

*His hands, now smelling of ancient pond life, were **filthy** from clearing the drain and beginning to blister from dragging fallen branches into the barn for firewood (Mayle. Peter. A Good Year, 45) – От запачканных при прочистке дренажа рук пахло, как от застоялого, запущенного пруда. На ладонях уже вздувались пузыри: натер, пока собирал и таскал в сарай бесчисленные опавшие сучья — на дрова (Подстрочный перевод).*

*To the left of the mirror was a stark sleeping accommodation which consisted of a **filthy** mattress and a burlap sack stuffed with straw or feathers (King. Stephen. Insomnia, 78) – Слева от зеркала располагалось некое подобие кровати, состоявшее из грязного матраса и мешка, набитого то ли соломой, то ли сбившимся пером (Подстрочный перевод).*

Данные примеры свидетельствуют о корреляции, которая существует между мужским эмоциональным кодом, который демонстрирует твердость, и лингвокультурным кодом. Лингвокультурный код дешифрует двойственную природу эмотивного знака, который построен на близости компонентов, обладающих сниженной окраской.

Сравнительный внутриязыковой анализ материала, с целью выявления вариантных типов, а именно: мужского и женского эмотивно-дейктического поля, позволил выявить ряд сходств в употреблении прилагательных-эмотивов в английской лингвокультуре.

1. Как в мужском, так и в женском дискурсах наиболее употребительными являются следующие оценочные прилагательные: **awful, grand, great, lovely** – ужасный, великолепный, великолепный, прекрасный.

2. Прилагательные-эмотивы чаще всего встречаются в мужских и женских текстах XX века. Причиной этому является влияние культурно-исторических и социальных факторов развития общества на языковые знаки в речевом поведении женщин и мужчин.

Вместе с тем, нами были выявлены и значительные расхождения в англоязычном мужском и женском дискурсах:

1. В мужском дискурсе преобладают адъективные единицы с отрицательной коннотацией.

2. Англоязычный женский дискурс XIX-XX веков отличается высокой частотностью использования прилагательных-эмотивов.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что высокая степень языковой эквивалентности междометий-эмотивов и прилагательных-эмотивов позволяет включать их в пространство англоязычного эмотивно-дейктического указательного поля.

На материале таджикского языка были выявлены следующие аффективно-символы, имеющие неконвенционально-дейктическое значение: *Оҳ, Худоё, Оре, Бале, Ҳай, Ё тавба, Эй, Оре-оре, Кош, Чони модар, Офарин, Ана, Аллоху акбар – О, Боже, Да, конечно, Неужели, если бы, Мой дорогой, прекрасно, Вот, Аллах велик.*

Все перечисленные языковые единицы обладают эмотивной семантикой, зафиксированной в толковом словаре таджикского языка, что позволят им выступать как аффективы. Сравнительный анализ мужского и женского дискурсов показал, что в таджикском женском дискурсе преобладают аффективы – *эй, оҳ, оре-оре, чони модар.*

Приведем примеры:

Эй ҳамзамон, эй ҳамзабон, рӯзи хушат фархунда бод,

Эй вориси озодагон, рӯзи хушат фархунда бод.

Эй Ватан, шодиву иди ту муборак бошад!

(Раънои Мубориз. Ба ҳамзабон. 2010: 5);

Ту, эй устоз, эй модар, ту, эй ҳамроз, эй модар,

Кадомин роз мегӯӣ, кадомин роз, эй модар?

(Раънои Мубориз. Ба ҳамзабон. 2006: 7);

Фуруб меояд. ЭЙ дӯст! Эй намунаи зебои зистан!

Ту гурубро метавонӣ

Муродифи тулӯъ бинмой?

Эй хубу ношинохта, эй фардо!

Меой?

(Фарзона. Ояти ишқ. 1994: 149);

Оҳ, аз ин қаҳқоси ҷангалҳо.

Оҳ, аз ин гумгаштагӣ дар рамз.

Эй сипехри ёсумансурат,

Беватан чун турнаҳо сӯи ту хоҳам рафт.

Эй офтобу обу ҳавои ҳаёти ман,

Аз ту нахостам ба ҷуз аз дастнорасӣ.

Бигзор то сирочи хиёлат фиребадам,

Дигар чӣ дошт зиндагӣ узреву нокасӣ?

(Адибаи Хучандӣ. Мусофир омад. 2016:17- 18);

Зарби дилҳои худ намешунавем

Оҳ, аз мо, зи кӯдакони пир.

Ало, эй ишқ, эй веростори ҷадвали тақвим,

Фақат ту фурсати ҳастии моро мекунӣ тамдид.

Шаҳодатномаи ҳастии ман танҳо ту бош, эй шеър,

Зи баъди марг ҳам бинвис ба номам ҳуччати тавлид.

(Фарзона. Оҳ аз мо. 2006: 119).

Количественный показатель, используемых таджикскими женщинами-поэтессами эмотивных языковых единиц, значительно расширился в XX веке.

В частности, в процентном соотношении междометие **Оҳ** в женском дискурсе составляет 20% по сравнению с XVIII веком – 10% . Приведем примеры из творчества Зебунисо:

*Эй доғ бар дил аз гами бўят насимро,
 Дар сар ҳавои дидани рӯят Калимро.
 Дини ту нури зулмати хар миллате, кӣ ҳаст,
 Шаръи ту раҳнамои умед асту бимро.
 Дар макрамет аст кариму шафеъи халқ,
 Файр аз карим кас нашиносад каримро.
 То но ба фарқи Ариш ниҳодӣ ту,
 Кирдигор Гуфто азим пояи Ариши азимро.
 Эй ба ту қоим вучуди асл ҳар мавҷудро,
 В-эй зи ту равшан чароғи гавҳари мақсудро.
 Чун хамири тинати мо з-оби раҳмат кардай,
 Ҳам ба лутфи хеш гардон оқибатмаҳмудро.
 Хоҳ аз тавфи Ҳарам, хохӣ ба рӯҳбонони дайр,
 Ҳар кучо маъбад кунӣ, он ҷо туй маъбудро.
 Нолаҳои дил саҳаргоҳе, ки гайри дуди оҳ,
 Нест мумкин сайқали оинаи мақсудро.
 Ҳиммате, Махфӣ, зи сели ашк, к-аз сӯзи чигар
 Шӯълае сар мезанад ҳар оҳи дардолудро.*

В классической поэзии наиболее употребительным был аффектив **Ё**:

*Ё рабуда чазби ишкам хуши матлуби маро,
 Ё тагофул гашта садди роҳ махбуби маро.
 Юсуфи гул пироханро дар чаман бар тан дарид,
 Ку насиме, то кушояд чашми Яъкуби маро.
 Шуд чунонам дил кавӣ дар ҷонфишониҳои ишқ,
 Карда қонуни муҳаббат тарзи услуби маро.*

Бас Сикандартолеам бошад фузун бар чойи хеш.

Интересно заметить, что феминистское движение XX века в Европе не оказало влияние на творчество таджикских женщин-писательниц. Вследствие этого женский дискурс практически остался неизменным в плане использования аффективов-эмотивов по сравнению с англоязычным дискурсом, о чем свидетельствует проведенный анализ языкового материала.

Мужская речь в таджикском языке характеризуется огромным количеством междометий-эмотивов. Количественный показатель употребления различных аффективов, имеющих неконвенционально-дейктическую семантику, на протяжении веков сильно изменился. В классической литературе преобладает эмотивный демонстратив (междометие) – *эй* – 10%; в современной – 5 %.

Приведем примеры употребления данного междометия:

Бад – ў гуфт, к “Эй номбардор шоҳ,

Туро буд аз ин ҷанг ҷустан гуноҳ (Фирдавси 2007: 2: 25).

Сказал: «Отец мой, по твоей вине

В несчастной мы разгромлены войне (Перевод В. Державина 1980).

Мужская речь XX и XXI вв. квалифицируется целым рядом эмотивов-знаков как с положительной, так и с отрицательной коннотацией:

Оҳ ...

Худоё!...

Риштаи риққати ўро садои ларзони Бехзод бурид:

- *Шаби дароз борон мебориду меборид.*

Субҳдамон баробари дурахши офтоб бедор шудам. Нахуст гӯш ба чаҳ-чаҳи парандагони хушанҳол додам. Чи қадар дӯст медорам онҳоро, хоса, саҳаргоҳан, айеми баҳорон, ки бархостаму берун омадам. Дасту рӯй бишустам. Чой нӯшидам. Ва рӯй сӯи асбрез овардам...

Вой дод, мурд вай, кушт ўро, ёри расонед, кушт! Мушарраф миёни ҳавлӣ давид, беруни дарвоза – ба кӯча баромад. Ҳамсояхо, роҳгузарҳо омаданд. Нозимиро боазоб, бо кашмакаш аз ҷанги Абдушукур халос карданд. Сару рӯяш, чӣ тавре мегӯянд, қашқаяо далда, аз даҳону биниаш хун фаввора мезад. Вайро аз ҳавлӣ бароварда буданд. Меҳрубон ҳам аз пасаш рафт. “Додо, вой додоҷонакам!” менолид, нолаю фигонаш баланд” (Кароматуллоҳи Мирзо. Дар орзуи падар, 164). – Ой...Боже!...

Дрожащий голос Бехзада прервал ее.....:

- Дождь шел всю ночь.....

Утром я проснулась, как только взошло солнце. Сначала я слушала щебетание “счастливых птиц”. Как же я их люблю, особенно по утрам, в весенние дни, когда просыпаюсь и выхожу на улицу. Я умылась. Выпила чай. И повернулась к хлеву...

О, Боже, он умер, он убил его, помогите, он убил его! Мушарраф выбежал через двор, за ворота - на улицу. Пришли соседи, прохожие. Разняли Назима и Абдушукур. Все лицо было в крови. Его унесли со двора. Меҳрубон последовал за ним. “Папа, дорогой мой папочка!” Плакал он громко (Подстрочный перевод).

- Хуб кардед, лекин метарсам.

- Ҳеч номаъкулӣ карда наметавонад. Журналистон наметарсанд, кашмашон пухта шудагӣ (Кароматуллоҳи Мирзо. Дар орзуи падар, 164). – Правильно сделали. Не посмеет, что-либо сделать. Журналисты ничего не боятся.

Номаъкул кардӣ, ман шавҳари мепартофтагӣ надорам, хоб дидааст вай бева, наздик биёяд, мекушам, ман туя ба вай намедиҳам, - гуфтам. (Кароматуллоҳи Мирзо. Дар орзуи падар, 164). – Ничего подобного, не собираюсь отдавать своего мужа. Если эта вдова придет, убью (Подстрочный перевод).

Ҳаромӣ нагӯӣ, Худоё, бачаҳои ту ҳам аз шарбати кӯдакҳои ман чашанд, сағира, мӯҳточ, дар ба дар шаванд....

- *Гуму гӯр шаве, э, хоҳар нагуфта муре, хезе, нардеви бесуюқ.... – Янгаи Мушарраф ба мард фурсати сухан гуфтан надода, шӯру магал андохт, почак мезад, пайкари гафсу шиками қариб ба нӯки бинӣ расидаашро меларзонд, ба хаёле, ки хоначаи хурдакакро ба сар бардорад, замину осмонро чапа кунад .....*

Чӣ шудааст? – мегӯяд падар. – Ба сари вай мо доғ намондем-ку. Ё хабар мекашад? Ё хабар мекашед? Вай ҳамин хел аст, маҳмаддоно, гирёнчак, қаҳринӣ. Тавба, мо ба вай бадӣ накардем, кор ёд гирад, фоидаи худаи, хор намешавад. Падараш боз мегӯяд: “сағира ба ҷое мерасаду сағирапарвар не .... (Кароматуллоҳи Мирзо. Дар орзуи падар, 164). – Не говори плохого, Боже, не дай Бог, твои дети тоже будут “волочиться” как мои дети...

- *Пропади пропадом, Не смей называть меня сестрой... Сноха – Мушараф не давала мужчине молвить ни слова, крича и ругаясь.*

Что случилось - спрашивает отец. – Мы, ведь ничего плохого ему не сделали. Он такой по натуре – любознательный, плакса, обидчивый, Отец снова говорит: «Собака чего-то добьется, но не собаковод» (Подстрочный перевод).

Целый ряд эмотивов отрицательной коннотации в мужской речи таджикского языка культурно обусловлен. Это объясняется раскрепощенностью эмоционального поведения мужчин (открытое выражение эмоционального состояния) в таджикском лингвокультурном сообществе.

В ходе анализа эмотивно-дейктических единиц на материале таджикских текстов были выявлены следующее внутриязыковое сходство:

1. Большая часть междометий-эмотивов, имеющих неконвенционально-дейктическую семантику в мужском и женском дискурсах совпадает.

2. Небольшое расхождение наблюдается в количественных показателях использования междометий-эмотивов в женской и мужской речи в диахроническом аспекте (X – XXI вв.).

Сравнительный анализ языкового материала наравне с внутриязыковыми универсалиями позволил выделить и уникалии:

1. Расхождение в использовании определенных междометий-эмотивов, в частности: *Эй, Ё* в мужской речи;

2. Эмотивный дискурс, который генерирован *femina sentiens*, характеризуется наибольшим количеством эмотивов-символов, имеющих изначально неконвенционально-дейктическое значение, по сравнению с эмотивным мужским дискурсом.

Как было отмечено выше, в англоязычных эмоциональных текстах наряду с междометиями-эмотивы широко употребляются прилагательные-эмотивы. Однако в таджикском языке преобладают существительные-эмотивы по сравнению с прилагательными.

В таджикской мужской письменной речи (XX-XXI вв.) широко представлены существительные-дейктики с яркой эмоциональной окраской. Например:

- *Натарсидӣ, бачам?* – мепурсид аз вай, - *натарс, бачам, мард бош. Богайрат шав, писари надар...* ана, мана бин, аз ҳеҷ бало наметарсам. *Шабу рӯз бароям як хел. Мегардам, шароб мехӯрам, ҷӯраҳо ҳастанд.*- Не испугался, сынок? – спрашивал он, - не бойся, сынок, будь мужчиной, будь храбрым, ты – сын своего отца. *Посмтори на меня, ничего не боюсь. Пью, есть друзья.*

- *Ту, бачам, зиқ нашав, аз хона нарав, додот ба чуз яккаю ягона писар дигар касе надорад, ту ҳастию дилам пур, сарам баланд.*- Ты, сынок, не переживай. Ты, единственный у своего отца, ты – моя гордость.

Меҳрубон, кучои ҷони бибӣ, хона даро, дастҳоятро шӯй, хӯрок мекашанд, биё, бачам, - *гуфта аз паси ӯ аз хона ба пешайвон меомад, ба ҷону*

холаш намонда ба паҳлӯяш, рӯи кӯрпача мешинонд (Кароматуллоҳи Мирзо. Дар орзуи падар, 183). – *Мехрубон, дорогой, ты где? Помой руки, пора ужинать. Сказав это, вышла вслед за ним на веранду и предложила сесть.*

*Ана ҳамин тавр, **ҷони хола**, бачаат рафт, падараи қатӣ рафт. Шунидӣ ба ту чӣ гуфтам? – пурсид аз Мушарраф холааш (Кароматуллоҳи Мирзо. Дар орзуи падар, 176). – Вот так, моя дорогая, твой ребенок пошел, вместе со своим отцом. Ты поняла? Что я сказала? – спросила у Мушараф ее тетя.*

*Ту **шӯчаллоб**, бачаҳои ин шӯятро ҳам гирифта мебиёрӣ, бори мо мешаванд, дарди сар. **Агар намурдам**, мебинам, ба Худо, ки мебинам, ту бо сағ соз намегирӣ, **бахили сиёҳдарунӣ** – ӯ вайро таъна зад. Агар ӯ боз сабуки кунату аз гапи ин мард барояд, рӯзаи бадтар мешава. Кӯдакони ӯро кучо барад? Бо онҳо чӣ мекунад? **Сагирабонӣ осон не**, дарди сар. (Кароматуллоҳи Мирзо. Дар орзуи падар, 172). – Ты, проститутка, придешь со своими детьми, будешь головной болью для нас. Дай Бог, еще увижу, что ты никогда не поладишь с ним – упрекала она. Если она уступит ему, ей придется еще сложнее. Куда денет его детей? Воспитывать сирот не легко.*

- *Ман **аҳмақ ҳастам**, занак, **аҳмақ**, ба ту бовар мекунам, филиқ-филиқ гиряи туро дида раҳмам меояд, дилам месӯзад. ... Ҳамин рӯзҳо ту кучо рафта меоӣ?*

*Бачаамро хабар мегирам, мардак, бачаамро, рӯзаи сиёҳ аст, **Худо маро кушад**, ки дигар азоби вайро набинам, **кӯр шавам**.... (Кароматуллоҳи Мирзо. Дар орзуи падар, 171). – Я дурак, что верил тебе, видя твои слезы, всегда жалел тебя... . Куда ты все время уходишь? Навещаю своего ребенка, ему не легко. Не хочу больше видеть его страдания.*

- *Ферма нарафта будӣ? – рӯзи дигар **Шоҳназар хона омада** Мехрубонро дидааст.*

- *Имтиҳон доштем.*

Дар имтиҳонат!... Ман ба имтиҳони ту чӣ кор дорам, сагира? Ту рост мегӯӣ, ки нарафтӣ? Ман ба умеди ту будам, маро барои ин аз кор пеш мекунам, сагира! Ман акнун туро мекушам, нобуд мекунам! Шохназар бо говрони дасташ Меҳрубонро задааст, ҷигарбанди модарро қариб куштааст (Кароматуллоҳи Мирзо. Дар орзуи падар, 170). – Ты не ходила на ферму? - спросил Шахназар Мехрубон. – У нас был экзамен. На экзамене!... Какое мое дело до твоего экзамена. Ты правду говоришь, что не ходила? Я убью тебя, уничтожу! Он ударил Мехрубон, чуть не убил ее.

Ту кирми дандон, дузди хонадон! Бар падарат лаънат, бар падари падарат.... Дар гӯри отаат.... Даҳони Шохназари девона гарм шуд. Аз роҳаш гардонда натавонистам... (Кароматуллоҳи Мирзо. Дар орзуи падар, 169). – “Ты – зубной червь, вор”. Будь проклят – кричал Шахназар. Так и не смог свернуть его с плохого пути.

Бибиҷон, худо ҳайратона тияд, садқатон бишавам, бибиҷони меҳрубон. (Кароматуллоҳи Мирзо. Дар орзуи падар, 186). – Бабушка, дорогая. Дай Бог вам здоровья (Подстрочный перевод).

В приведенных эмотивных текстах таджикского языка аффективными-дейктиками с положительной коннотацией являются:

бачам – мое дитя;

ҷони бибӣ – досл. “душа бабушки” – мой дорогой ;

сагира – сирота;

ҷони хола – досл. “душа тети” – мой дорогой.

С отрицательной коннотацией – *Ту кирми дандон, дузди хонадон – досл. ты – зубной червь (ничтожество), вор;*

Бар падарат лаънат – проклятый, будь проклят;

Бар падари падарат – проклятый;

Дар гӯри отаат – досл. в могиле твоего отца

Специфика данных эмотивных конструкций заключается в том, что они не имеют точного эквивалента в других языках, в частности, в английском языке. Следовательно, можно говорить о специфике отражения особенностей национального менталитета в эмотивах-дейктиках. Следующая специфика данных эмотивов заключается в том, что они употребляются в определенных синтаксических конструкциях с сопутствующими эмотивами-лексемами: *Бар падари падарат* – проклятый; *Дар гӯри отаат* – досл. *в могиле твоего отца*; *ҷони бибӣ* – досл. *“душа бабушки”* – *мой дорогой*; *ҷони хола* – досл. *“душа тети”* – *мой дорогой*.

Количественный анализ существительных-эмотивов показал, что частотность использования указанных эмотивов-дейктиков в мужском дискурсе современного таджикского языка значительно выше, чем в мужском английском тексте; главным образом, в XX-XXI веках.

Прилагательные-эмотивы в мужском тексте таджикского языка представлены небольшим количеством:

Баъд ... Баъд ин хунгирифтаи бадбахт, ҷангараи шӯранушт гоҳе аз ин мардаки вай ӯро нурсад, ба хотираш биёрад, нағз, чашмаш ибӯ мекунад, меҳаросад. – После ..... Этот несчастный, скандальный, иногда, если спрашивает о ее муже, ей становится стыдно ...

Гӯе кабки ба ҷел афтидае буд, Абдушукур сайёде, бераҳм, беинсоф, ҷоҳил!... – Слово птица, попавшая в клетку. Абдушукур – жестокий, бессовестный.

◊ *...Рӯзатро сиёҳ кард ин бачаҳақат, духтарам!* (Кароматуллоҳи Мирзо. Дар орзуи падар, 188). – *Этот твой ребенок, твоя большая проблема, доченька* (Подстрочный перевод).

Как видно из приведенных примеров, прилагательные-эмотивы со сниженной тональностью преобладают в эмотивном мужском тексте таджикского языка.

Далее рассмотрим аффективы-эмотивы в женском дискурсе таджикского языка.

*Будӣ ишқи ту рӯзи рӯзгорам, Твое существование – мой день,
Будӣ ёди ту ёру гамгусорам, Твое существование – память о тебе –
друг печали,*

Ту будӣ шӯҳрату номи баландам, Ты был моей славой, именем высоким,

Ту бо ман нестӣ, чизе надорам! Тебя нет, и я лишена всего!

Ту аз ман будиву ман аз ту будам, Мы созданы друг для друга,

Ту ёри дигарӣ, ман моли дигар. Ты принадлежишь другой, а я – другому.

Дар ишқу ошиқӣ шоҳу гадо нест, В любви нет богатых и бедных,

Чаро ишқи ману ту нобаробар?! Почему наша любовь неравна?!

(Гулрухсор Сафиева. Нобаробар). (Подстрочный перевод).

В приведенном эмотивном отрывке усилителем аффективов выступает местоимение *ту – ты*: *ту ёру гамгусорам – ты, мой скорбящий друг*;

ту номи баландам – ты – мое высокое имя.

Проведем параллель с многоликой и многосложной классической поэзией.

Дил чу ба гам хӯ гирифт, тарки вафо з-ӯ талаб,

Гам чу башодӣ нишаст, чавру чафо з-ӯ талаб.

Дил чу дуохоҳ шуд, бар дари Яздон чӣ бок,

Дастӣ таманно ҳазор завқи дуо з-ӯ талаб. (Зебунисо. Саду як ғазал, 34).

З-андоза бурун дар дил андӯху гаме дорам,

Дар сина ба ҳар узве пинҳон аламе дорам.

Бас хуни чигар ояд аз гиря ба чашмонам,

Аз ҳар мижае хоре, чӯе зи наме дорам.

То чанд тавонад дӯхт чарроҳ ниҳон захмам,

Бар ҳар сари мӯ аз гам захму аламе дорам.

Дар қайди каманди ишқ афтодаму озодам,

*Дар сояи сарвеам, гар пушти хаме дорам.
 Имрӯз агар кардӣ бар мо ситаме бигзаит,
 Андешаи фардо кун ман ҳам ҳакаме дорам.
 Ҷон додаму мурғи дил дар пои ту афкандам,
 Бар суфраи ихлос аст гар бешу каме дорам.
 Аз дуди **кабоби дил** аз аввали шаб то субҳ,
 Афрошта бар гардун. Махфӣ, аламе дорам.
 (Зебунисо. Саду як ғазал. 84).*

В приведенных текстах эмотивами-символами выступают следующие языковые единицы: **чу – словно: дил чу ба гам; гам чу башодӣ**; конструкции – **андӯху гаме – горе; аз гам захму аламе – от боли и страдания**.

Интересно заметить, что в современной таджикской и классической поэзии наблюдается совпадение в употреблении ряда номинаций, например: **гаму андуҳ – печаль; захму алам – боль** и т.д.

Итак, в ходе анализа эмоционально-оценочных существительных и прилагательных в таджикском мужском и женском дискурсах была выявлена следующая универсалия: соответствие ряда номинаций: **гаму андуҳ – печаль; захму алам – боль**.

Наравне с универсалиями в представленном выше сравнительно-лингвокультурологическом анализе выявлены расхождения в употреблении аффективов-эмотивов в мужской и женской речи таджикского языка:

1. Мужской дискурс XX - XXI веков характеризуется высокой частотностью эмотивов-демонстративов с отрицательной коннотацией: **Бар падари падарат – проклятый; Дар гӯри отаат – досл. в могиле твоего отца**.

2. В женской речи наряду с существительными-эмотивами часто употребляющие интенсификаторы эмоций: **ту- ты; чу – словно**.

В итоге проведенного сравнительного исследования была установлена высокая степень межъязыкового расхождения в расположении эмотивных

знаков, имеющих изначально неконвенционально-дейктическое значение, в пространстве таджикского и английского типов эмотивно-дейктического поля *homo sentiens* и *femina sentiens*.

Сходство проявляется в структурировании каждого эмотивного компонента дейктического поля, а именно: центрированность аффективов-эмотивов неконвенциональной природы. Это обусловлено главным образом присутствием в семантической структуре аффективов-эмотивов дейктического значения, а также высокая частотность использования междометий в таджикском и английском языках.

Дейктические языковые единицы в структуре фразеологических сочетаний таджикского и английского языков

Фразеологизмы таджикского и английского языков, указывающие на локализацию объекта, имеют трехкомпонентную пространственную модель: в английском языке данная модель имеет горизонтальное измерение: *near* – *близко* – *not far* – *недалеко* – *far off* – *далеко*; в таджикском языке – вертикальное измерение: *баланд* – *высоко* – *паст* – *низко*. Интересно заметить, что во многих языках именно горизонтальное измерение является определяющим, исходя из того, что оно соотносится с поверхностью земли, как традиционная сфера «естественное, освоенное пространство говорящим» [Яковлева 1994: 30].

В английском и таджикском языках были выявлены следующие фразеологические единицы, указывающие на близкое или далекое расположение объекта.

В английском языке: *before one's eyes* – *перед глазами, рядом*; *at hand* – *под рукой*; *within earshot* – *рукой подать*; *within hail* – *в пределах слышимости*:

*One cannot dwell long upon the same thoughts; they gradually shift like the bits of glass in a kaleidoscope . . . one peeps in, and already the shapes **before one's eyes** are utterly different* (Saintcrow. Lilith. Saint City Sinners, 58) – Нельзя долго носиться с одними и теми же мыслями: они передвигаются постепенно, как стеклышки калейдоскопа... смотришь: уж образы совсем не те перед глазами.

*The Sundays were racing past, and the time was **at hand** when all the church bells in London could not ring Maisie back to him* (Kipling. Joseph Rudyard. The Light That Failed, 48) – Воскресенья проносились быстро, и подходило то время, когда никакие силы не могли удержать Мэзи в Лондоне (Подстрочный перевод).

*It appears that when Pinkerton was about to place Thirteen Star upon the market, the rainy season was **at hand*** (Stevenson. Robert Louis. The wrecker, 92) – Дело в том, что, когда Пинкертон собирался пустить «Тринадцать звездочек» в продажу, наступил дождливый сезон (Подстрочный перевод).

*Matthews had been optimistic enough to hope, now that the crossing of space was so close **at hand**, that they would not be so eager to have their ideas tested by reality* (Clarke. Arthur Charles. Prelude to Space, 134) – Мэтьюз, со свойственным ему оптимизмом, надеялся, что теперь, когда до первого полета было, что называется, рукой подать, такие люди поостынут и не так страстно будут желать проверить свои идеи на практике (Подстрочный перевод).

*He sat **within earshot**, milking the cows by the light of a lantern, which I seized unceremoniously, and, calling out that I would send it back on the morrow, rushed to the nearest postern.*(Bronte, Emily. Wuthering Heights, 67) – Старик сидел неподалеку и доил коров при свете фонаря, который я не постеснялся схватить; и, крикнув, что завтра пришлю им фонарь, я устремился к ближайшей калитке (Подстрочный перевод).

*Siobhan snapped shut her phone and moved to **within earshot** of them as they were met by some of their comrades (Bronte, Emily. Wuthering Heights, 89) – Шивон захлопнула телефон и поспешила направилась в их сторону, чтобы слышать, о чем они будут говорить с вышедшими навстречу товарищами (Подстрочный перевод).*

*Clearly, one of her Warriors must be **within earshot** of the conversation (Zahn. Timothy . The Green And The Gray, 89) – Очевидно, один из воинов находился совсем рядом с говорящими (Подстрочный перевод).*

*A waiter who came **within hail** in an unguarded moment was captured and paroled on an errand to the Doctor Wiley experimental station (O.Henry. The Pride of the Cities, 45) – Слуга, неосторожно подошедший на расстояние оклика, был захвачен в плен и отпущен на честное слово с поручением сходить на экспериментальную станцию доктора Уайли (Подстрочный перевод).*

В таджикском языке:

***Анча гап будан** – 1. Хело вақт будан – **очень много времени**, 2. Хеле дур будан – **очень далеко**:*

Зеро ки онҳо аз истироҳате ки тирамоҳи соли гузашта сар карда буданд, ҳанӯз сар набардоштаанд ва аз кайфият “то баҳор анча гап ҳаст!” халос нахурдаанд (Фарҳанги ибораҳои рехта 1963: 1: 28).

***Аккаи лаби бом** – **сорока на краю крыши**; хабар паҳнқунанда, хабаркаш – **сплетник, доносчик**:*

- Ҳанӯз аз синфи панҷум сар карда ба Фотима ҳар кас ҳар хел номҳо монда буд: “духтари шаттоҳ”, “аккаи лаби бом”, “бадхулқ” ва ғайра (Фарҳанги ибораҳои рехта 1963, 1:15).

***Афташ дар гур** – мурад, гумном шавад, аз дидани ӯ безорам, дидораширо набинам – **чтобы он (она) сдохла, не хочу видеть**.*

*- **Афташ дар гур, рафтем, Юсуф** (Фаҳанги ибораҳои рехта 1963: 1: 42).*

Как видно, из приведенных фразеологических сочетаний таджикского языка, включающих дейктические единицы – дар гур – в могиле; лаби бом – на краю крыши; *Анча гап будан – много слов – далеко*, только последнее имеет значение “расстояние”.

Перцептивное восприятие объекта посредством зрения, прикосновения или слуха обуславливает присутствие в структуре фразеологических единиц таджикского английского языков, имеющих значение “близко” слов-соматизмов.

В таджикском языке: *дар зери даст – под рукой; вақт аз даст рафт – время упущено; як по дар гӯр – стоять одной ногой в могиле ; рӯ ба рӯ – лицом к лицу; аз сар то по – с головы до ног, сплошь, целиком ; як сари қадам – мимоходом, по пути, не надолго* и др.

Дар зери дасти касе кор кардан – работать под чьей-либо рукой (под руководством) – шогирди касе шудан, бо роҳбари касе кор кардан:

Мақсади асосии ман ҳамин ки дар зери дасти одами донишманди корихуд ва педагоги ботаҷриба кор кунам, омӯзам, вассалом. (Фарҳанги ибораҳои рехта 1963 1: 474).

Зери пой андохтан – под ногами, не признавать что-либо:

Мардуми мо сухани китобро зери пой андохта, аз рӯй гумон калони худро бадном карданд.

Шумо ҳам шариат ва ҳам одамиятро зери по андохтед! (Фарҳанги ибораҳои рехта 1963: 1: 478).

Номи касеро зери по кардан – касеро паст задан, шарманда кардан, беобрӯ кардан – топтать доброе имя, унижить :

Номи муқаддаси ӯро зери по мекунанд (Фарҳанги ибораҳои рехта, 1: 714).

Пирию хартози – дар пирӣ орзую ҳаваси ҷавонӣ кардан, кори ба синну соли худ номувофиқро кардан – Седина в броду, а бес в ребро:

Лухтакҳои ман канӣ? – гуфта аз кампир пурсид. – Дар ҷояш-мӣ? Кампир табассум кард ва: “пирию хартозӣ!” – гуфт, лухтакро чӣ мекуни? Даркор, ба меҳмонам нишон медиҳам! – гуфт ба таври ҷиддӣ Соро. Гулҷамол инро шунида давида аз ҷояш хест ва Сороро дар огуш кард. (Фарҳанги ибораҳои рехта 1963: 1: 836).

Пушти касе ба замин нарасидан – досл. чья-либо спина не коснулась земли; дар гуштин мағлуб нашудан – выиграть единоборство.

Пушти падаратон ба замин расидагӣ не! (Фарҳанги ибораҳои рехта 1963: 1: 866).

В английском языке: *face to face* - лицом к лицу – близко; *hand in hand (arm in arm)* – рука об руку; *shoulder to shoulder* – вплотную, плечом к плечу:

The last category of difficult interview is also the hardest to handle. I can think of few more stressful situations than being face to face with someone who knows your work will likely get him fired—and you know it too. (Британский корпус английского языка 2010) – *Очень непросто проводить интервью один на один с тем человеком, который знает, что ваша работа приведет к его увольнению, особенно когда и вы об этом знаете.*

Castor brought himself face to face with the child. (Heinlein. Robert. The Rolling Stones, 12) – *Кастор подплыл к девочке.*

She looked comically earnest, her blue eyes wide with concern, a young American woman face to face for the first time with European turpitude. (Mayle. Peter. A Good Year, 23) – *Вид у нее был до смешного озабоченный, голубые глаза округлились от тревоги, ведь молодая американка впервые нос к носу столкнулась с порочностью европейцев (Подстрочный перевод).*

I go, but not without hope I go: for, though I see Her not, though no more She answers to my prayers, still I am aware of the Holy Isis, who is with me for evermore, and whom I shall yet again behold face to face (Haggard. Henry Rider. Cleopatra, 56) – *Я ухожу из этого мира, но ухожу с надеждой: увы, я больше*

не вижу великую Исиду, она не отзывается на мои молитвы, но я знаю, что она со мной, она никогда меня не оставит, мы с нею встретимся, я снова увижу ее лик (Подстрочный перевод).

*Into this romantic region the father and daughter proceeded, **arm in arm**, by a noble avenue overarched by embowering elms, beneath which groups of the fallow-deer were seen to stray in distant perspective* (Scott. Walter. *Bride of Lammermoor*, 78) – К этим романтическим местам по широкой аллее, осененной раскидистыми вязами, сплетавшими ветви над их головами, теперь рука об руку направились отец и дочь. Сквозь деревья тут и там виднелись группы пасущихся ланей (Подстрочный перевод).

*Grand indeed were these fogs, things to rejoice at mightily, since then it was no longer a thing for public scorn when two young people hurried along **arm in arm*** (Wells. Herbert George. *Love and Mr. Lewisham*, 89) - Поистине нельзя было не радоваться чудесным этим туманам, ибо за ними исчезали презрительные взгляды, бросаемые прохожими на шедшую под руку молодую пару (Подстрочный перевод).

*He said nothing, but shook his finger at her. And at last they went home, walking along, **arm in arm**, like young people after a day's outing* (Zola. Emile Abbe Mouret's *Transgression*, 78) – Он ничего ей не сказал, а только погрозил пальцем. И, наконец, они вернулись домой в отличном настроении после всех удовольствий этого дня, под руку, как юные супруги, возвращающиеся с веселой прогулки.

*Yet ten years from now — maybe even five! — they would be telling each other about how they'd bagged their limit one day in autumn, standing **shoulder to shoulder** with the gunslingers.* (King. Stephen. *The Dark Tower 6: The Song of Susannah*, 34) – Однако, через десять лет, а то и через пять, они будут говорить друг другу, как однажды осенью выпрыгнули выше головы, встав плечом к плечу со стрелками (Подстрочный перевод).

*We stand jammed in together, **shoulder to shoulder**, there is no room to sit* (Remarque. Erich Maria . All Quiet on the Western Front, 78) – *Мы стоим вплотную друг к другу, локоть к локтю, сесть никто не может* (Подстрочный перевод).

Согласно точке зрения многих исследователей, соматические лексемы характеризуются высокой степенью идиоматичности. Идиоматичность соматизмов обусловлено в первую очередь образностью переосмысления основных функций частей тела, а также принадлежностью соматических лексем к самому древнему слою лексики [Зайцева 2009, Юнаш 2005, Оксенчук 1998]. Фразеологизмы с соматическим компонентом, как отмечает Р.М. Вайнтрауб, составляют 30% фразеологического фонда много языков [Вайнтрауб 1980:34]. В ходе анализа фактического материала нами было выявлено 70 таджикских и 40 английских фразеологических единиц, имеющих дейктическое значение с компонентами-соматизмами.

Таджикские и английские лексемы-соматизмы

Таблица 1

Соматизмы	Таджикские лексемы-соматизмы	Английские лексемы-соматизмы
Высокая продуктивность (от 15 и выше)	Даст – рука; сар – голова	-
Средняя продуктивность (от 5 до 10)	По (й) – нога	foot / feet ‘нога / ноги’

Низкая продуктивность (от 1 до 5)	Китф – плечо; плечо –спина	-
---	----------------------------------	---

Анализ таджикских и английских фразеологических единиц с соматическими компонентами позволил выделить следующие виды ориентации объектов сравнительно друг друга:

1. Однолинейная ориентация, когда соприкасаются боковые плоскости объекта (левая или правая). В таджикском языке такими плоскостями выступают части тела человека: *китф бо китф – плечом к плечу* [Таджикско-русский словарь 2006: 277]. Здесь наблюдается полная аналогия с английским языком: *shoulder to shoulder – плечом к плечу* [Кунин 1986: 786].

2. Фронтальная ориентационная модель. Объекты расположены друг против друга. В таджикском языке: *рӯ ба рӯ – лицом к лицу*, в английском языке представлено несколько синонимов: *face to face – лицом к лицу; eyeball to eyeball – глазное яблоко к главному яблоку*. [CID].

Таким образом, можно отметить, что таджикская и английская фразеосистемы близки к перцептору пространства – сомато-антропоцентричное, организующееся вокруг человека и его деятельности.

Дейктические фразеологические единицы таджикского и английского языков со значением “отдаленное расположение объекта” включают в свою структуру неактуальные предикаты, исходя из того, что объект располагается либо на краю (границе), либо за пределами зрительного и слухового восприятий. Например, в английском языке: *in the middle of nowhere – очень далеко, у черта на куличках*:

There was something vacuous and stupid about it, flapping out there in the middle of nowhere, something empty, banal, brutish. – Что-то тупое

и бессмысленное слышалось в хлопанье брезента на этой равнине мертвых, что-то пустое, вульгарное, животное.

It is much cheaper than building the entire track from scratch in the middle of nowhere. – Это намного дешевле, чем строить целиком всю трассу с нуля где-то в чистом поле.

Tobas estimated that it had once been home for three or four hundred people, but that seemed incredible up here in the barren middle of nowhere. – Когда-то в нем жило не меньше трех-четырех сотен человек. (Британский корпус английского языка 2010).

Общеизвестно, что образность является объективным свойством большинства фразеологизмов. Фразеосемы с семантикой «отдаленное расположение объекта» в сравниваемых языках также образно связаны с границей, краем чего-либо, например, в английском языке: *at the ends of the earth* – на край света:

Beneath that flaming dust the vast garden ran riot like some delighted beast let loose at the world's very end, far from everything and free from everything (Zola. Emile. Abbe Mouret's Transgression, 89) – Под этой пламенной лаской весь большой сад оживал, как счастливое животное, выпущенное на край света, далеко, далеко, на полную свободу (Подстрочный перевод).

I would walk by your side to the end of the world, if you wished it. (Zola. Emile. Abbe Mouret's Transgression, 56) – Если ты захочешь, я пойду с тобой на край света (Подстрочный перевод).

I am sure you met at the ends of the earth somewhere (London. Jack. A daughter of the snows, 107) – Я уверена, что вы встречались где-нибудь на краю света, - сказала Фрона (Подстрочный перевод).

В таджикском языке: *ба канори дунье* – на краю света; *ба канор баромадан* – выйти из рядов:

Натиҷаи ин корҳо боз ҳамон барҳам хӯрдани урфу одатҳои кӯҳна мешавад, ки мо боз ба канор баромада мемонем (Фарҳанги ибораҳои рехта 1963: 1: 522).

Лексическая единица английского *back* – *спина* с семантикой “очень далеко” в составе фразеологических конструкций обозначает невидимую тыльную сторону любого предмета:

Iquique is somewhere in South America—at the back of or beyond Brazil—and once upon a time there came to it a tribe of Aborigines from out of the woods, so innocent that they wore nothing at all—absolutely nothing at all (Kipling. Joseph Rudyard . From sea to sea, 34) – Икике находится где-то в Южной Америке, сразу же за Бразилией, а возможно, и еще дальше. Однажды прямо из леса туда нагрянуло племя аборигенов. Они были настолько невинны, что не носили никаких одеяний (Подстрочный перевод).

Однако в таджикском языке данная лексема в структуре фразеологизма имеет не только значение “далеко”.

Пушти ману табари қассоб – ба гап, илтимоси касе гӯш накардан, парвое накардан, аҳамияте надоданд – не обращать внимание на чью-либо просьбу:

Ман як духтари ба қад расида қати дар ҳамин ҳавли вайронаю валангор хоб мекунаму ин мӯйсафед бепарво саланг-саланг дар кӯчаҳо мегардад, -гуфт вай дар фароварди маниша, вақте ки хобаи меомад, ҳамъеза мекашид. Рустамак бошад сарашро бо чомаи худ маҳкам печонда хоб мерафт. “Пушти ману табари қассоб, гӯши ману девори қиёмат” мегуфт ӯ (Фарҳанги ибораҳои рехта 1963: 1: 867).

На материале таджикского языка были выявлены специфические фразеологизмы с дейктическими компонентами, включающими:

А) Представителей флоры и фауны:

Думи уштур ба замин расидан – иҷрои чизе амри маҳол будан; ниҳоят дер ба иҷро расидани коре – не скоро добиться что-либо:

То инҳо кор ёд гирифта нони ману туро аз даҳонамон зада мегиранд, ки думи уштур ба замин мерасад.

Кас духтарҳои ин солу замонаро ин тавр ба ихтиёри худ карда наместонад. То одамро донишманди инҳо думи уштур ба замин мерасад (Фарҳанги ибораҳои рехта 1963: 1: 430).

Б) Существительные со значением “далеко”:

Ё ба замин даромад, ё ба осмон парид – гайб задан, аз назар пинҳон шудан, нест шудан – либо провалился сквозь землю, либо испарился:

Фақат хурчинчаи дору, ҷойнамоз ва ҷомаи авраастари дарози вай дар ҳавли бой монда буд. “Ё ба замин даромад, ё ба осмон парид” (Фарҳанги ибораҳои рехта 1963; 1: 436).

В) Числительные:

Ду пои касе аз осмон омадан – быстро прибежать:

Агар ташиқлотҳои дахлдори Кӯлоб ҳаққонӣ рафтор мекарданд, ду пояи аз осмон меомад (Фарҳанги ибораҳои рехта 1963: 1: 421).

Бо ду по лангидан – дар коре ниҳоят қафо мондан, пешравӣ надоштан; тамоман ноуҳдабаро будан – не продвигаться в работе:

Аммо агар рафиқон бошууронатар рафтор мекарданд, мо ба чунин вазъияти тоқатнопазир дучор намегардидем ва бо ду поямон ҳам намелангидем (Фарҳанги ибораҳои рехта 1963: 1: 422).

Г) Наречия:

Дур рафта натавоништан – ба мақсад расида натавоништан, кореро зиёд давом дода натавоништан – не продвигаться вперед (в профессиональной сфере):

Аммо ӯ медонист, ки акнун бо ин касб дур рафта наметавонад (Фарҳанги ибораҳои рехта 1963: 1: 435).

Овози духул шунидан аз дур беҳ аст – чизи нозеб ва нохушро дур дидан ё овозашро аз дур шунидан беҳтар; ҳар чиз аз дур зебо ва хуб менамояд (Фарҳанги ибораҳои рехта 1963: 1: 759) – что-то неприятное лучше наблюдать из далека:

- Монеб, Шокир ака, ҳамин “чаннат”-атонро, - гуфт Қулмурод даст афшонда, - чаннати шумо ҳам чаннати муллоҳо таърифкунанда барин як чиз аст, ки то ҳол онро касе надидааст. Дар урф мегӯянд, ки “овози духул шунидан аз дур беҳ аст”, шумо ҳамин Туркия ва Эронро, ки ҳуррият шуда чаннат гардидааст, аз дур шунда вақтатонро хуш кардан гиред. Аммо рафта дидани он ҷойҳоро орзу накунад, ки хафа мешавед (С. Айнӣ. Гуломон, 56).

Дейктические единицы, входящие в структуру фразеологических единиц таджикского языка, обладая яркой внутренней формой, придают конструкциям экспрессивность. Если сравнить с английскими фразеологическими единицами, то последние лишены коннотации: *nowhere near* – *нигде поблизости*:

He greeted Halleck cordially enough, but he had a harried look, and to Halleck's practiced eye there seemed to be far too many papers in the In basket on Foxworth's desk and nowhere near enough in the Out basket. – Он достаточно радушно приветствовал Халлека, но взгляд его был рассеянным. Наметанным глазом Билли сразу приметил, что корзинка «входящих» бумаг на столе Фоксуорта была куда более перегруженной, чем корзина «выходящих» (Подстрочный перевод).

So even though it was a lovely autumn afternoon, nowhere near as cold and damp as I'd thought it was gonna be, we had the aft deck mostly to ourselves. – Хотя это и была прекрасная, очень теплая и мягкая осень, на палубе почти никого не было.

*Unfortunately, the encryption algorithm used, DESX, is barely an improvement on DES and is **nowhere near** as strong as 3DES. – К сожалению, используемый алгоритм шифрования (DESX) является лишь слегка усовершенствованным DES и никогда не будет столь же криптоустойчивым, как 3DES.*

*Brian had been trying to teach him about the sword for two years now, and he was still **nowhere near** fit to stand in front of a person with Brian's training and survive for more than a minute or two. – Брайен уже два года пытался научить его владеть мечом, а он еще и близко не подошел к тому, чтобы выстоять против человека с опытом Брайена более пары минут.*

*I'd been **nowhere near** the Moroi dorm when it had happened, but I felt responsible—like I should have watched over him. – Я была далеко от корпуса мороев, когда это произошло, но чувствовала свою ответственность — я была обязана приглядывать за ним. (Британский корпус английского языка 2010).*

На материале английского языка были выявлены фразеологические единицы, в которых представлена интересная информация о пространственном опыте, связанное с расстоянием: ***keep at a distance** – держаться на расстоянии; keep out of the way – оставаться в стороне:*

*During the ten days that the shipwrecked dog had passed on the "Waldeck," it had **kept at a distance**, feeding itself, they knew not how, but having also suffered cruelly from thirst (Verne. Jules. Dick Sand, or A Captain at Fifteen, 67) – В те десять дней, которые они провели вместе на борту потерпевшего крушение корабля, Динго по-прежнему сторонился товарищей по несчастью. Как и чем он питался в эти дни, осталось неизвестным, но так же, как и люди, он жестоко страдал от жажды (Подстрочный перевод).*

*In a word, Roberta, daughter of the late Sir Cuthbert and Lady Wickham of Skeldings Hall, Herts, was pure dynamite and better **kept at a distance** by all those*

who aimed at leading the peaceful life (Wodehouse. P.G. Jeeves in the offing , 23) – Короче говоря, Роберта, дочь покойного сэра Катберта и леди Уикем из Скелдингс-Холла, Хармс — сущий динамит, и всякому, мечтающему о спокойной жизни, лучше держаться от нее подальше (Подстрочный перевод).

*Anyway, Bloom was rushing him, swinging both hands, and, he had all he could do to **keep out of the way** especially when Bloom got him back against the crowd* (Jones. James. From Here to Eternity, 34) – А Блум продолжал наступать, действуя обоими кулаками, и Пруит тратил все силы, чтобы вовремя увернуться, особенно когда Блум прижимал его к толпе (Подстрочный перевод).

*The Squirrels bombarded him with volleys of nuts but he only covered his head with his hands and tried to **keep out of the way*** (Lewis. Clive S. The Magician's Nephew, 90) – Белки принялись обстреливать его пригоршнями орехов, но старый волшебник только прикрыл голову руками, уклоняясь от подарков.

*Guarding this window was busy work, meant to **keep me out of the way**.* (Boyer. Elizabeth. Elves And The Otterskin, 23) – Охранять окно — бесполезная работа, предназначенная для того, чтобы держать меня в стороне от событий (Подстрочный перевод).

Специфика данных фразеосем заключается в том, что говорящий соблюдает определенную дистанцию, чтобы избежать опасности или нарушения общепризнанных правил: *This very spot would be all creation to me, could this war be fairly over, once; and the settlers **kept at a distance*** (Cooper. James Fenimore. The Deerslayer, 34) – Это место могло бы заменить мне целый мир, если бы только война благополучно закончилась и бродяги держались отсюда подальше.

Проксемика – область семантики, занимающаяся исследованием пространственных и временных знаковых систем конкретного языкового

сообщества, вышла на новый уровень осознания роли пространства в жизни человека [Артемьева 2019: 72]. Здесь уместно процитировать Э. Холл – основателя проксемики. Согласно Э. Холл, расстояние при общении основывается на принципе территориальности [Hall 1986: 45]. “У каждого человека своя определенная зона жизненного пространства с очерченными границами, зависящее от его происхождения, культуры и его личных предпочтений. Нарушение границ приводит к дискомфорту. Большое расстояние при общении часто заканчивается неудачей (в коммуникативном плане)” [Виноградов 2008: 89].

Одним из основных факторов, влияющих на степень проникновения в пространство говорящего, является культурная традиция. Как отмечает Э. Холл, для западной культуры характерна следующая модель личного пространства:

А) интимное расстояние (от 0 до 45 см), используемое при общении с самыми близкими людьми;

Б) персональное расстояние (от 45 до 120 см), используемое при бытовом общении со знакомыми людьми;

В) общественное или публичное расстояние (от 400 до 750 см) используется при выступлении перед различными аудиториями (деловые переговоры, встречи и т.д.).

На материале английского языка были выявлены фразеологические единицы, демонстрирующие необходимость сохранения дистанции при коммуникативном общении, и подчеркивающие важность границы личного пространства в английском сообществе.

Например: *at arm's end* – *на почтительном расстоянии*:

Were she here, she'd keep this Shelby character at arm's length. – *Будь она тут, держалась бы от Шелби подальше.*

Puissant picked me up by the throat so I could not speak, held me out **at arm's length** behind the door when he opened it. – Я утратил дар речи, потому что Пьюссанто схватил меня за шею и на вытянутой руке поднял перед дверью. И отворил.

*In this attitude, he fixed himself, the moment he made his appearance; and, holding out a small piece of orange-peel **at arm's length**, exclaimed, in a growling, discontented voice. 'Look here! do you see this! – В этой позе он и остановился, едва успел войти в комнату, и, держа в вытянутой руке кусочек апельсиновой корки, воскликнул ворчливым, недовольным голосом: — Смотрите! Видите?*

*He had not put his pistol away, but it was hanging down **at arm's length** by his side. – Он пока не убрал пистолет в кобуру, и тот свободно висел у него в опущенной руке на уровне колена, совсем близко от Пруита.*

*Not only is this pose awkward at times, it's also not good photographic technique, because it's harder to steady the camera during exposure **at arm's length**. – Эта поза иногда не только неудобна, но и является неверной методикой фотографирования, поскольку на вытянутых руках сложнее удержать камеру неподвижной в момент экспозиции (Британский корпус английского языка 2010).*

Или: *keep out of the way* – не позволять что-либо; не вмешиваться, оставаться в стороне:

*Anyway, Bloom was rushing him, swinging both hands, and, he had all he could do to **keep out of the way** especially when Bloom got him back against the crowd (Jones. James. From Here to Eternity, 90) – А Блум продолжал наступать, действуя обоими кулаками, и Пруит тратил все силы, чтобы вовремя увернуться, особенно когда Блум прижимал его к толпе (Подстрочный перевод).*

*The Squirrels bombarded him with volleys of nuts but he only covered his head with his hands and tried to **keep out of the way** (Lewis. Clive S. The Magician's*

Nephew, 34) – *Белки принялись обстреливать его пригоршнями орехов, но старый волшебник только прикрыл голову руками, уклоняясь от подарков* (Подстрочный перевод).

*We can ride with you on the finest horses in Jotunsgard directly to the barrow and with fifty jotuns to protect you, Lorimer and his dwarves will **keep themselves out of the way*** (Boyer. Elizabeth. *Elves And The Otterskin*, 78) – *На лучших конях Йотунсгарда мы доставим вас прямоком к кургану, а когда вы будете под защитой пятидесяти йотунов, Лоример и его гномы остерегутся попасться вам на пути.*

*Then Miss Wilkinson, who had **kept discreetly out of the way till the Careys had had a chance of welcoming their nephew, came into the room*** (Maugham. *Somerset. Of Human Bondage*, 45) – *В комнату вошла мисс Уилкинсон, которая сперва из деликатности не показывалась, чтобы дать мистеру и миссис Кэри возможность поздороваться с племянником наедине* (Подстрочный перевод).

Однако в таджикском языке не были выявлены фразеологические единицы с подобной семантикой, что является свидетельством допущения меньшей дистанции в коммуникативном общении, по сравнению с английским языком.

Следует заметить, что фразеологические единицы в системе разноструктурных языков также репрезентируют указание на нахождение объекта одновременно в разных местах. В данную подгруппу вошли фразеологические единицы со значением “постоянное пребывания объекта в разных местах” и “периодическое пребывание”.

В первую подгруппу, исходя из семантики, мы включили следующие фразеологизмы.

В таджикском языке:

Ба гирди сари касе будан – 1. дар назди касе будан – находится рядом с кем-либо; 2. Ба касе сахт вобаста будан – **быть тесно связанным с кем-либо**:

Аз ҳамин дам ин ҷониб ин духтарак ба гирди сари вай аст (Фарҳанги ибораҳои рехта 1963: 1: 223).

При этом следует заметить, что фразеосемы данной подгруппы в таджикском языке, включающими компонент “гоҳ – иногда”, имеют также значение “бессвязный, отрывочный; не соответствующий”.

Например:

Гоҳ аз Ашт, гоҳ аз дашт – беробита, парешон, дарҳам-барҳам – **то здесь, то там**:

Вай ба синф даромада, гоҳ аз Ашт сухан меронду, гоҳ аз дашт.

Гоҳ аз боғ, гоҳ аз роғ:

Лектор гоҳ аз боғ сухан меронду гоҳ аз роғ

Гоҳ аз Машиқ, гоҳ аз Мағриб

Ў гоҳ аз Машиқ гап мезаду гоҳ аз Мағриб.

Гоҳ аз осмон, гоҳ аз ресмон

Гоҳ аз осмону гоҳ аз ресмон гап мезад. (Фарҳанги ибораҳои рехта 1963: 1: 230-231).

Вторую группу образуют, как было указано выше, фразеологические единицы, со значением «переодического появления и исчезновения объекта указания».

Як по дар ин ҷою як по дар он ҷо – дар ду ҷо будан; пайваста ба ду ҷо рафту омад кардан – **то тут, то там**:

Александров чизу чораҳои ба пул арзандаашро аз кон ба ҳавлии дар Исфара будааш кашонда, як по ин ҷою як по дар он ҷо, на шабҳо хоб дошт ва рӯзҳо ором (Фарҳанги ибораҳои рехта 1963: 2: 489).

Бо туркон ва сапедҷомагон ҳарбҳои бисёр кард, то муддати ду сол гоҳ зафар ўро буд, гоҳ ҳасмро (ФЗТ, 2:276).

В таджикском языке была также выявлена подгруппа фразеологизмов со значением «когда-либо»:

Як рӯз не, як рӯз – ягон вақт; вақте меояд, ки – когда-либо, когда-нибудь:

Як рӯз не, як рӯз ба ин ҷо ҳам дастони бузурги одамони мо мерасанд, каналҳо мекушоянд.

Парво накунед, як рӯз не, як рӯз сирри инро мебарорем (Фарҳанги ибораҳои рехта 1963: 2: 491).

Приведем примеры на материале английского языка.

В первую подгруппу со значением “постоянного пребывания объекта указания”: *here and there* - *здесь и там*:

The sun was almost vertically above us now: splinters of light darted here and there from the glass of the hearse and the bright brass-work of the coffin (Greene. Henry Graham . The Comedians, 23) – *Солнце стояло почти над головой; вокруг прыгали солнечные зайчики от стекол катафалка и медных украшений гроба* (Подстрочный перевод).

His eyes, a deep and startling shade of green, darted here and there (King. Stephen. Insomnia, 45) – *Взгляд его глубоких темно-зеленых глаз метался из стороны в сторону* (Подстрочный перевод).

Jack wandered the room, focusing here and there on the various conversations in progress around him (Wilson. Paul Francis. Conspiracies, 78) – *Джек бродил по залу, прислушиваясь там и сям к разговорам.*

The little yellow, blue, green, white, and brown street-cars which he saw trundling here and there, the tired, bony horses, jingling bells at their throats, touched him (Dreiser. Theodore. The Titan, 56) – *Навстречу ему попадались желтые, голубые, зеленые, белые и коричневые вагончики конки; их тащили,*

позвякивая колокольчиками, заморенные, худые, как скелет, клячи, и это зрелище позабавило Каупервуда (Подстрочный перевод).

*Ragged children were playing in it, and it was noisy with their cries: **here and there** old seamen were basking in the sun* (Maugham. Somerset. Of Human Bondage , 78) – Там играли оборванные дети, и воздух звенел от их крика; на солнышке грелись старые моряки (Подстрочный перевод).

Вторая подгруппа со значением “периодическое пребывание объекта указания”. В английском языке периодичность передается при помощи наречия – *now* – *здесь*:

*These puffs of smoke flashing **now here, now there**, took their birth on the hills, in the batteries of the enemy, in the city, and high against the sky.* – Дымки эти, мелькая то там, то здесь, рождались по горам, на батареях неприятельских, и в городе, и высоко на небе.

Компонентами фразеологических единиц данной подгруппы в английском языке являются также лексемы-интенсификаторы, например: *every* – *каждый*:

*“Okay,” Prew whispered luxuriously, “pretty soon,” not wanting to think about the stumbling back down along the wire through the dark without a flash and the slapping at the clouds of mosquitoes that would be rising from the grass **at every step*** (Jones, James. From Here to Eternity, 34) – Хорошо, скоро пойдем. – Пруит блаженствовал в тепле кухни, ему не хотелось думать о том, как они будут спотыкаться в темноте, шагая без фонарика вдоль колючей проволоки, и отмахиваться от moskitов, тучами взмывающих из травы при каждом шаге (Подстрочный перевод).

*It's stupid, what with those endless trees and moss everywhere and broken statues, and holes in which one might break one's neck **at every step*** (Zola, Emile. Abbe Mouret's Transgression, 45) – Какая несуразность: бесконечные деревья,

повсюду мох, сломанные статуи, ямы, в которых, того и гляди, сломаешь себе шею... (Подстрочный перевод).

*They came to a stop on the left-hand shoulder, and when she got out of the car on knees that threatened to buckle **at every step**, she saw that they had left a looping trail of scorched rubber for seventy feet* (King, Stephen. *Carrie*, 12) – *Наконец машина остановилась - у левого бордюра, - и, выбравшись на дрожащих ногах из кабины, едва не падая, Крис увидела, что они оставили позади петляющий черный след футов семьдесят длиной* (Подстрочный перевод).

Специфика английской фразеосистемы заключается в том, что компоненты фразеологических единиц данной подгруппы имеют семантику «ограничение». Например: *from John o'Groat's to Land's End* – *От севера Шотландии до края Земли*; *from Dan to Beersheba* – *от Дана до Вирсавии*;

*Then all the Israelites **from Dan to Beersheba** and from the land of Gilead came out as one man and assembled before the LORD in Mizpah.*- *И Господь послал язву на Израильтян от утра до назначенного времени; и умерло из народа от Дана до Вирсавии семьдесят тысяч человек.*

*Now you're single... and a lance corporal on leave fae Afghan you could shag your way **from John O'Groats to Land's End**.* – *Теперь когда ты одинок... и младший капрал в отпуске из Афгана ты мог бы протрахать свою путь от Джона О' Гроатса до Края Земли!* (Британский национальный корпус 2009).

- *Lack-a-day! a great mercy - a glorifying mercy - a crowning mercy - a vouchsafing - an uplifting - I profess the malignants are scattered **from Dan to Beersheba** - smitten, hip and thigh, even until the going down of the sun!*" (Scott, Walter. *Woodstock*, 78) – *Чудесные новости! Великая удача... Ослепительная удача... Завершающая удача.., достойная, возвышающая. Уверен, что злодеи рассеяны от Дана до Вирсавии.., разбиты наголову на веки веков* (Подстрочный перевод).

В приведенных выше английских фразеологических единицах зона локализации определяется компонентами *from 'om'* и *to 'к*, имеющими лемитивную семантику, и, ограничивающими участок пространства нахождения объекта указания.

В английском языке встречаются также фразеологические единицы, репрезентирующие нахождение объекта указания, посредством ориентационных лексем. В частности: *side – сторона, край, берег; left – левая сторона, слева; right – правая сторона, право* [ODCIE 2010].

The room was quilted on all sides, as well as the floor and the ceiling, to prevent any accident from the carelessness of those who carried me, and to break the force of a jolt, when I went in a coach. (Swift, Jonathan. *Gulliver's travels into several remote nations of the world*, 78) – *Все стены комнаты, а также потолок и пол были обиты войлоком для предупреждения несчастных случайностей от неосторожности носильщиков, а также для того, чтобы ослабить тряску во время езды в экипаже* (Подстрочный перевод).

While the prudent and peaceful endeavoured, like Niel Blane, to make fair weather with both parties, those who had more public (or party) spirit began to take arms on all sides. (Scott, Walter. *Old Mortality*, 23) – *Пока миролюбивые и осторожные старались, подобно Нийлу Блейну, ладить с обоими станами, те, кто более ревностно относился к общественным делам (или к интересам своей партии), стали братья за оружие.*

So I returned to my apartment, split a bulb of Glenfiddich, and arrayed virtual windows like daisy petals in my head. Everyone Icons debated on all sides, serving up leftovers two weeks past their expiry date (Watts, Peter. *Blindsight*, 45) – *Так что я вернулся к себе домой, откупорил пузырек «Гленфиддича» и развернул в голове виртуальные окошки, словно лепестки, поглощая протухшие две недели назад огрызки чужих споров на окруживших меня иконках* (Подстрочный перевод).

Результаты проведенного анализа позволяют констатировать следующее. Для таджикской фразеосистемы характерна сомато-антропоцентричность. В английском языке слуховые и зрительные анализаторы репрезентируют местонахождение объектов указания. Также английскому языку свойственно наличие культурной структуризации личной сферы говорящего.

Выводы по второй главе

1. Национально-культурное своеобразие эмоциональных лексических и фразеологических единиц, включая гендернообусловленное эмоциональное поведение, которое свойственно представителям той или иной лингвокультуры, связано с культурным кодом, а также вербализованными эквивалентами.

2. Культурные идеи, связанные с выражениями эмоций и содержащие указания на *home sentiens femina sentiens* с позиции допустимого и недопустимого эмотивного поведения в той или иной лингвокультуре в определенном временном срезе, репрезентируется в эмотивно-оценочные языковые единицы, которые представляют собой культурно-языковые универсалии эмоциональной природы.

3. Исходя из взаимообусловленности языковых и социальных явлений с учетом внутриязыковых и межъязыковых соответствий и расхождений, способов репрезентации эмоциональности в рамках неконвенционального эмотивно-дейктического поля в таджикском и английском языках как в синхронном, так и в диахроническом аспектах, можно установить структуру эмотивно-указательного поля, с его нормативными движениями и отклонениями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Интегративное исследование эмотивных языковых средств в таджикском и английском языках отвечает новым, интенсивно-формирующимся в последнее время подходам структуризации знаний в науке о языке. Отправной точкой настоящего исследования является концепция, согласно которой дейктическое значение языковых единиц может широко употребляться не только при конструировании пространства, времени, движения, но также и при моделировании эмоциональной сферы человека.

2. В свете вышеизложенного становится очевидной вероятность соотнесения знаковой типологии на языковые и речевые средства репрезентации эмотивности. Все это свидетельствует о наличии в языке аффективов-эмотивов.

3. Структурирование поля осуществляется при помощи вариантных типов эмотивно-дейктического поля, которые представлены указательными полями *homo sentiens* и *femina sentiens*. Ядро эмотивно-указательного поля образуют междометия-эмотивы, эмоционально-оценочные прилагательные, которые выполняют функцию эмотива-символа и эмотива-индекса. Специфика эмотивно-дейктического поля заключается в том, что аффективные языковые единицы (междометия, прилагательные) могут стать значимыми депозитами центральной части эмотивно-дейктического поля, обусловленной экспрессивностью семантики аффективов.

4. Периферию эмотивно-дейктического поля образуют эмотивы-образы, а также фразеологические единицы, включающие компоненты указания.

5. Эмотивные языковые единицы репрезентируют «указание» в рамках определенной референции, которая предполагает определенную эмоциональную ситуацию.

6. Лингвокультурологические исследования семиосферы показывают, что культура, как и язык, представляет собой многоуровневую знаковую систему. Следовательно, язык и культура в таких случаях равнозначны, где культура в широком смысле рассматривается как содержание, а язык понимается как форма. Таким образом, язык представляет собой не только систему, материализующую модели, посредством которых осуществляется связь общества с окружающей действительностью. Язык – стержень, организующий культурно-смысловое пространство. Именно этим можно объяснить взаимосвязь в лингвокультурологии феноменов культуры и языка, следовательно, культурного и языкового пространства. При этом следует заметить, что эмоциональные тексты разных культур, дешифруются при помощи сложных языковых кодов.

7. В современной лингвистике теория дейксиса представляет собой сосуществование семантико-полевого, психолого-культурологического подходов, различающиеся масштабами исследуемых проблем. В диссертационной работе предложено авторское видение категории дейксиса в таджикском и английском языках, его пространственная и временная локализованность. Дейксис – это система с полицентрической структурой, обладающая следующими константными семантическими репрезентами – персональность (участник коммуникации); пространственность (расположение объекта указания).

8. Также было выявлено, что структура эмоционального высказывания в таджикском и английском языках является единством разных видов информации. Реализация такого высказывания в каждом конкретном языке зависит от конкретной ситуационной информации. Репрезентируясь, в той или

иной языковой ситуации, эмоциональная информация оформляется в виде эмоционально-оценочных предложений.

9. Также было установлено, что эмоции влияют не только на самого субъекта высказывания. Но и на непосредственных “свидетелей”, взаимодействуя как с “позитивным” лицом высказывания, так и с “отрицательным”.

10. Было установлено, что человеческая роль в познании окружающей действительности находит свое отражение в языке также в виде оценочных категорий. Оценочные категории, передавая вторичные знания как результат определенного способа интерпретации человеком первичных знаний о мире, закрепляют механизмы такой интерпретации в языковой системе определенного социума. К оценочным категориям относятся оценочные прилагательные, междометия, обладающие компонентом экспрессивности, а также некоторые имена существительные.

11. Эмотивы-символы (междометия, эмотивные прилагательные, ненормативная лексика), не имея никакого отношения к номинации, лишь выражают отношения говорящих к предмету или лицу посредством аффективно-интерпретирующей семантики. Специфика данных эмотивных дейктиков – дейктическая семантика с позиции неконвенционального понимания категории указания.

12. Результаты исследования позволили выделить также эмотивы-индексы: 1) коннотативы, которые предусматривают понимание или “осмысление” эмотивности слова при помощи формальных показателей – экспрессивные, формообразующие и словообразовательные; 2) коннотативы, обладающие сильной экспрессивностью семантики. Данные коннотативы лишены как метафорического значения, так и других признаков эмотивности. Однако им свойственна прочная синтаксическая связь и абстрактное значение,

исходя из традиционного понимания дейксиса (усилительные наречия, которые выступают чаще всего с прилагательными).

13. В типологии дейксиса очень важен принцип бинарной оппозиции – то есть эксплицитность и имплицитность. Эксплицитность и имплицитность в рамках дейксиса связаны с формальными показателями эмотивности в речи. Наиболее употребительными, как эмотивные индексы, в таджикском и английском языках выступают экспрессивные формообразующие и словообразовательные аффиксы в адъективной лексике. Исследование языкового материала подтверждает данное функционирование морфологических средств таджикского и английского языков. Например, суффикс сравнительной и превосходной степеней – *тар; тарин*; в английском языке – *er; est*. В английском языке также были выявлены уничижительные аффиксы – *ish un: unkind* – *злой, жестокий, foolish* – *глупый*. На материале английского языка были выявлены такие усилители – интенсификаторы, как: *extremely* – *чрезвычайно, terribly* – *ужасно, very* – *очень*.

14. В таджикском языке эмотивность речевой ситуации усиливают такие слова, как *Чӣ – что ? Чӣ хел – каким образом ?* Данные усилители имеют устойчивое синтаксическое положение – в начале высказывания. Данная позиция позволяет обратить внимание адресата на сопутствующие с данными усилителями лексические единицы, не указывающие на что-либо, а обозначающие действительность.

15. Анализ графических оформлений таджикских и англоязычных художественных текстов (мужских и женских) позволяет констатировать следующее: эмотивным высказываниям характерны разнообразные пунктуационные оформления (тире, вопросительный и восклицательный знаки, многоточие).

16. Было также установлено, что выбор языковых инструментов (междометий) в английском языке обусловлен аксиологическим пространством норм, правил британского лингвокультурологического общества XIX – XX вв. Женская речь значительно претерпевает изменения в результате феминистского движения в XX веке. В результате значительно уменьшается употреблений междометий в художественном дискурсе XX века. Так, в частности, междометие – *Oh, Lord* уже не встречается в женском дискурсе. В словарях отмечается архаичность многих эмотивов-дейктиков: *old-fashioned (also bless me!); (also well I'm blessed!)* – устаревшая форма, выражает удивление [Cambridge Dictionary 2009].

Относительно мужского англоязычного дискурса следует заметить, что наиболее частотным выступает междометие-эмотив *Oh* – 40%:

В итоге сравнительного анализа междометий-эмотивов, имеющих неконвенционально-дейктические значения в мужском и женском дискурсах (на материале англоязычных текстов), было выявлено следующее тождество:

Тождество употребления ряда междометий-эмотивов: *Ah, God, Heavens, Oh – O, Боже, O, Небеса.*

Художественные произведения XX века характеризуются наибольшим употреблением «мужских» и «женских» междометий-эмотивов

Вместе с тем были выявлены расхождения в употреблении междометий-эмотивов в мужском и женском дискурсах:

Расхождение в употреблении ряда междометий-эмотивов: преобладание *Pah* и *Um* в мужском дискурсе по сравнению с женским дискурсом;

Англоязычные тексты XX века отличаются частотностью употребления «мужских» междометий-эмотивов в сравнении с «женскими». Например, в мужском дискурсе – 13%, в женском – 3%.

17. В ходе исследования англоязычного женского дискурса было установлено, что прилагательные-эмотивы также характеризуются высокой

частотностью употребления, а компоненты эмотивности и экспрессивности в семантической структуре адъективных единиц лишней раз свидетельствует о размещении прилагательных-эмотивов в центральную часть эмотивно-дейктического поля.

18. Высокая степень языковой эквивалентности междометий-эмотивов и прилагательных-эмотивов позволяет включать их в пространство англоязычного эмотивно-дейктического указательного поля.

19. Интересно заметить, что феминистское движение XX века в Европе не оказало влияние на творчество таджикских женщин-писательниц. Вследствие этого женский дискурс практически остался неизменным в плане использования аффективов-эмотивов по сравнению с англоязычным дискурсом, о чем свидетельствует проведенный анализ языкового материала.

20. Мужская речь в таджикском языке характеризуется огромным количеством междометий-эмотивов. Количественный показатель употребления различных аффективов, имеющих неконвенционально-дейктическую семантику, на протяжении веков сильно изменился. В классической литературе преобладает эмотивный демонстратив (междометие) – *эй* – 10%; в современной – 5 %. Целый ряд эмотивов отрицательной коннотации в мужской речи таджикского языка культурно обусловлен. Это объясняется раскрепощенностью эмоционального поведения мужчин (открытое выражение эмоционального состояния) в таджикском лингвокультурном сообществе.

21. В ходе анализа эмотивно-дейктических единиц на материале таджикских текстов были выявлены следующее внутриязыковое сходство:

Большая часть междометий-эмотивов, имеющих неконвенционально-дейктическую семантику в мужском и женском дискурсах совпадает.

Небольшое расхождение наблюдается в количественных показателях использования междометий-эмотивов в женской и мужской речи в диахроническом аспекте (X – XXI вв.).

Сравнительный анализ языкового материала наравне с внутриязыковыми универсалиями позволил выделить и уникалии:

Расхождение в использовании определенных междометий-эмотивов, в частности: *Эй, Ё* в мужской речи;

Эмотивный дискурс, характеризуется наибольшим количеством эмотивов-символов, имеющих изначально неконвенционально-дейктическое значение, по сравнению с эмотивным мужским дискурсом.

22. В англоязычных эмоциональных текстах наряду с междометиями-эмотивы широко употребляются прилагательные-эмотивы. Однако в таджикском языке преобладают существительные-эмотивы по сравнению с прилагательными.

23. В таджикской мужской письменной речи (XX-XXI вв.) широко представлены существительные-дейктики с яркой эмоциональной окраской.

Количественный анализ существительных-эмотивов показал, что частотность использования указанных эмотивов-дейктиков в мужском дискурсе современного таджикского языка значительно выше, чем в мужском английском тексте; главным образом, в XX-XXI веках.

Прилагательные-эмотивы в мужском тексте таджикского языка представлены небольшим количеством.

В ходе анализа эмоционально-оценочных существительных и прилагательных в таджикском мужском и женском дискурсах была выявлена следующая универсалия: соответствие ряда номинаций: *гаму андух – печаль; захму алам – боль.*

Наравне с универсалиями в представленном выше сравнительно-лингвокультурологическом анализе выявлены расхождения в употреблении аффективов-эмотивов в мужской и женской речи таджикского языка:

Мужской дискурс XX - XXI веков характеризуется высокой частотностью эмотивов-демонстративов с отрицательной коннотацией: *Бар падари падарат – проклятый; Дар гӯри отаат* – досл. в могиле твоего отца.

В женской речи наряду с существительными-эмотивами часто употребляющие интенсификаторы эмоций: *ту- ты; чу – словно*.

24. Была установлена высокая степень межъязыкового расхождения в расположении эмотивных знаков, имеющих изначально неконвенционально-дейктическое значение, в пространстве таджикского и английского типов эмотивно-дейктического поля *homo sentiens* и *femina sentiens*.

25. Анализ таджикских и английских фразеологических единиц с соматическими компонентами позволил выделить следующие виды ориентации объектов сравнительно друг друга: Однолинейная ориентация, когда соприкасаются боковые плоскости объекта (левая или правая). В таджикском языке такими плоскостями выступают части тела человека: *китф бо китф – плечом к плечу*. Здесь наблюдается полная аналогия с английским языком: *shoulder to shoulder – плечом к плечу*. Фронтальная ориентационная модель. Объекты расположены друг против друга. В таджикском языке: *рӯ ба рӯ – лицом к лицу*, в английском языке представлено несколько синонимов: *face to face – лицом к лицу; eyeball to eyeball – глазное яблоко к главному яблоку*.

26. Дейктические фразеологические единицы таджикского и английского языков со значением “отдаленное расположение объекта” включают в свою структуру неактуальные предикаты, исходя из того, что объект располагается либо на краю (границе), либо за пределами зрительного и слухового восприятий.

27. На материале таджикского языка были выявлены специфические фразеологизмы с дейктическими компонентами, включающими:

Представителей флоры и фауны: *Думи уштур ба замин расидан – иҷрои чизе амри маҳол будан; ниҳоят дер ба иҷро расидани коре – не скоро добиться что-либо*

Существительные со значением “далеко”: *Ё ба замин даромад, ё ба осмон парид – гайб задан, аз назар пинҳон шудан, нест шудан – либо провалился сквозь землю, либо испарился.*

Числительные: *Ду пои касе аз осмон омадан – быстро прибежать.*

Наречия: *Дур рафта натавонистан – ба мақсад расида натавонистан, кореро зиёд давом дода натавонистан – не продвигаться вперед (в профессиональной сфере).*

28. Дейктические единицы, входящие в структуру фразеологических единиц таджикского языка, обладая яркой внутренней формой, придают конструкциям экспрессивность. Если сравнить с английскими фразеологическими единицами, то последние лишены коннотации: *nowhere near – нигде поблизости:*

29. Для таджикской фразеосистемы характерна сомато-антропоцентричность. В английском языке слуховые и зрительные анализаторы репрезентируют местонахождение объектов указания. Также английскому языку свойственно наличие культурной структуризации личной сферы говорящего.

30. Установленная нами семантико-прагматическая организация дейксиса представляет собой один из возможных способов лингвистического анализа этой категории. Надеемся, данное исследование послужит дальнейшей разработке теоретических и прикладных проблем языковой категоризации и концептуализации объективной действительности в таджикском и английском языках, решению актуальных вопросов

лингвистической типологии и межъязыковой корреляции разноструктурных языков, а также уточнению теоретических и практических основ двуязычной лексикографии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашилова, А. М. Лексико-грамматические средства выражения семантики пространства в аварском языке в сопоставлении с английским : дис. ... канд. филол. наук / А. М. Абашилова – Махачкала, 2002. – 145 с.
2. Азиева, С. О. Выражение темпорального дейксиса в системе указателей в английском и аварском языках / С. О. Азиева // Совр. проблемы науки и образования. – 2007. – № 3. – С. 56–63.
3. Алефиренко, Н. Ф. Живое слово. Проблемы функциональной лексикологии : монография / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 341 с.
4. Амелина, Е. В. Русский язык в таблицах и схемах / Е. В. Амелина. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 2204.   Анищенко, О. А. Генезис и функционирование молодежного социолекта в русском языке национального периода : монография / О. А. Анищенко. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 278 с.
5. Амирова, П. А. Дейктические системы и средства их выражения в дагестанских и германских языках : дис. ... канд. филол. наук / П. А. Амирова. – Махачкала, 2006. – 156 с.
6. Антонова, Е. С. Русский язык и культура речи : учебник / Е. С. Антонова, Т. М. Воителева. – М. : Академия, 2007. – 319 с.
7. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Часть 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры. – 1995. – 769 с.
8. Арнольд, И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблемы экспрессивности // Экспрессивные средства английского языка / И. В. Арнольд. — Л., 1986. - С 11-20.
9. Артемова, О. А. Типология дейксиса в семантико-прагматическом аспекте (на материале белорусского и английского языков) / О. А. Артемова. – Минск : МГЛУ. – 2019. – 176 с.

10. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 356–367.
11. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл /Н.Д. Арутюнова. – URSS. 2019. – 384 с.
12. Ахапкина, Я. Э. Проблемы функциональной грамматики. категоризация семантики / Я. Э. Ахапкина и др. – СПб : Наука, 2008. – 469 с.
13. Базжина, Т. В. Русская пунктуация : пособие-справочник /Т. В. Базжина, Т. Ю. Крючкова. – М. : Форум, 2010. – 303 с.
14. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка /Ш. Балли. – М.: Издательство иностранной литературы, 2003. – 416 с.
15. Барабаш, Ю. Я. Т.Г. Шевченко. Семантика и структура поэтического текста / Ю.Я. Барабаш. — Москва : ИМЛИ РАН, 2011. — 428 с.
16. Барт, Р. S/Z. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. - 232 с.
17. Бельчиков, Ю. А. Учебное пособие по практической стилистике и литературному редактированию / Ю. А. Бельчиков, В. П. Вомперский. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1957. – 196 с.
18. Бенвенист, Э. Общая лингвистика /Э. Бенвенист. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 448 с.
19. Березко, М. Д. Функционирование субстантивных заместителей в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук /М.Д. Березко. – Моск. гос. ин-т иностр. яз. – М., 1988. – 24 с.
20. Берн Эрик. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных /Э. Берн. – Бомбара. 2021. – 496 с.
21. Бешенкова, Е. В. Лингвистические основы кодификации русской орфографии : теория и практика / Е. В. Бешенкова, С. Н. Борунова, Н. А. Еськова и др. – М. : Азбуковник, 2009. – 277 с.

22. Бобунова, М. А. Русская лексикография XXI века / М. А. Бобунова. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 196 с.
23. Богданов, К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов / К. А. Богданов. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 348 с.
24. Богин, Г.И. Схемы действий читателя при понимании текста: Учебное пособие /Г.И. Богин. – Калинин, 1989. – 84 с.
25. Богоявленский, Д. Н. Психология усвоения орфографии / Д. Н. Богоявленский. – М. : Просвещение, 1966. – 305 с.
26. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика /Н.Н. Болдырев. – Тамбов. 2014. – 235 с.
27. Бондарко, А. В. Лингвистика текста в системе функционально-семантических категорий // Текст. Структура и семантика /А.В. Бондарко. – М., 2001. – Т. 1. – С. 4–13.
28. Бромлей, С. В. Проблемы диалектологии, лингвогеографии и истории русского языка /С.В. Бромлей. – М. : Азбуковник, 2010. – 754 с.
29. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира /Т.В. Булыгина. – М. : Яз. рус. культуры, 1997. – 576 с.
30. Бурлакова, В.В. Дейксис // Спорные вопросы английской грамматики: коллективная монография. [отв. ред. Бурлакова В.В.] - Л.: ЛГУ, 1988. - С. 74-88.
31. Бэдэрэу, Д. В. Дейктические средства в английском, молдавском и русском языках / Д.В. Бэдэрэу, Л.А.Булаева, Д.А.Меленчук // Лингвистические исследования научной, художественной и публицистической литературы. - Кишинев, 1990. - С. 74-87.
32. Бюлер, К. Теория языка: Репрезентативная функция языка /К. Бюлер. – М., 1993. – 311 с.

33. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М. : Прогресс, 2001. – 528 с.
34. Вайнтрауб, Р. М. О соматических фразеологизмах в русском языке / Р. М. Вайнтрауб // Лексические единицы русского языка и их изучение / Р. М. Вайнтрауб. – Ташкент, 1980. – С. 51–55.
35. Вакуров, В. Н. Трудности русского языка : словарь-справочник. Под ред. Л. И. Рахмановой. – Ч. 2. М-Я. – М. : МГУ, 1994. – 266 с.
36. Васильев, Л. М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики : сб. избр. ст. / Л. В. Васильев. – Уфа : РИО БашГУ, 2006. – 524 с.
37. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. - 412 с.
38. Веселкова, О. Н. Темпоральная организация немецкого нарратива (дейктическая трактовка претерита) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. Н. Весёлкова. – Архангельск, 2004. – 258 с.
39. Виноградов, В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов ; под ред. Г. А. Золотовой. – М. : Рус. яз., 2001. – 720 с.
40. Виноградов, В. В. Лексикология и лексикография : избранные труды / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 310 с.
41. Виноградова, В. Н. Стилистика русского языка. Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста / В. Н. Виноградова, Т. Г. Винокур, Л. И. Еремина и др. – М. : Наука, 1987. – 236 с.
42. Волков, Н. Н. Семантика и дейктические функции личных местоимений в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук / Н.Н. Волков. – М., 1984. – 174 с.
43. Воронцова, В. Л. Грамматические исследования: функционально-стилистический аспект. Морфология. словообразование. Синтаксис / В. Л. Воронцова. – М. : Наука, 1991. – 247 с.

44. Воронцова, В. Л. Русский язык конца XX столетия. 1985-1995 / В. Л. Воронцова и др. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 478 с.
45. Выготский, Л.С. О двух направлениях в понимании эмоций в зарубежной психологии в начале XX века // Вопросы психологии /Л.С. Выготский. - 1968. № 2. - С. 149-159.
46. Гак, В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков : учебник для студентов педагогических институтов по специальности № 2103 "Иностранные языки" / В.Г. Гак. — М. : URSS : [ЛИБРОКОМ, 2010]. — 287 с.
47. Ганиев, Ж. В. Русский язык. Фонетика и орфоэпия / Ж. В. Ганиев – М. : Высшая школа, 1990. – 174 с.
48. Гвоздев, А. Н. Очерки по стилистике русского языка / А. Н. Гвоздев. – М. : Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1952. – 336 с.
49. Горбачевич, К. С. Нормы современного русского литературного языка / К. С. Горбачевич. – М. : Просвещение, 1989. – 208 с.
50. Горбачевич, К. С. Русский синонимический словарь / К. С. Горбачевич ; отв. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : ИЛИ РАН, 1996. – 511 с.
51. Греймас, А.-Ж. Структурная семантика : поиск метода / В.Ж. Греймас — М. : Академический Проект, 2004. — 367 с.
52. Гуревич, В. В., Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков / В.В. Гуревич : учебное пособие. — Москва : Флинта : Наука, 2010. — 168 с.
53. Гуцу-Ромало, В. К проблеме классификации глаголов / В. Гуцу-Ромало. – *Revue de Linguistique*. – 1986. – 123 с.
54. Дарвин, Ч. О выражении эмоций у человека и животных / Ч. Дарвин. - Москва-ХарьковМинск: «Питер», 2001- 368 с.
55. Дейк, Т. А. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. / сост. Т. М. Николаева. – М., 1978. – Вып. VIII : Лингвистика текста. – С. 259–336.

56. Демьянов, В. Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII веков: Проблемы морфологической адаптации / В. Г. Демьянов. – М. : Наука, 2001. – 409 с.

57. Динамические модели. слово, предложение, текст : сборник статей в честь / Е. В. Падучевой. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 1055 с.

58. Доброва, Г. В. Онтогенез персонального дейксиса: личные местоимения и термины родства : дис. ... д-ра филол. наук / Г.В. Доброва. – СПб., 2005. – 496 с.

59. Дрига, С.С. Социальный дейксис дискурса массовой коммуникации (на материале ток-шоу): дис. ... канд. филол. наук / С.С. Дрига. – Тверь, 2008. – 136 с.

60. Дроняева, Т. С. Стилистика современного русского языка : практикум / Т. С. Дроняева, Н. И. Клушина, И. В. Бирюкова. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 183 с.

61. Дурново, Н. Н. Избранные работы по истории русского языка / Н. Н. Дурново. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 780 с.

62. Елистратов, В. С. Арго и культура. МГУ, Фак. иностр. яз. – М. : Изд-во МГУ, 1995. – 231 с.

63. Ерзинкян, Е. Л. Категория пространство - время в лексикосемантической системе английского языка / Е.Л.Ерзинкян // Иностранные языки: Зарубежная литература: сб. науч. тр. - Ереван, 1985. - Вып. 5.

64. Есин, А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие. 4 изд. / А.Б.Есин. – М.:Флинта – Наука, 2002. – 248с.

65. Живов, В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков / В. М. Живов. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 655 с.

66. Житниковские чтения. Актуальные
проблемы лексикографирования научных исследований : материалы межвуз.
науч. конф. – Ч. 1. – Челябинск : б. и., 2000. – 315 с.
67. Житниковские чтения. Русский язык как государственный: динамика
и перспективы : материалы всерос. науч. конф. – Челябинск : ЧГУ, 2002. – 222
с.
68. Жура, В. В. Эмоциональный дейксис в вербальном поведении
английской языковой личности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 /
В. В. Жура ; Волгоград. гос. ун-т. – Волгоград, 2000. – 22 с.
69. Зайцева, Л. У. Саматычныя лексемы як кампаненты беларускіх і
англійскіх фразеалагізмаў / Л. У. Зайцава // Беларуская фразеалогія і еўрапейскі
моўны кантэкст : зб. навук. арт. : у 2 т. / Брэсц. дзярж
70. Зеленецкий, А. Л. Сравнительная типология немецкого и русского
языков : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. "Иностр. яз." / А.Л.
Зеленский. — М. : Просвещение, 1983. — 240 с.
71. Зеленецкий, А. Л. Сравнительная типология основных европейских
языков : Учеб. пособие по специальности 033200 - Иностр. яз. / А.Л.
Зеленецкий — М. : Academia, 2004. — 247 с.
72. Земская, Е. А. Современный русский язык.
Словообразование : учебное пособие / Е. А. Земская. – М. : Флинта : Наука,
2009. – 323 с.
73. Изард, К.Э. Психология эмоций / Перев. с англ. - СПб.: Издательство
«Питер», 2000.-464 с.
74. Ильяхов, А. Г. Античные корни русского языка. этимологический
словарь / А. Г. Ильяхов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2006. – 317 с.
75. Инфантова, Г. Г. Русский язык. Введение в науку о языке.
Лексикология. Этимология. Фразеология. Лексикография. –
М. : Академический проект, 2010. – 226 с.

76. Исхакова, З.З. Тендерный эмотивный дейксис. - Уфа, РИЦ БашГУ, 2011. - 198 с.
77. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М. : Мысль, 1994. – 591 с.
78. Кибрик, А.А. Об анафоре, дейксисе, и их соотношении // Разработка и применение лингвистических процессоров. Под ред. А.С.Нариньяни. – Новосибирск, 1983. С. 107-129.
79. Кисилева, Т.Г. Социальный образ женщины в культурах мира // Общественные науки и современность- 2003. -№ 3. - С. 162-172.
80. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка : учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 462 с.
81. Колбенева, М. Г. Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка. Лингво-психологический словарь / М. Г. Колбенева, Ю.И. Александров. – М. : Языки славянских культур, 2010. – 366 с.
82. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. — М. : URSS : Либроком, 2010. — 152 с .
83. Королёв, В. Д. Освоение детьми предложно-падежных наречных средств выражения локативного и темпорального дейксиса: дис. ... канд. филол. наук /В.Д. Королёв. – СПб., 2011. – 271 с.
84. Костомаров, В. Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. – М. : Гардарики, 2005. – 287 с.
85. Кошечая, И. Г. Сравнительная типология английского и русского языков : учеб. пособие для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. / И.Г. Кошечая — Минск : Вышэйшая школа, 1980. — 270 с.
86. Красухин, К. Г. Откуда есть пошло слово. Заметки по этимологии и семантике / К. Г. Красухин. – М. : Наука, 2008. – 187 с.
87. Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. – М. : Знак : Языки славянских культур, 2009. – 229 с.

88. Крутова, М. С. Книга глаголема : семантика, структура и варьирование названий русских рукописных книг XI-XIX вв. / М.С. Крутова — Москва : Пашков дом, 2010. — 369 с.

89. Крылов, С. А. К типологии дейктических систем / С. А. Крылов // Лингвист. исслед. Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика. — М., 1984. — Ч. 1. — С. 138–148.

90. Крылов, С.А., Падучева Е.В. Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты // Языковая реальность в аспекте лингвистической прагматики. — М.: Наука, 1983. — С. 34–47.

91. Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. — М. : Флинта : Наука, 2007. — 837 с.

92. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. — М. : Высш. шк. ; Дубна : «Феникс», 1996. — 381 с.

93. Лайонез, Дж. Введение в теоретическую лингвистику: Пер. с англ. В.А.Звегинцева- М.: Прогресс, 1978.-543 с.

94. Ларина, Т. В. Фатические эмотивы и их роль в коммуникации // Эмоции в языке и речи / Т.В. Ларина: Сборник научных трудов / Под ред. И.А. Шаронова. М.: РГГУ, 2005. - С. 150-160.

95. Леонтьев, А.А. Психолингвистическая структура значения // Семантическая структура слова (психолингвистические исследования) / А.А. Леонтьев - М., Наука, 1971. - С. 7-19.

96. Лики языка : сборник / РАН. ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; отв. ред. М. Я. Гловинская. — М. : Наследие, 1998. — 442 с.

97. Лотман, Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости / Ю.М. Лотман. - М.: Наука, 1987. - С. 3-11.

98. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. (Человек - Текст - Семиосфера - История) / Ю.М. Лотман. - М.: Языки Русской культуры, 1999. - 448 с.
99. Лукьянова, Н. А. Некоторые вопросы диалектной лексикологии / Учебное пособие для студентов-филологов / Н.А. Лукьянова. - Новосибирск, НГУ, 1979. - 76 с.
100. Льюис, Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе (От столкновения к взаимопониманию) / Р.Д. Льюис. - М.: «Дело», 1999. - 440 с.
101. Ломтев, Т. П. Основы синтаксиса современного русского языка / Т. П. Ломтев. - М. : Учпедгиз, 1958. - 166 с.
102. Лопатин, В. В. Многогранное русское слово. Избранные статьи по русскому языку / В. В. Лопатин. - М. : [Азбуковник], 2007. - 743 с.
103. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
104. Мамедова, Р. В. Особенности функционирования указательных местоимений : дис. ... канд. филол. наук / Р.В. Мамедова. - Баку, 1992. - 135 с.
105. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. - М., 2008. - 296 с.
106. Материалы научной международной конференции, 27-28 февраля 2002 года. Семантика музыкального языка Вып. 1, 2004. — 283 с.
107. Мельчук, И. А. Язык: от смысла к тексту / И.А. Мельчук. — М.: Языки славянской культуры, 2012. — 76 с.
108. Минибаева, С.В. Лингвоанализ текста: практика исследования эмотивного текста / Учебное пособие по курсу «Лингвистический анализ художественного текста» / С.В. Минибаева. - Стерлитамак, 2004. - 100 с.
109. Мирзамухамедова, М.Ф. Семантико-синтаксическая характеристика указательных местоимений и местоименных наречий в

современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук /М.Ф. Мирзамухамедова. – М., 1984. – 197 с.

110. Молчанова, Г.Г. Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация. Учебное пособие / Г.Г. Молчанова. - М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. - 384 с.

111. Морен, М.К., Тетеревникова Н.Н. Стилистика современного французского языка / М.К. Морен. - М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1960- 299с.

112. Мурысов, Р.З. Избранные труды по германскому и сопоставительному языкознанию /Р.З. Мурысов. – Уфа: Башкирский университет, 1998. - 310 с.

113. Мурысов, Р.З. Актуальные проблемы грамматической типологии / Р.З. Мурысов // Вестник БашГУ.-2009.-Т. 14 №3(1). -С . 1161-1166.

114. Мягкова, Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова / Е.Ю. Мягкова. - Курск, 2000.-ПО с.

115. Натуральнова, Г. А. Пространственный дейксис в русском и эрзянском языках (сопоставительный анализ) / Г. А. Натуральнова // Интеграция образования. – Саранск, 2012. – № 2 (67). – С. 114–119.

116. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. - М.: Высш. шк., 1988.-168 с.

117. Николаева, Т.М. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике / Т.М. Николаева. Лингвистика текста. Вып. VIII-М: «Прогресс», 1978. - С. 5-31.

118. Николаева, Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике / Т.М. Николаева. Лингвистика текста. Вып. VIII. - М.: «Прогресс», 19786.-С. 467-472.

119. Николаева, Т. М. Семантика акцентного выделения / Т.М. Николаева. — М. : URSS : ЛИБРОКОМ, 2010. — 102 с.

120. Николенко, Л. В. Лексикология и фразеология современного русского языка : учебное пособие / Л. В. Николенко. – М. : Academia, 2005. – 140 с.

121. Новожилова, А.А. Временная референция. Дейксис и анафора // Актуальные проблемы лингвистики XXI века: Сб. ст. по мат. междунар. науч. конференции, 6-7- декабря 2006 г. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. – С. 182 - 188.

122. Норман, Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций [Электронный ресурс] / Б. Ю. Норман. – Минск : БГУ, 2009. – 183 с. – Режим доступа : <http://elib.bsu.by/handle/123456789/1690>. – Дата доступа : 10.01.2016.

123. Об изменении значения и заменах существительного. Из записок по русской грамматике. – Т. 3, 1968. – 549 с.

124. Оксенчук, А. Е. О роли соматической фразеологии в репрезентации эталонов и стереотипов наивной картины мира / А. Е. Оксенчук // Весн. Вісб. дзярж. ун-та. – 1998. – № 1. – С. 52–55.

125. Падучева, Е. В. К семантике дейктических элементов в повествовательном тексте // Вопросы кибернетики: Язык логики и логика языка /Е.В. Падучева. – М., 1990. – С. 168–185.

126. Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива) /Е.В. Падучева. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 464 с.

127. Падучева, Е. В. Эгоцентрические языковые единицы [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа : <http://www.rusgram.ru/> Эгоцентрические_языковые_единицы. – Дата доступа : 24.03.2018.

128. Парадигматика. Исследования по семантике и лексикографии. – Т. 1. – 2009. – 567 с.

129. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.

130. Потебня, А. А. Мысль и язык : собрание трудов / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1999. – 269 с.
131. Потенциал русского языка: источники и реализованные возможности : монография. – Краснодар, Изд-во КубГУ, 2001. - 317 с.
132. Приходько, В. К. Выразительные средства языка / В. К. Приходько. – М. : Академия, 2008. – 253 с.
133. Приходько, В. К. Экспрессивно-эмоциональная диалектная лексика Приамурья // Русский язык в школе / В.К. Приходько. — 2013. — № 7. — С. 84-87.
134. Рахимов, С. С. Проблема дейксиса как категории типологической лингвистики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук /С.С. Рахимов. – Воен. ин-т. – М., 1990. – 45 с.
135. Рахимова, Ш.Б. Эмотивные глаголы как компонент функционально-семантического поля эмотивности в русском и таджикском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук /Ш.Б. Рахимова. – Душанбе. 2010. – С. 20.
136. Рассел, Б. Человеческое познание, его сферы и границы /Б. Рассел. – М.: Издательство иностранной литературы, 1957. – С. 41–45.
137. Репина, Т. А. Сравнительная типология романских языков (французский, итальянский, испанский, португальский, румынский) : учеб. для студентов вузов / Т.А. Репина. — СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. — 279 с.
138. Розенталь, Д. Э. Большой справочник по русскому языку. орфография, пунктуация, орфографический словарь, прописная или строчная? / Д. Э. Розенталь. – М. : Мир и Образование : Оникс, 2009. – 1006 с.
139. Русская судьба крылатых слов / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит– Санкт-Петербург : Наука, 2010, – 633 с.

140. Салимовский, В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении / В. А. Салимовский. – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2002. – 235 с.

141. Семантические корреляции на лексическом и синтаксическом уровнях : межвуз. сб. науч. тр.. — Саранск : [МГУ], 1990. — 127 с.

142. Слово и язык : сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, Ин-т проблем передачи информации им. А. А. Харкевича. – М. : Языки славянских культур, 2011. – 735 с.

143. Сложеникина, Ю. В. Терминологическая вариативность : семантика, форма, функция / Ю.В. Сложеникина. — М. : URSS : Издательство ЛКИ, 2010. — 288 с.

144. Смирнов, И. П. Видеоряд : историческая семантика кино. — Санкт-Петербург / И.П. Смирнов : Петрополис, 2009. — 397 с.

145. Солганик, Г. Я. Очерки модального синтаксиса. Монография / Г. Я. Солганик. – М. : Флинта, 2010. – 132 с.

146. Солодуб, Ю. П. Современный русский язык. Лексика и фразеология : сопоставительный аспект / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 259 с.

147. Сравнительная типология русского и германских языков : межвуз. темат. сб.. — Калинин : Калининский государственный университет, 1978. — 160 с.

148. Сребрянская, НА. Дейксис и его проекции в художественном тексте. - Воронеж: Воронежский государственный пед. университет, 2005. - 259 с.

149. Степанов, Ю. С. В поисках прагматики (Проблема субъекта) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз /Ю.С. Степанов. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 325–332.

150. Стернин, И. А. Значение слова и его компоненты /И.А. Стернин. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 28 с.
151. Стернин, И. А. Контрастивная лингвистика: проблемы теории и методики исследования/И.А. Стернин – М. : АСТ : Восток – Запад, 2006. – 288 с.
152. Стернина, М. А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований / М. А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2014. – 115 с.
153. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л. М. Алексеева и др. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 694 с.
154. Табурова, С.К. Гендерные аспекты речевого поведения парламентариев (на материале парламентских дебатов в ФРГ) // Социс, 1999-№9.-С.84-92.
155. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семант., прагмат. и лингвокультуролог. Аспекты / В. Н. Телия– М. : Языки русской культуры, 1996. – 286 с.
156. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 2001. – 298 с.
157. Тимофеева, М. К. Язык с позиций философии, психологии, математики : учебное пособие / М. К. Тимофеева. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 173 с.
158. Улуханов, И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка / И. С. Улуханов. – М. : Азбуковник, 2005. – 311 с.
159. Успенский, Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.) / Б. А. Успенский. – М. : Аспект-Пресс, 2002. .- 560 с.
160. Устин, А.К. Формализованный знак в тексте / А.К. Устин - СПб: SuperMax, 1997. - 95 с.

161. Устин, А.К. Введение в семио-диахронную и семио-иерархическую тему / А.К. Устин. – СПб.: SuperMax,1995а. – 100 с.
162. Устин, А.К. Генетика текста – генетика культуры / А.К. Устин. – СПб.: SuperMax,1995б. - 80 с.
163. Устин, А.К. Культурогенетический эксперимент / А.К. Устин. – СПб.: SuperMax,1995в. - 108 с. Устин А.К. Семиотика глубины / А.К.Устин. – СПб.: SuperMax,1995г. - 90 с.
164. Уфимцева, А. А. Языковая номинации /А.А. Уфимцева. – М. : Наука, 1977. – 358 с.
165. Уфимцева, А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики / под. ред. ЮС. Степанова, изд. 2 / А.А. Уфимцева. - М.: Едиториал УРСС,2002.-240с.
166. Файзиева, С.А. Семантические классы глаголов эмоционального ощущения в таджикском и русском языках: автореф. дис. ...канд. филол. наук. / С.А. Файзиева. – Душанбе. – 2009. С. – 12.
167. Филипенко, М. В. Семантика наречий и адвербиальных выражений / М.В. Филипенко. — М. : Азбуковник, 2003. — 303 с.
168. Халикова, З.К. Семантический анализ глаголов и глагольных сочетаний эмоционального отношения и состояния в русском и таджикском языках: на материале глаголов семантического класса «любовь и ненависть»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / З.К. Халикова. Душанбе. – 2010. С. – 18.
169. Храпа, В. В. От адамова яблока до яблока раздора. Происхождение слов и выражений / В. Храпа. – М. : ЭНАС, 2010. – 175 с.
170. Чалабян, С. А. Особенности категории временного дейксиса : дис. ... канд. филол. наук / С. А. Чалабян. – Ереван, 1991. – 192 с.
171. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. – М. : Изд-во Московского университета, 1968. – 312 с.

172. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка : учебное пособие / Н. М. Шанский. – М. : Высшая школа, 1969. – 232 с.
173. Шахматов, А. А. Русская диалектология : лекции. / А. А. Шахматов. – СПб : Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2010. – 262 с.
174. Шаховский, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шаховский. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.
175. Щедровицкий, Г.П. Избранные труды. – М., 1995. – 677 с.
176. Шеремет, Н. В. Сравнительная типология французского, русского и белорусского языков / Н.В. Шеремет. — Минск : Вышэйшая школа, 1982. — 163 с
177. Шмелев, Д.Н. Семантический анализ лексики / Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1986. – 342 с.
178. Шмелев, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 492 с.
179. Шокиров, Т. С. Формирование и развитие юридических терминов таджикского языка / Т.С. Шокиров. – Душанбе. – 2011. Автореферат докторской диссертации. – С. 23.
180. Штрекер, Н. Ю. Современный русский язык. Историческое комментирование : учебное пособие / Н. Ю. Штрекер. – М. : Academia, 2005. – 238 с.
181. Юнаш, М. У. Саматычныя фразеалагізмы ў мастацкім маўленні: семантычныя і функцыянальна-стылістычны аспекты (на матэрыяле беларускай драматургіі) : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / М. У. Юнаш ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2005. – 21 с.
182. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и восприятия / Е. С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 343 с.

183. Яранцев, Р. И. Русская фразеология : словарь-справочник, около 1500 фразеологизмов / Р. И. Яранцев. – М. : Русский язык, 1997. – 846 с.
184. Bache, C. Another Look at the Distinction Between Aspect and Action / C. Bache // *Temporal Reference, Aspect, and Actionality* / P. M. Bertinetto, V. Bianchi, O. Dahl, M. Squartini (eds.). – Torino, 1995. – Vol. 2. – P. 65–78
185. Brown, P. Politeness : Some Universals in Language Usage / P. Brown, St. Levison. – N. Y. : Cambridge Univ. Press, 1987. – 345 p.
186. Coates, J. Gossip revisited: language in all female groups // *Women in their speech communities*. - L.,N.Y., 1988.- P.94-122.
187. Coates, J. *Language and Gender*. - Blackwell, 1998. - 515 p.
188. Coates, J. Cameron D. (eds) *Women in Their Speech Communities*- Longman, 1991.-186 p.
189. Denny, P. Semantics of the Inuktitut (Eskimo) spatial deictics / P. Denny // *Intern. Journal of American Linguistics*. – 1982. – № 48. – P. 359–384. *Diccionario ideográfico polígloto* / red.: N. Backhausen, O. Adaptation, G. M. Zapater. – Madrid : Aguilar, 1960. – 590 p.
190. Ehlich, K. Anaphora and Deixis: Same, Similar or Different / K. Ehlich // *Speech, Place and Action : Studies in Deixis and Related Topics*. – N. Y., 1982. – P. 315–338.
191. Fillmore, Ch. *Santa Cruz Lectures on Deixis* / Ch. Fillmore. – Bloomington : Ind. Univ. Linguistic Club, 1985. – 88 p.
192. Flaherty, M. *Cognition, Perception and Deixis: the Expression of Spatial Relationships in Spanish and English* [Electronic Resource] / M. Flaherty, W. Richardson. – 2003. – Mode of access : <http://citeseer.ifi.unizh.ch/178013.html>. – Date of access : 23.04.2016.
193. Goleman, D. *The Emotional Intelligence. Why it Can Matter More than IQ?* - Bentam Books, 1997. - 368 p

194. Grenoble, L. A. *Deixis and Information Packaging in Russian Discourse* / L. A. Grenoble. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publ. Co., 1998. – 338 p.
195. Hall, E. *The Hidden Dimension* / E. Hall. – N. Y. : Doubleday, 1966. – 211 p
196. Hauenschild, Chr. *Demonstrative Pronouns in Russia and Czech Deixis and Anaphora* / Chr. Hauenschild // *Here and There : Cross-linguistic Studies in Deixis and Demonstration* / ed.: J. Weissenborn, W. Klein. – Amsterdam ; Philadelphia, 1982. – P. 167–186.
197. Keenan, E. *The Logical Diversity of Natural Languages* / E. Keenan // *Origins and Evolution of Language and Speech*; Harnad, S., Steklis, H. & Lancaster, J. (eds.). – N. Y. : The New York Acad. of Sciences, 1976. – P. 73–91.
198. Kryk, B. *On Deixis in English and Polish* / B. Kryk. – Frankfurt : Peter Lang Verl., 1987. – 113 p.
199. Leech, G. *Meaning and the English Verb* / G. Leech. – London : Longman, 1974. – 131 p.
200. Levinson, S. *Pragmatics* / S. Levinson. – London ; N. Y. : Longman, 1983. – 420 p.
201. McFarland, C. D. *Deictic Pronouns in Philippine Languages* [Electronic resource] / C. D. McFarland. – Mode of access : https://www.sil.org/system/files/reapdata/12/86/64/128664069886013526662671874066252333729/McFarland_Deictic_Pronouns_phil_lang.pdf. – Date of access : 12.05.2016.
202. Opalka, H. *Representations of Local Ni-Deixis in Swahili in Relation to Bühler's «Origo des Zeigfelds»* / H. Opalka // *Here and There. Cross-Linguistic studies on Deixis and Demonstration* / ed.: J. Weissenborn, W. Klein. – Amsterdam ; Philadelphia, 1982. – P. 65–79.

203. Perkins, R. D. Deixis, Grammar and Culture. Typological Studies in Language / R. D. Perkins. – Amsterdam : Philadelphia : John Benjamin Publ. Co, 1992. – 245 p.
204. Rauh, G. Aspects of Deixis / G. Rauh // Essays on Deixis / ed. G. Rauh. – Tübingen, 1983. – P. 9–60.
205. Segal, E. Narrative Comprehension and the Role of Deictic Shift Theory / E. Segal // Deixis in Narrative: A Cognitive Science Perspective / ed.: J. F. Duchan, G. Bruder, L. Hewitt. – Hillsdale ; New Jersey, 1995. – P. 3–19.
206. Tanz, Ch. Studies in the Acquisition of Deictic Terms / Ch. Tanz. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1980. – 184 p.
207. Wieseemann, U. Pronominal Systems / U. Wieseemann. – Tübingen : Gunter Narr, 1986. – 481 p.
208. Айнӣ, С. Қуллӣёт / С. Айнӣ // Айнӣ С. Луғати нимтафсилии тоҷики барои забони адабии тоҷик / С. Айнӣ. – Душанбе, 1976. – Ҷ. 12. – С. 13-558.
209. Гаффоров, Р. Забон ва услуби Раҳим Ҷалил / Р. Гаффоров. – Душанбе : Дониш, 1966. – 116 с.
210. Гаффоров, Р. Шеваи ҷанубии забони тоҷикӣ / Р. Гаффоров. – Душанбе : Дониш, 1979. – 271 с.
211. Ғиёс-ул-луғот . – Душанбе : Адиб, 1987. – Ҷ. 1-2. – 416 с.
212. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе : Дониш, 1977. – 372 с.
213. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе : Дониш, 1986. – Ҷ. 2 : Ибора ва синтаксиси ҷумлаҳои сода. – 372 с.
214. Зеҳни, Т. Санъати суҳан / Т. Зеҳни. – Душанбе : Ирфон, 1979. – 396 с.
215. Камолиддинов, Б. Забон ва услуби Х. Карим/Б. Камолиддинов. – Душанбе : Ирфон, 1967. – 321 с.

216. Камолиддинов, Б. Ҳусни баён / Б. Камолиддинов. – Душанбе : Маориф, 1989. – 291 с.
217. Капранов, В. А. Луғати мухтасари синонимияи Русӣ- тоҷикӣ / В. А. Капранов, И. Л. Николаев. – Душанбе : Ирфон, 1985. – 319 с.
218. Луғати мухтасари тоҷикӣ-русӣ . – Душанбе : Ирфон, 1988. – 250 с.
219. Маҷидов, Ҳ. Осори воқеияти қадимаи эронӣ дар фразеологияи муосири тоҷик / Ҳ. Маҷидов // Номаи Пажӯҳишгоҳ. – 2002. – № 4. – С. 63-77.
220. Маъсумӣ, Н. Забони адабии тоҷики дар ибтидои қарни XX / Н. Маъсумӣ // Номаи Пажӯҳишгоҳ. – 2004. – № 2. – С. 25-42.
221. Маъсумӣ, Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик / Н. Маъсумӣ. – Сталинабад : Нашр. дав. Точ., 1959. – 294 с.
222. Муҳаммадиев, М. Луғати синонимҳои забони тоҷикӣ / М. Муҳаммадиев. – Душанбе : Маориф, 1993. – 233 с.
223. Ниёзӣ, Ш. Исм ва сифат дар забони тоҷики / Ш. Ниёзӣ, – Душанбе : Ирфон, 1973. – 186 с.
224. Нуров, А. Фарҳанги осори Ҷомӣ / А. Нуров. – Душанбе : Ирфон, 1985. – 233 с.
225. Рустамов, Ш. Ш. Забон ва замон / Ш. Ш. Рустамов. – Душанбе : Ирфон, 1981. – 231 с.
226. Саймиддинов, Д. Вожашиносии забони форси миёна / Д. Саймиддинов. – Душанбе : Пайванд, 2001. – 310 с.
227. Саймиддинов, Д. Тафовути ғуишҳои забони толишии Гилон / Д. Саймиддинов // Номаи Пажӯҳишгоҳ. – 2004. – № 3. – С. 15-32.
228. Ҳалимов, С. С. Айнӣ ва баъзе масъалаҳои инкишофи забони адабии тоҷик / С. Ҳалимов.- Душанбе : Ирфон, 1974. – 231 с.
229. Шоҳаҳмад, А. Фарҳанги ашъори Камоли Хучандӣ / А. Шоҳаҳмад. – Душанбе : Маориф, 1996. – 368 с.

230. Шукуров, М. Ҳар сухан ҷоеву ҳар нукта мақоме дорад / М. Шукуров. – Душанбе : Ирфон, 1985. – 187 с.

С Л О В А Р И

1. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5000 синонимических рядов, более 20 000 синонимов / Н. Абрамов. - 8-е изд., стер. - М. : Русские словари [и др.], 2008. - 667 с.

2. Англо-русский словарь. М.: Хорвест. – 2009. – 832 с.

3. Берков, Валерий Павлович. Большой словарь крылатых слов русского языка. Около 4000 единиц / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. - М. : АСТ [и др.], 2000. - 623 с.

4. Бирих, Александр Карлович. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник: свыше 2500 русских образных оборотов / Бирих А.К., В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; Под ред. В. М. Мокиенко; СПбГУ. - СПб. : Фолио-Пресс, 1998. - 700 с.

5. Бирих, Александр Карлович. Словарь фразеологических синонимов русского языка: свыше 8 000 рус. фразеологизмов, 950 синоним. рядов, толкование значений, алф. указатель фразеологизмов / А. К. Бирих, В. Н. Мокиенко, Л. И. Степанова. - М. : АСТ-ПРЕСС, 2009. - 445 с.

6. Большой толковый словарь синонимов русской речи: Идеографическое описание 2000 синонимических рядов, 10 500 синонимов / [Л. Г. Бабенко и др.] ; под общ. ред. Л. Г. Бабенко. - М. : АСТ-ПРЕСС, печ. 2008. - 753 с.

7. Большой фразеологический словарь русского языка / [авт.-сост.: И. С. Брилёва и др.]; отв. ред. В. Н. Телия. - 4-е изд. - М.: АСТ-ПРЕСС, печ. 2009. - 782 с.

8. Окунцева, Елена Андреевна, авт.-сост. Новейший словарь

иностранных слов: около 5000 слов и словосочетаний / [авт.-сост. Е. А. Окунцова]. - 2-е изд., испр. - М. : Айрис-пресс, 2009. - 510 с.

9. Розенталь, Дитмар Эльяшевич. Фразеологический словарь русского языка: 700 фразеологических оборотов: [А-Я] / Д. Э. Розенталь, В. В. Краснянский. - М. : Оникс [и др.], 2008. - 416 с.
10. Фарҳанги забони тоҷикӣ : в 2 т. – М. : Совет. энцикл, 1969.
11. Фарҳанги мухтасари «Шоҳнома» . – Душанбе : Адиб, 1988. – 211 с.
12. Фарҳанги тоҷики ба руси (зери таҳрири С. Д. Холматова, С. Солеҳов, С. Каримов) . – Душанбе : Дониш, 2004. – 814 с.
13. Dictionary of English Language and Culture. - Longman Group UK Limited, 1992. - 1555 p.
14. Macmillan. English Dictionary for Advanced learners. Macmillan Publishers Limited, 2002. - 1692 p.

И С Т О Ч Н И К И

Аҳмадзода Юсуфҷон. Ишқи духтари кулаҳпӯш / Юсуфҷон Аҳмадзода. – Душанбе: Адиб. – 2010. – 255 с.

Гулрухсор, С. Дар аноҳи сояи худ / С. Гулрухсор. – М. : Академия, 1998. – 320 с.

Дехлавӣ, Х. Куллиет / Х. Дехлавӣ. – Душанбе : Ирфон, 1984. – 521 с.

Зебуннисо. Саду як ғазал /Зебуннисо. – Душанбе : Ирфон, 2010. – 106 с.

Кароматуллоҳи Мирзо. Дар орзуи падар / Кароматуллоҳи Мирзо. – Душанбе: Адиб. – 2009. – 599 с.

Лоик Ш. Резаборон / Ш. Лоик. – Душанбе : Ирфон, 1986. – 312 с.

Раънои Мубориз. Ба ҳамзабон / Раънои Мубориз. – Душанбе: Адиб, 2010.

– С. 5.

Раънои Мубориз. Ту, эй устоз, эй модар / Раънои Мубориз. – Душанбе: Адиб, 2006. – С. 10.

Раънои Мубориз. Тоҷикистон, Ватанам / Раънои Мубориз. – Душанбе: Адиб, 2002. – С. 7.

Фарзона. Ояти ишқ / Фарзона. – Душанбе: Адиб. – 1994. – С. 15.

Фарзона. Мӯҳри гули мино / Фарзона. – Душанбе: Адиб. – 2006. – С. 199.

Фирдавсӣ А. Шохнома. Ҷ -1,2. / А. Фирдавсӣ. – Душанбе: Адиб. – 2007.

Шукуҳӣ А. Асад ва Самад. – Душанбе : Ирфон. – 1972.

Austen J. Pride and Prejudice. Foreign Languages Publishing House. - Moscow. 1961.-388 p.

Bronte E.Wuthering Heights. Foreign Languages House. - Moscow, 1963. - 367 p.

Christie Agatha. Selective Detective Prose. - Moscow: Raduga Publishers, 1989. - 400 p.

Christie Agatha. Murder on the Links. Progress Publishers. - Moscow, 1989 . - 304 p.

Clarke Arthur Charles. 2001 A Space Odyssey. Progress Publishers. - Moscow, 1986 . - 304 p

Collins Wilkie. The Woman in White. Penguin Books, 1961.

Conan Doyle, Arthur. The Firm Of Girdlestone. Penguin Books, 1961.

Heinlein Robert. The Rolling Stones. Penguin Books, 1997.

Hunter Stephen. The 47th samurai. Москва, «Просвещение», 1989. – С. 78

Irving John. The world According to Garp. Москва, «Просвещение», 1989. - 146 с.

King Stephen. Wizard and Glass. – New York Times, 2005. – 346 p.

Maugham S. Theatre. М.: «Менеджер», 1997. - 204 с.

- Mayle Peter.** A Good Year. Penguin Books, 1993.-P. 195-207.
- Salvatore Robert .** The Halfling's Gem. Penguin Books, 1983.-P. 155-156.
- Stevenson Robert Louis.** The wrecker. Penguin Books, 1963.-P. 15-17.
- Swift Jonathan .** Journal to Stella. - Москва, «Просвещение», 1989. - 146с.
- Saintcrow Lilith.** Saint City Sinners. - Москва, «Просвещение», 1985.- 126 с.
- Shakespeare William.** Sonnets. – Азбука. 2022. – 416 с.
- Stevenson Robert Louis .**St. Ives. - Москва, «Просвещение», 1987. - 196с.
- Toffler Alvin .**Future Shock. М.: «Менеджер», 1997. - 304 с.
- Zola Emile.** Abbe Mouret's Transgression. Москва, «Просвещение», 1989. - 116 с.

Английские издания на русский язык

- Бронте Шарлотта.** Джейн Эйр. Роман / перевод В. Станевича. – М. : Худ. лит., 1990. – 449 с.
- Бэлза СИ., Палиевский П. В.** Грэм Грин // Английская литература. 1945-1980. – М., 1987.
- Джонатан Свифт.** Избранное. — Л.: Художественная литература, 1987.
- Джонатан Свифт.** Памфлеты. — М.: ГИХЛ, 1955. — 334 с.
- Джонатан Свифт.** Путешествия Гулливера. Сказка бочки. Дневник для Стеллы. Письма. Памфлеты. Стихи на смерть доктора Свифта / М. А. Штейнман. В поисках Свифта, или Арлекин без маски, с. 5-20. — М.: НФ «Пушкинская библиотека», АСТ, 2003. — 848 с.
- Джонатан Свифт.** Собрание сочинений в 3 т. — М.: Терра-Литература, 2000. — Т. I. — 480 с.; Т. II. — 480 с.; Т. III. — 496 с. Переизд.: 2008.
- Киплинг Р.** Собрание сочинений в 6 т. Перевод А. А. Энквиста. – М.: ТЕРРА, 1996, Том 2 -- 575 с.
- Остин Дж.** Чувство и чувствительность: Роман / Пер. с англ. И. Г.

Гуровой (1988); коммент. Е. Гениевой, Н. Демуровой. – М.:

Издательство АСТ, 1999. – 381 с.

Остин Дж. Разум и чувство: Роман / Пер. с англ. А. Ю. Фроловой. – М.:

ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013. – 445 с.

Чарльз Диккенс. Собрание сочинений в тридцати томах. — М.: ГИХЛ, 1962. — Т. 24—25.

Чарльз Диккенс. Собрание сочинений в десяти томах. — М.: Художественная литература, 1987. — Т. 10. Приложение: Н. Михальская. Диккенс в России.

Чарльз Диккенс. Собрание сочинений в двадцати томах. — М.: Терра-Книжный клуб, 2000. — Т. 18—19.

Чарльз Диккенс. Наш общий друг. — М.: АСТ, Астрель, 2011. — ISBN 978-5-17-074054-3, 978-5-271-38112-6.